

Леонард Золотарев

СТРАНА АЭДИЯ

(лирика)

**г.Орел
2004г.**

Леонард Золотарев

СТРАНА АЭДИЯ

Лирика

**г.Орел
2004г.**

ББК 84 (2Р)6

3-80

Автор: Золотарев Леонард Михайлович

Рецензенты: Курляндская Галина Борисовна – доктор филологических наук, профессор

Осмоловский Олег Николаевич – доктор филологических наук, профессор

Узилевский Геннадий Яковлевич – доктор филологических наук, профессор

Ответственный редактор: Осмоловский Олег Николаевич – доктор филологических наук, профессор

«Страна Аэдия». Лирика

Золотарев Л.М. - большой русский писатель, известный мастер крупной формы (романов в прозе и стихах, трагедий, переводов, рассказов для детей) в этой книге выступает как глубокий, тонкий, изящный лирик – автор стихов, песен, музыкальных новелл, раскрывающих мир высокой души поэта, его космически божественные творческие начала, патриотические устремления, раскрывающие генотип русского народа, его любовь к Красоте, Надежду на Будущее, Веру в свое высокое призвание, в гигантский Талант своего народа, народов Земли.

Читатель тоже всю жизнь учится,
как и писатель

Из разговора

ДИАЛОГИ С АРИСТОТЕЛЕМ

Вместо предисловия

Кстати, немцы испокон изучали «русскую душу», готовы изучать все человечество. Что-то говорят о созерцательности, лиризме русских, связанном с равнинным характером нашей среды обитания. Что-то связывают с метафизической волей, по Шопенгауэру, которая правит миром. В «Железной воле» Н.С.Лескова Гуго Карлович Пекторалис, проявляя немецкую «железную» выдержку, состязается в поедании блинов с русским купцом. Перегревшись за паузой, осы начинают ширять Пекторалиса, а он все ест и ест блины, тщательно пережевывая, пока не падает замертво. Купец же русский хопом отправляет блин за блином во чрево свое. «Проглотил» всю Сибирь, «доглотался», как говорится, до Калифорнии. И вот я думаю: да чтобы махину такую – немалую долю планеты – держать и содержать, достаточно ли пассивного созерцания? Активность русского человека и внешняя, и внутренняя, зигзагами и скачками – в сиюминутном и вечном, в обозримо земном и божественном.

Об этой нашей ментальности и моментальности, мимолетности и монументальности, обо всех этих чудных мгновениях, проблесках, прорезях и озарениях, заметьте, о нас с вами, все эти моменты – фрагменты из моих записных книжек, лирика стихотворная, оригинальная, безусловно, влияющая и на мои переводы, стихотворения в прозе, лирические миниатюры, золотые высверки народных речений, которые я когда-либо услышал, записал, а то и просто запомнил за свою жизнь. А начал давненько, еще на заре туманной юности, особо когда был молодым учителем в орловской деревне. Так и вижу, слышу всех словотворцев из народных глубин – дядю Симу, бабу Дашу, старенькую Антоннову – хозяйку мою из малоархангельского Губкино, где был тоже учителем в школе. Бывало, присядет напротив и – потекли слова свойские, золотые. Ли-

чико в кулачок, а глазки, а душа, а глубина, а теплота, лепота, как самое синее в мире... Черное море – Белый пароход...

Сын мой сидит дома и что-то пишет. А в мире бушуют страсти, планету трясет. Когда-то по моим стопам, после института, он тоже работал в деревне учителем. Сейчас по стопам матери – преподает в вузе. Летом защитил кандидатскую. Сколько же труда, интриг, воли и потрясений! Даже не верится.

Но вот он собирается на работу. Лет пять тому мы всей семьей крестились в церкви.

- Пап, какой мне крестик надеть? Натальный или серебряный?

Я молчу. И пауза. Размышление.

- Натальный – медный, - рассуждает он, - нам дан нашим крещеным отцом Мефодием. А серебряный – как булка к чаю, праздничный. – Пауза. Размышление, как высверк души.

- Медный надену, - решает сын окончательно. – На медной цепочке. Это – как черный хлеб. На каждый день, всегда хорошо.

* * *

Для писателей и читателей.

Спасибо поэту Третьяковскому, познакомившему нас с «Поэтикой» античного автора.

Из «Поэтики» Аристотеля.

(Об искусстве поэзии, ГИХЛ, 1957)

1. И если издадут написанный метром какой-нибудь трактат по медицине или физике, то они обыкновенно называют его автором поэтом, а между тем у Гомера и Эмпедокла нет ничего общего, кроме метра, почему первого справедливо называют поэтом, а второго скорее физиологом, чем поэтом.

2. ... искусства подражательные различаются в трех отношениях: или тем, в чем совершается подражание, или тем, чему подражают, или тем, чему подражают, или тем, как подражают... одни – благодаря мастерству, другие – по навыку, а иные – благодаря природному дару.

То же касается прозаической и простой стихотворной речи: так, Гомер

представляет лучших, Клеофонт – обыкновенных, а Гегемон Фасосец первый творец пародий, - худших. Такое же различие между трагедией и комедией. Последняя стремится изображать худших, а первая – лучших людей.

Подражать... можно, рассказывая о событии, как о чем-то отдельном от себя, как это делает Гомер, или же так, что подражающий остается самим собою, не изменяя своего лица, или представляя всех изображаемых лиц как действующих и деятельных. Потому эти произведения и называются «драмами», поскольку изображают лиц действующих.

Окружающие города местечки пелопонесские доряне называют комами, а афиняне – демами... комедианты названы ... от скитания (актеров) по комам (комедия. демос – демократические Афины).

4. Поэты более серьезные воспроизводили прекрасные деяния, подобных им людей, а более легкомысленные изображали действия людей негодных, сочиняя сперва насмешливые песни, в то время, как другие сочиняли гимны и хвалебные песни. До Гомера мы не можем назвать ничьей поэмы подобного рода, а начиная с Гомера – это возможно, например, его «Маргит» и тому подобное. В них появился, как и следовало, насмешливый метр; он и теперь называется ямбический, этим размером осмеивали друг друга. Таким образом, одни из древних поэтов стали творцами героических стихов, а другие – ямбов.

Гомер был величайшим поэтом, ибо не только хорошо слагал стихи, но и создавал драматические изображения; так он же первый показал основную форму комедии, придав драматическую отделку не насмешке, но смешному; следовательно, «Маргит» имеет такое же отношение к комедиям, как «Илиада» и «Одиссея» - к трагедиям. Когда появились трагедия и комедия, те, которые имели природное влечение к тому или иному роду поэзии, вместо ямбических стали комическими писателями, а вместо эпиков - трагиками.

Ямб из всех размеров самый близкий к разговорной речи. Доказательством этого служит то, что в беседе друг с другом мы произносим очень часто ямбы, а гексаметры – редко и то выходя из обычного строя разговорной речи.

5. Комедия есть воспроизведение худших людей, однако не в смысле полной порочности, смешное есть часть безобразного... комическая маска есть

нечто безобразное и искаженное, но без (выражения) страдания.

История комедии нам неизвестна... Обработать фабулы стали Эпихарм и Формий; в таком виде (комедия) впервые перешла (в Грецию) из Сицилии, а из афинских комиков первый Кратет, оставив ямбические стихотворения, начал первую разработку диалога и фабул.

Эпическая поэзия... следовала трагедии, как подражание серьезному; она отличается от трагедии тем, что имеет простой размер и представляет собой повествование, а кроме того, оба они различаются по объему; трагедия старается вместить свое действие в круг одного дня, а эпос не ограничен временем. Что есть в эпическом произведении, то есть и в трагедии, но что есть у последний, то не все входит в эпопею.

б. Итак, трагедия есть подражание действию важному и законченному, имеющему определенный объем, подражание при помощи речи, в каждой из своих частей различно украшенной; посредством действия, а не рассказа, совершающее путем сострадания и страха очищение подобных аффектов (катарсис – свершается еще и через Любовь, Веру, Надежду – Л.З.).

«Украшенной речью» я называю такую, которая заключает в себе ритм, гармонию и пение; распределение их по отдельным частям трагедии состоит в том, что одни из них исполняются только посредством метров (ритмически «словесное выражение»), а другие - посредством пения (опера, «музыкальная композиция»). Естественно вытекают две причины действия – мысль и характер, благодаря которым все имеет либо успех, либо неудачу.

Подражанию действию есть фабула (сочетание фактов), под характерами я разумею то, почему мы действующих лиц называем какими-либо, а под мыслью – то, в чем говорящие доказывают что-либо или просто высказывают свое мнение. Итак, необходимо, чтобы в каждой трагедии было шесть частей: фабулы, характеры, разумность, сценическая обстановка, словесное выражение и музыкальная композиция. К средствам подражания относятся две части, к способу – одна и к предмету – три. А так же и мысли.

Самое важное в этом – состав происшествий, трагедия есть подражание не людям, но действию и жизни, счастью и злосчастью, а счастье и злосчастье

заканчиваются в действии, жизни; цель трагедии (изобразить) какое-нибудь действие, а не качество; люди бывают какими-нибудь по своему характеру, а по действиям – счастливыми и наоборот.

Поэты выводят действующих лиц не для того, чтобы изобразить характеры, но благодаря этим действиям захватывают и характеры; следовательно, действия и фабула составляют цель трагедии, а цель важнее всего. Без действия трагедия существовать не могла, а без характеров могла бы.

Итак, характерные изречения, превосходные выражения и мысли не достигнут того, что дает трагедии фабула и сочетание действий. Что увлекает душу в трагедии, является – сутью части фабулы, так это перипетии и узнавания. Начинающие писать сперва больше успевают в слоге и изображении характеров, чем в сочетании действий.

Итак, фабула есть основа, душа трагедии, а затем уже следуют характеры, ибо трагедия, прежде всего, есть подражание действию, а потому особенно действующим лицам.

Третья часть трагедии – разумность. Это умение говорить то, что относится к сущности, обстоятельствам дела. В речах достигается при помощи политики и риторики; древние поэты представляли лиц говорящих как политики (российская особенность – Л.З.), нынешние – как ораторы (европейские особенность – Л.З.).

А характер – это то, в чем обнаруживается направление воли; поэтому не изображают характера те из речей, в которых не ясно, что кто-либо предпочитает или чего избегает.

Четвертая часть – разговоры, словесное выражение, изъяснение посредством слов, что имеет одинаковое значение как в метрической (стихотворной), так и в прозаической речи. Из остальных частей – пятая (музыкальная) часть составляет главное из украшений. Сценическая обстановка (состязание актеров, ныне – тем более – режиссеров – Л.З.), хотя и увлекают душу, но лежит вполне вне области искусства поэзии, так как сила трагедии остается и без состязания актеров (а тем более режиссеров – Л.З.). Так же в отделке декораций большее значение имеет искусство декоратора, чем поэт.

7. Каково же сочетание действий? Трагедия есть подражание действию, законченному и целому, имеющему известный объем. А целое есть то, что имеет начало, середину и конец. Середина – это то, что по закону природы само следует за другим, а за ним следует нечто другое, конец – то, что само следует за другим, после чего нет уже ничего другого. Хорошо составленные фавулы не должны начинаться откуда попало, где попало оканчиваться.

Далее, прекрасное. Всякая вещь или животное должны состоять из известных частей, не только иметь их в определенном порядке, но и не обладать какой попало величиной; а именно, красота заключается в величине и порядке, вследствие чего чрезмерно малое существо не могло бы стать прекрасным, так как обозрение его сделанное в незаметное время, сливается; оно не должно быть также чрезмерно большим, так как обозрение его совершается не сразу, ибо единство и целостность его для обозревающих теряются.

Итак, как неодушевленные и одушевленные предметы фавулы должны иметь длину, легко запоминаемую.

Тот объем (та трагедия) достаточен, внутри которого, при непрерывном следовании событий по вероятности или по необходимости, может произойти перемена от несчастья к счастью или от счастья к несчастью.

8. Фавула бывает едина не тогда, когда она вращается вокруг одного (героя)... и с одним может случиться бесконечное множество событий, даже часть которых не представляет никакого единства.

Гомер, впрочем, выгодно отличается (от других поэтов); и на этот вопрос, по-видимому, он взглянул правильно, благодаря ли искусству, или природному таланту, а именно, творя «Одиссею», поэт не представил всего, что случилось с героем... но сложил свою «Одиссею», а равно и «Илиаду» вокруг одного действия. Фавула ... должна быть изображением одного и притом цельного действия, и части событий должны быть так составлены, что при перемене или отнятии какой-нибудь части, изменялось и приходило в движение целое, ибо то, чье присутствие или отсутствие незаметно, не есть часть целого.

9. Задача поэта говорить не только о действительно случившемся, но и о том, что могло бы случиться по вероятности или по необходимости. А именно,

историк и поэт отличаются (друг от друга)... тем, что первый говорит о действительно случившемся, а второй – о том, что могло бы случиться. Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории; поэзия говорит более общен исторически о единичном... (не говоря уж о совр. речах – авт. Л.З.). Сложив в фабулу по законам вероятности, поэты, таким образом, подставляют любые имена, а не пишут, подобно ямбическим писателям, на отдельных лиц. В трагедии же придерживаются имен, взятых из прошлого. В возможность того, что не случилось, мы еще не верим.

Из простых фабул и действий самые худшие – эпизодические, а эпизодической фабулой я называю такую, в которой эпизодии следуют друг за другом без всякой вероятности и необходимости. Подобные (трагедии) сочиняются плохими поэтами вследствие их собственной бездарности, а хорошими – ради актеров, а именно, растягивая фабулу вопреки ее внутреннему содержанию, они часто бывают вынуждены нарушать естественный порядок действия.

10. Фабулы бывают простые; сплетенное действие такое, в котором – перемена происходит с узнаванием или с перипетией, а также с тем и другим вместе, случается вследствие чего-либо, до того (мотивация – Л.З.), а не после того.

11. Перипетия есть перемена событий к противоположному по законам вероятности и необходимости.

Узнавание обозначает переход от незнания к знанию.

Узнавание переплетается перипетией, ведущей к страху и состраданию, к несчастью или счастью, следующим за событиями. Иногда узнавание бывает двойное, сразу приходится узнавать друг друга обоим. Две части фабулы – перипетии и узнавания, третья – страдание как действие, причиняющее гибель или боль.

13. Составляя фабулы, к чему должно стремиться и чего следует остерегаться? Подражая страшному и жалкому в трагедии не следует изображать достойных людей переходящими от счастья к несчастью, это не страшно и не жалко, а порочных. Все это более чуждо трагедии, ибо не возбуждает ни человеколюбия, ни сострадания, ни страха. Вполне негодный человек не должен впадать

из счастья в несчастье, так как подобное возбуждало бы человеколюбие, но не сострадание и страх – перед несчастным нам подобного.

Остается человек, впадающий в несчастье, не по своей порочности, а по ошибке. Еврипид – трагичнейший из поэтов; ему приходилось перенести или совершить ужасное и изобразить это. Второй род трагедии имеет двойной состав. Подобно «Одиссее», он оканчивается противоположным для лучших и худших людей (противоток главному действию – Л.З.).

14. Страшное и жалкое... составляет признак лучшего поэта. Чтобы всякий, слушающий о происходящих событиях, содрогался и чувствовал сострадание.

Исследуем, какие из событий оказываются страшными и жалкими.

1) Когда эти страдания возникают среди друзей, например с врагами, с небезразличными друг другу. Например, брат убивает брата, или сын – отца, или мать – сына, или сын – мать, или же намеревается убить, или делает что-либо в этом роде – вот чего надо искать поэту.

2) Но можно совершить поступок, не зная его ужаса, а потом узнать о дружеских отношениях (героев).

3) Намеревающийся совершить преступление по неведению приходит к узнаванию, прежде чем совершит преступление. При этом возникают сомнения, необходимы это или нет.

Худший род из трех: хотел совершить – не совершил, нет страдания. Лучший – третий случай. Совершить в неведении, а потом узнать, при этом нет отвратительного, а узнавание бывает поразительно.

15. Характеры. Четыре пункта. 1) Чтобы они были благородны, обнаруживали благородное направление воли. Благородными бывают и просто женщина, и раб.

2) Подходящие (характер мужественный – мужественной женщины).

3) Правдоподобен. 4) Последователен. 5) Низок.

Искать, чтобы герой говорил или делал по необходимости или же вероятности. Развязка проистекает из самой фабулы, редко посредством машины.

Машиной пользоваться, чтобы изобразить то, что происходит вне драмы, что случилось раньше, чего не может знать человек, что может случиться впоследствии (это мы приписываем всевидению – машине времени – Л.З.).

Делать людей более красивыми, благородными, как например, суровый характер Ахилла у Агафона, Гомера.

16. Узнавание. 1. Худший – по внешнему признаку. Данному самой природой или приобретенному (рубец на ноге Одиссея). 2. Придуманные поэтом – нехудожественны. 3. Воспоминания. 4. Умозаключение. 5. Лучшее – из происходящих событий, вызывает изумление публики.

17. Фабулы строить как можно живее, представляя все перед своими глазами, самому переживать. поэзия есть область человека одаренного или одержимого, так как одни способны перевоплощаться, а другие – приходить в экстаз.

18. Завязка и развязка. Первая – до перехода от несчастья к счастью, вторая – от перехода от счастья к несчастью.

Четыре вида трагедии: 1). сплетенная (перипетии и узнавания), 2). страданий, 3). характеров, 4). чудесного.

19. О словесном выражении и области мысли (риторика). К области мыслей относите то, что должно быть достигнуто словом (доказательство, опровержение, возбуждение душевных движений (например, страха, гнева, возвеличение или умаление). И события должны быть жалкими или страшными.

Актерское мастерство - другая область (приказание и мольба, рассказ и угроза и т.д.). На искусство поэзии это не влияет.

20. Имена – простые и сложные. Простое – состоит из не имеющих значение частей («земля»). А из сложных одна состоит из части имеющей и части не имеющей значения, другие состоят из частей, имеющих определенное значение (Гермоканкоксанф).

Всякое имя бывает общеупотребительное или гlossa, а также или метафора, или украшенное, а сочиненное, или измененное. Общеупотребительное – которым все пользуются, гlossa – которым пользуются некоторые; одно и то же имя может быть и общеупотребительным, и гlossой («дротик» у жителей

Кипра общеупотребительное, а для нас – гlossa). Метафора есть перенесение необычного имени с рода на вид, с вида на вид или по аналогии (истинно, тьму славных дел Одиссей совершает; по аналогии - закат как вечер жизни).

22. Достоинство словесного выражения – быть ясным и не быть низким. Благородное, не затасканное выражение есть то, которое пользуется необычными словами. А необычное я называю гlossу, метафору, удлинение и все, уклоняющееся от общеупотребительного

Но если вся речь будет состоять из метафор, то получится загадка, а если из глосс – варваризм.

Пользоваться неумеренно этим способом – смешно, должна быть мера. Всякий, заслонив глоссы и метафоры общеупотребительными словами, увидит справедливость наших слов. Например, Эсхил и Еврипид создали один и тот же ямбический стих, с переменной одного только слова, так что (последний употребил) гlossу вместо обычного общеупотребительного слова, стих одного поэта кажется прекрасным, а другого – пошлым. Именно Эсхил в «Филоктете» говорит:

«Снедает вечно язва плоть ноги моей»,

А Еврипид вместо «снедает» поставил «смакует».

Из слов – сложные подходят к дифирамбам, гlossы – к героическим, метафоры – к ямбическим стихам.

В ямбических словах подходящие те, которыми пользуются в разговорах, подражая разговорной речи.

23. Например, одновременно произошли морское сражение при (Аламине и битва карфагенян в Сицилии), несколько не ведут к одной цели. Одно событие происходит после другого, однако большинство поэтов делают ошибку.

Гомер не замышлял описать всю войну, рассказ должен быть обзорным. Но выбрав одну ее часть, он воспользовался многими из обстоятельств как эпизодами (целого), которыми он разнообразит поэму. Поэтому из «Илиады» и «Одиссеи», из каждой порознь, можно составить одну трагедию или только две, а из «Киприй» (благодаря сюжету с отдельными эпизодами) сколь-

ко угодно.

24. Эпопея должна иметь одни и те же виды, что и трагедия, то есть быть или сплетенной, или нравоописательной, или патетической, она нуждается в перипетиях и в узнаваниях, в характерах и в страданиях; наконец мысли и способ выражения должны быть хороши (талантливы – Л.З.). Всем этим первый воспользовался Гомер, и в достаточной степени.

Эпопея отличается как длиной своего состава, так и метра. Длина – надо, чтобы сразу можно было обзреть и начало, и конец. В трагедии невозможно изображать многие события, происходящие одновременно, только часть из них, а эпопея – рассказ, можно сразу изобразить много событий, улучшать настроение слушателей (можно), разнообразя действие различными эпизодами. Однообразие же, скоро пресыщающее, бывает причиной неудачи многих трагедий.

31. Героический размер из всех метров самый спокойный, полный достоинства, способен принимать в себя глоссы и метафоры. Ямб же и тетраметр подвижны, причем первый подходит к действию, а второй – к танцам.

Гомер достоин похвалы. Именно сам поэт должен выступать менее всего.

В эпосе, как и в трагедии, следует изображать удивительное, в эпопее даже немыслимое, благодаря которому и происходит удивительное.

Следует предпочитать невозможное, вероятное возможному, но маловероятному (фантастика – Л.З.).

24. О языке. Должно особенно обрабатывать его в несущественных частях, не замечательных ни по характеру, ни по мыслям, ибо, напротив, чересчур блестящий слог делает незаметными как характеры, так и мысли.

25. Поэт, подобно художнику – живописцу, подражает непременно чему-нибудь одному из трех: или (должен) изображать вещи, как они были, есть, или как о них говорят и думают, или какими они должны быть.

В эпопее может быть много изменений, особенно в языке, на что мы даем право поэтам. Законы политики и поэтики неодинаковы (разница между поэтами и чиновниками – Л.З.) В самой же поэтике бывает погрешности (основа

для критики – Л.З.).

Совершенно случайные (погрешности). Поэт воспроизводит невозможное (для поэзии) – это ошибка первого рода. Поэт задумал неправильное, например, лошадь поднявшую сразу обе первые ноги, таким образом (поэт) делает или эту самую, или другую часть (своего произведения) более поразительной. Ошибка не имеет оправдания, ибо вообще не следует погрешать. Однако она незначительнее, если поэт не знал, что оленья самка не имеет рогов, чем если бы он не живо описал ее.

Поэта упрекают, что он не верен действительности. Отвечать следует так, как сказал Софокл, что сам он изображает людей такими, какими, они должны быть (романтизм – Л.З.).

Нелогичное – вероятно, чтобы что-то происходило и вопреки вероятности.

Противоречивое – рассматривать как это делают при опровержении в речах; одно и то же ли это по отношению к одному и тому же.

Справедливы упреки в бессмысленности и безнравственности.

Итак, (в области) критики – порицания делаются с пяти точек зрения (порицается невозможное, нелогичное, безнравственное, противоречивое, идущее вразрез с правилами искусства). Возвращения должны исходить из вышеуказанных точек зрения, и их – двенадцать.

26. Исполнители (артисты) режиссеры превносят свое, как будто публика не поймет их, если они от себя чего-нибудь не прибавят, пускают в ход всевозможные движения, кувыркаясь, как плохие флейтисты, когда им приходится представлять «Диск» и таская корифея, когда наигрывают «Скиллу».

Эпос предназначается для благородной публики, не нуждается в жестикуляции, а трагическое искусство – для черни. Однако это критика не поэтического, а уже актерского искусства, так как (у актеров) возможны излишества в движениях (что замечается к Сосистраста), (справедливо) и для певца лирических песен, что делал Мнасифей из Опунта, подражая свободнорожденным женщинам. Трагедия и без (излишних тело) движений исполняет свою обязанность.

(В конце концов) трагедия имеет все, что есть у эпопеи: она может пользоваться ее метром... обладает жизненностью и при чтении, и в развитии действия, а также благодаря тому, что цель подражания достигается в ней при ее небольшом сравнительном объеме, ибо все сгруппированное воедино производит более приятное впечатление, чем растянутое на долгое время.

Наконец, единства изображения в эпопее меньше, из любой поэмы (эпопеи) образуется несколько трагедий.

При кратком выражении поэма (эпопея) кажется кургузой, или благодаря длине метра – водянистой. «Илиада» и «Одиссея» составлены, насколько возможно, прекрасно и служат отличным изображением единого действия.

Итак, ясно, что трагедия, в силу только что сказанного и, сверх того, (благодаря) действию своего искусства... стоит выше, достигая своей цели лучше эпопеи.

Перевод В.Г.Аппельрота.

УРОКИ АНТИЧНОГО

Мой комментарий

Гомер вобрал в свои героические поэмы «Илиада» и «Одиссея» пять тысяч лет художественного, эстетического опыта античного мира, Древнего Востока. А Аристотель вобрал в свою «Поэтику» и самого Гомера с его осмыслениями, прозрениями, законотворчеством. На базе античности, как известно, развился затем Древний Рим. И уже на такой классической базе осуществилась и вся европейская, мировая цивилизация. Как ностальгия по дореволюционному классическому образованию воспринимается ныне воссоздание в России прежних традиций – тех же классических гимназий, университетов. На мой взгляд, это возвращение к духовности, реанимация библейского интереса к личности, определение магистральной литературы, культуры и приведение их в соответствие со временем.

70 лет и три года – в точности по Нострадамусу – пребывали мы в лоне соцреализма. Удивительно это наше качество – ощущать золотой век позади. Как вы думаете, быть писателем в городе «классических традиций», где корифеев на пальцах обеих рук не сосчитать, – это так просто? Одних музеев литературных больше, чем где бы то ни было. Написал я и опубликовал роман в стихах, подхожу к одному из деятелей на Фетовском празднике – для разговору.

- Да что ж ты выше Тургенева? – говорит.

- Вот кто выше, – показываю я на Грачева – главу Мценской администрации, этакого богатыря святорусского. – А мы с Пушкиным люди маленькие.

В середине января 2004 года попадаю в Курск, на Носовские чтения. Рассказываю читателям в областной библиотеке о встречах с Евгением Ивановичем в Орле, в Москве – на съездах писательских.

- И что! – подходит с напорцем один поэт из новеньких. – Я и Носов, да?!

Я прямо-таки оторопел, потом:

- А ты меня знаешь? Широко, – говорю, – известный в узких кругах. Ну а к вечеру, – говорю, – лучше узнаешь.

А вечером день рождения Носова отмечали в кругу его семьи. Полтора года прошло уже, как не стало его, а память жива. Вот я и говорю, а откуда

приехал-то я? Из Орла, Орловщины. А это – Тургенев, толстовские места, Лесков, Бунин, Пришвин. Но в своем сердце, - говорю, - нашел я местечко и для Евгения Ивановича. И спел как подарок от Орловщины «Утро туманное» Тургенева – гимн, считаю, русской интеллигенции.

А к тому поэту подошел после, сказал:

- Ну теперь хоть что-то узнал про Орел и Орловщину. –И далее в шутку: Северянина – Лотарева знаешь? Из серебряного века. В состязании участвовал на сцене Политехнического с Маяковским. На звание «принца поэтов». Ну и кто, по-твоему, победил?

- Маяковский? – говорит.

- Северянин – Лотарев, наверно, - говорят умные женщины за столом.

- Ну да, - говорю. – «Я гений, Игорь Северянин!» Такая традиция идет еще персидских поэтов:

«Ты совершенен, Баки,
В тонком искусстве газелей».

Так вот, я лично, кто я – 30-Лотарев. То есть 30, тридцать раз Лотарев, понял? Ничего себе, и что у нас теперь с Северяниным получается?

Семь букв – твое имя отцово,

Плюс два роковых – у меня.

По девять у нас польхают пунцово,

Когда мы седлаем коня (Пегаса).

Это в Курске было, а как вообще должно быть? Если бы на Олимпе один Зевс сидел, то у нас был бы Пушкин, Лермонтов, и все. А как же насчет Есенина, Блока, Заболоцкого Николая? Да и самого Пушкина – этого «солнца» русской поэзии? В Питере, при открытии книжной лавки Смирдина, только третьим сочли – слово дали после Крылова и Жуковского. А как у нас сейчас? Пока начальство на трибуне не выговорится (про успехи – известно какие), сиди и не рыпайся. Пока смотрел на вас, – говорю, - вот такие строчки всплыли:

В Орле я – курский соловей,

А в Курске я – орел.

А теперь серьезно об очень серьезном. Видите ли, «Золотая цепочка» Хафиза нескончаема, нанизывая и нанизывая новые звенья. Особо отметим научный информационный бум где-то к концу XX века. Сколько открытий во

всех областях, такого «накопали»; как все это «переварить», в том числе и литературе? Кто же, кроме нас, это совершит? Таких возможностей в свое время не имели ни Пушкин – Лермонтов, ни Толстой – Тургенев, ни Блок – Есенин.

Так оно и с Аристотелем, всюду возил «ле ливр де пож» с собой по командировкам еще в ранние годы, осваивал эту карманную книжечку. Одни положения из «поэтики», на мой взгляд, совпадают. А иные, в связи с инновациями, с современным нашим мироощущением, нуждаются в обсуждении, корректировке в «привязке» ко времени. Вот об этом и речь (далее по всем пунктам и положениям).

Непосредственный разговор

1. По Аристотелю. – «Вот издадут трактат какой-нибудь по медицине или физике и называют автора поэтом. Хотя нет ничего общего у Гомера с Эмпедоклом. Первого справедливо называют поэтом, а второго скорее физиологом».

От себя лично. А что сейчас? Бум чиновный в книгоиздании – даже литературы коснулось. Сидят те, у кого власть в руках, и издаются, только и знают, что желают друг другу «творческих успехов». Особенно, когда на пенсию пойдут, косяками валят в творческие союзы, тащат вниз литературу. По своей дорожке. Делают, что знают, отвлекая на себя лучшие силы, материальные ресурсы. И все это от бедности нашей, весь этот «блеск и нищета» куртизанов. На Западе давно ведомо по Аристотелю, что «законы политики и законы поэтики – неодинаковы» («Поэтика», гл. XXV). Вот что пишет Аристотель еще и в «Риторике» по этому поводу: «И как на сцене актеры значат больше, чем поэты, так бывает и в политических состязаниях, из-за испорченности государств» («Риторика», кн. 3, гл. 1). И еще (из 12 пункта «Поэтики»). «Действуют разные законы для политиков (считай, чиновников – авт.) и поэтов» (считай, художников – авт.). «Именно, историк и поэт отличаются (друг от друга) не тем, что один пользуется размерами, а другой нет: можно было переложить в стихи сочинения Геродота, и тем не менее они были бы историей как с метром, так и без метра; но они различаются тем, что первый говорит о действительно случившемся, а второй – о том, что могло бы случиться. Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории: поэзия говорит о более общем, история – о единич-

ном» («Поэтика», гл. 9, стр. 67).

От себя лично. Вот что, оказывается! Лавров «историкам» не хватает. Пример из жизни. Один мой друг детства – юрист, следовательно – пойдя на пенсию, написал книгу о своем опыте, я его похвалил. Еще один друг детства – медик, чиновник – пойдя на пенсию, написал роман малоценный, я оценил соответственно. С детства человек не читал, не писал, а тут – из тщеславия – вторгся в иные пределы. Все б захватили эти «историки», чтобы быть к тому же еще «философичнее» и «серьезнее». Пример – май 2004 г. в Орле, съезд писателей.

2. По Аристотелю. – А это уже из области литературы. По уровню таланта поэты бывают: «поэт – от природы, по мастерству, по навыку». От себя лично. Вот тут и начинается «катавасия»: борьба за «портфели», звания, степени отличия, «регалиями» чаще всего обставляются те, у кого меньше природного дара, таланта.

4. По Аристотелю. – рассказывают «о событии как о чем-то отдельном от себя». От себя лично. Это объективизация изображения. Кстати, ее добивался Флобер в своем романе «Мадам Бовари», Николай Заболоцкий на первом этапе творчества (до 1932 года). По сути романное действие у Пушкина в «Евгении Онегине» начинается с третьей главы. Субъективность лирического героя заменяется объективностью действия, в котором наивысшим моментом присутствия автора становится лиризм, композиционное построение и т.д.

5-7. По Аристотелю. Начиная с Гомера появились насмешливый метр, ямбические поэты, применяющие ямбы как размер самый близкий к разговорной речи. «Маргит» Гомера имеет отношение к комедии, «Илиада» и «Одиссея» – к трагедии. От себя лично. Замечу, что аристотельскую идею жанра осуществил на практике Шекспир, создав собственные трагедии и комедии.

По Аристотелю. – «Трагедия служит не столько людям (характерам), сколько действию и жизни, счастьем и злосчастьем, а счастье и злосчастье заключается (именно) в действии».

От себя лично. У Аристотеля именно действие и фабула составляют цель трагедии, а цель важнее всего. Без действия трагедия просто не может существовать. Начинающие писать не могут осознать это спервоначалу, сосредотачивая свои силы на работе со словом, но именно это и мешает автору, а в целом и всему произведению. Пример – даже у таких, как В.Распутин, ос-

лаблены перипетии, действие, после Толстого, Тургенева, Лескова – нас тут «не обморочишь».

32. По Аристотелю. «Должно особенно обрабатывать его (язык) в несущественных частях, не замечательных ни по характеру, ни по мысли, ибо, напротив, чересчур блестящий слог делает незаметными как характеры, так и мысли». От себя лично. Из своего опыта, из наблюдений за другими авторами. Так вот, писал специально грубовато прекрасный персидский поэт XIV века Хафиз («трактирные» стихи). Лев Толстой в своих синтагмах тоже специально огрублял текст, чтобы читателя не «укачало». Шарль Бодлер допускал «глыбоватость» слов, «непозтичность» слога хотя бы в «Альбатросе» («хандра», «глюмясь», «табачищем вонючим» и т.д.). В малой форме, в стихотворениях в прозе, у поэтов прямо-таки лакировка, скрупулезность как в миниатюрной живописи (это у Рембо, Тургенева, Ю.Бондарева, Вл.Солоухина и других).

12. По Аристотелю. –«Сценическая обстановка (состязание актеров, ныне -- тем более, еще и режиссеров, - авт.), хотя и увлекает душу (зрителя), но лежит вне области искусства поэзии, так как сила трагедии остается». От себя лично. В погоне за внешним успехом современные «ловцы» душ плохие режиссеры и актеры прямо-таки «купаются» в произведениях классиков. Задача авторов-современников состоит в том, чтобы защитить «золотые имена». Стимулируйте современников, создавайте свое, новое – драмы, направления, само мышление. Как я понимаю, Аристотель в этом с нами всегда заодно. Берегите классику !

Разговор с Аристотелем, эти мои диалоги с ним, воспринимаются как возвращение к истокам цивилизации, как уроки античного, особенно для молодых, что сейчас, в начале XXI века, архиважно, особенно в связи с наступлением массовой культуры.

«Поэтика», можно сказать, учебник искусства, «плоды просвещения». Учитесь у Аристотеля, и вы, молодые, и вы, почтенные люди, кто уходит на пенсию и тут же садится за мемуары.

Время не терпит безграмотности в этом деле, Россию поднимет и двинет культурный слой, цивилизованный народ.

И по сию пору Аристотель – учитель, просветитель народов, всех, кто встал на стезю литературы.

Постскриптум

Диалоги с Аристотелем возбуждают творческую личность. Какой потенциал внутри раскрывается, какие высекаются искры! Действительно, проходишь школу мысли, академию слова. Возникают самые решительные версии, продвинутое концепции, надо только отобрать что-то отрегулировать, расставить и «бороться и искать, найти и не сдаваться» (В.Каверин).

Вампиры и доноры

(Из области биоэнергетики)

Один поэт, - как говорится, - из знающих, сказал однажды, показывая на другого поэта – своего конкурента:

- Обрати внимание на него.

- А в чем дело? – говорю я.

- А в том. Сидишь перед ним – положи ногу на ногу да руки замкни ниже колен – увидишь, какую физиономию скорчит. Посидит, посидит и уйдет. Вампир! Чужой энергией подпитывается...

Попробовал руки замкнуть колечком – эксперимент удался. Тогда и вспомнилось местечко из собственного Литературного Манифеста, то есть в конце предисловия к моей книге рассказов «Липа вековая»: «Земля наша – энергетический стусок <...> Человек перед ними (естественными законами) мал и в то же время велик. Кто несет собою энергию, накапливая ее вместе со всеми в биосфере земли, а кто только черпает, берет из нее». Помнится на одном из Фетовских праздников я высказал эту мысль, прочитав такие стихи поэта, которые, безусловно, внесли и вносят свой вклад в биоэнергетику литературы, народа, человечества, во всю биосферу Земли:

- Знать, долго скитаться наскуча

Средь ширей степей и морей,

На Родину тянется туча,

Чтоб только поплакать над ней.

Так вот, глядя на сущее с высшей биоэнергетической точки, многое осознаешь. Я уже говорил о том, как виден талант (по Библии – «И одному он (Господь) дал талант, иному пять, каждому по его силе»). Взял книгу, прочитал пару абзацев – тут же ощутишь, какая энергетика идет оттуда, а следовательно,

и какая туда была вложена. Ясно, что писатели, как и всякие люди, тоже различны по своей биоэнергетике. Отсюда все у них так же, как у людей, в смысле борьбы, естественного отбора, только амплитуда шире – ухищреннее, лицемернее, с применением большего арсенала средств.

А начинается с того, что и один-то талант редкость, их всего единицы, а с «пятью» талантами, вообще, не в каждую эпоху личность является. Однако и другие авторы тоже нужны, однако тут все и начинается: альянсы создаются, пресса включается, государственная машина используется, а все, чтобы защитить угодного, удобного, прикормленного, доверенного, как «историка», а не как «поэта». Своих поэтов защищают Боги, законы вселенские.

По Аристотелю – мы знаем, что у политиков и у поэтов, в самом деле, действуют разные законы. Вот они-то, эти «политики», имея власть, и заставляют «поэтов» жить и творить согласно их, политизированным, а не эстетическим, поэтическим, законам – законам высших, божественных сфер, «на башне вечевой во дни торжеств и бед народных».

Короче, существует такая градация – по таланту: поэты не поэты, литература не литература. А то еще и другая градация – тот же талант, плюс биоэнергетика таланта. И создается такая пара - вампиры и доноры. «Вампирами» рождены или ими становятся вообще не поэты, а скорее поэты с недостаточностью биоэнергии, а то и вовсе с «темной» энергетикой. И подписываются они за счет других – доноров, «светлых», из кого сосут «кровь». Есть вампиры естественные, а есть вампиры искусственные. Естественные – такими уж уродились, Небо знает о них, искусственных создало общество, государство, властители со всей своей атрибутикой. Первые служат космическим, общечеловеческим, вселенским, а значит, народным законам, а вторые – лично себе, политикам, диктаторам, т.н. «выходцам» из народа и т.д. Первые – с истинами своими в подкорке, как правило, бедствуют, вторые - живут припеваючи, будучи на «подкорке». Подкорка и подкормка – божественное и социальное, реальное и ирреальное, можно сказать, «двоемирие» в этом смысле. Маленькая черточка между ними, как и между годами рождения и смерти поэта, а диаметральная противоположность, арена жестокой борьбы.

Вампиры сосут, а доноры, если сильные, сопротивляются. И, прежде всего, своим творчеством, силой духа, соединением с Небом, Богами в единое

биоэнергетическое кольцо, вселенскую духовность. И все, конечно же, не отрываясь от «почвы», от конкретики повседневного, от живого природного человека, на чем и выростали издревле литература, искусство, создавались и рушились цивилизации.

На то и «противовесы» в обществе, чтобы, ограничивая вампиров, люди творили, в конце концов, почву творцам, в том числе и «пятиталанным», в их стихийных уподоблениях. В науке такие направления называют фундаментальными, в литературе – никак, по-моему, не называют, не осознано еще это на должном уровне, их гигантское значение для цивилизации. Вот и в самой Америке в XX веке что в этом смысле было? Выделим пятерых у них – таких, скажем, «пятиталанных» (Хемингуэй, Стейнбек, Фитцджеральд, Фолкнер, Ирвин Шоу). Они эти корифеи, неся на себе «крест» фундаментализма, как никто другой, испытывали давление массовой культуры. Хемингуэй даже покинул Штаты, уехал на Кубу, – этот «Старик и море», «По ком звонит колокол». А как у нас? Выделим семь гениальных: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Толстой, Цветаева, Есенин, плюс приближенных к ним Тургенев – Лесков – Л.Андреев. Ни один из гениев не страдал, не изгнан был, не умер собственной смертью, да? Выделил гениев я лично, по своему усмотрению, я так полагаю.

Главная идея Веры

(Идея рая – идея бессмертия)

Святая троица – Вера, Любовь и Надежда – слитно как-то, через Веру, входят в главную идею любой религии – идею рая, бессмертия души. Одиссей гомеровский двадцать лет пробыл на Троянской войне, а вернулся едва ли не к руинам своей царской власти. Возвращались цари и к руинам (например, в той же моей «Белой Скифии» царь всех скифов, Мадай после своего долгого похода в Египет). Из своего тугосгибаемого лука Одиссей расстрелял молодых ахейян, сватавшихся к его жене Пенелопе, претендуя на трон, то есть на власть. Главная завязка фабулы продолжения «Одиссеи» – «Белой Скифии» состоит в следующем. Одиссей, чтобы быть достойно похороненным в земле родимой Италии, по словам слепого провидца Тиресия, отправляется в новое плавание. На сей раз он плывет на Север Примерноморья – в Белую Скифию. И что же обретает он там достойное царя, всей Греции, всего античного мира? Идею бес-

смертия – вот что главное привезет он оттуда. Ибо тут в Итаке, даже царям не дают в земле родной достойного захоронения. А вот там, у скифов, потомков ариев (наших праславянских прапращуров), и простые смертные, но герои попадают в райские кущи, в Ирий, расположенный у степняков где-то в устье Днестра.

В античном мире небо, Олимп – только для Зевса и его приближенных – представителей его клана, богов, расставленных по «отраслевому», еще родовому принципу.

Главная идея Веры у скифов, а после и у Христианства, у православия (идея рая – бессмертия души) прозревается, как видим, раньше, чем у античных греков. Идея эта влияет на греков, но именно от них, византийцев, наши предки затем и привозят обратно, затем к себе сюда, в Киевскую Русь, вместе с православием, греческой Верой, это «забытое», а именно, идею «рая» – бессмертия души. А ведь сами греки, через таких, как Одиссей, через свой торговые пути, северночерноморские города – полисы, заимствовали это в еще более древние времена у степняков – скифов, а не только у индоиранцев. Различные арийские волны шли из евразийских глубин и время от времени накрывали собой Европу.

У пращуров наших – тех же скифов, прагерманских племен, викингов и т.д. – по древнейшей «Авесте», обитавших на Белом, Счастливом острове, где-то на Севере, в Арктиде, жизнь была нескончаема. В «рае земном» люди жили вечно всегда, главное, заметим, – тело было соединено с духом, с ним находилось в единстве. Недаром номером той цивилизации была единица. Но что-то произошло (может, полюса поменялись), и арии двинулись по Уралу на юг. Тут, у Камня – подножия Урала, и образовывали они своеобразный центр – Скифию (недаром родом отсюда и первый мессия – Спаситель мира Заратустра, здесь – по гороскопу – находится Разум Земли). Отсюда затем и совершались «накаты», волны с Севера на Юг, на Запад и Восток, образуя эпохальный крест – горизонтальное и вертикальное (внутри души, в памяти), и этот крест космический как сочетание горизонтальности направлением в небо, в божественно - вертикальные сферы. Вот тут когда-то у предшественников и последователей «Авесты», на каком-то этапе, и созрела мысль о прежней жизни на Белом, Счастливом острове как о золотом своем прошлом – о «рае», о возвраще-

нии в «рай», то есть к прежнему обетованию на том «счастливом острове»), а значит, и возвращению к «бессмертию» души, единству души и тела, допустимому в случае возвращения в «рай» (речь идет уже о душе, а не просто о жизни, когда душа отделилась от тела). Вот о ней о душе-то, и речь. Хоть бы ее сохранить и продлиться в самой идее рая, в главной его идее. Вот все это и приняло в себя, развило в себе христианство, православие. И что мы имеем, в конце концов, если пораскинуть мозгами, прозреть во времени и пространстве? По христианской легенде первые люди – Адам и Ева – были изгнаны из рая за то, что вкусили запретный плод – яблоко. И увидели, как они наги. Совершив грехопадение, они познали плотскую любовь, которую, в связи с жадной их «возвращения», предписано было заменить любовью к ним, Богам, как к нечто духовному, бестелесному.

А все-таки как выглядит ныне наш истинный облик? Разъятые дух и тело привели в тому, что люди (как никакой другой живой вид на земле) в борьбе стали уничтожать друг друга, потянулись цепи войн; война и мир – вот что естественно теперь уже для человечества, так «вросло» в нас это в процессе эволюции. Однако еще в памяти нашей библейская мысль о возвращении духа в тело и соответственно бессмертие даже не духа, а этого Нечто – соединения духа с телом. Вот она, если пойти по цепочке назад, и ведет нас туда к Белому, Счастливому острову, в бесконечную доавестийскую жизнь, где люди издревле не знали змеи – искусительницы, самой смерти, войн, не бы даже такого понятия.

И еще. Посмотрим на сущее с такой точки зрения: «Египетская цивилизация олицетворяет «двойку» – тот мир и этот, живые и мертвые, тьма и свет, день и ночь и т.д. А нашу древнейшую цивилизацию («по Авесте») олицетворяет красный цвет, единица. Спустимся же к земной, бытовой конкретике. Возьмем, в частности, те же фундаментальные науки, хотя бы то же самое тургеневедение. В позднем творчестве Тургенев более активно занялся фантастикой как сильнейшим романтическим средством познания и изображения действительности. Все это было где-то в начале пути романтизации реализма, теперь столько уже накоплено веком двадцатым, такой прорыв в науке, что все это достойные требует систематизации, переосмысления.

Вот филолог из Харькова Р.Н.Поддубная. Столько сделано в осмысле-

нии метода, столько усилий на пути в исследовании реализма через романтизацию, на пути к ирреальному миру. Кажется, вплотную подошла к тонкому миру, а перейти порог страшно – бездны и ужас. И последовал откат назад, в элементный реализм, даже разочарование возникает. А как быть? Думается, и у Тургенева возникала мысль о том же переходе, недаром им написано стихотворение в прозе «Порог» (старуха стоит в раздумье, боясь ступить за порог).

Да и не надо, оказывается, совершать усилие перехода, преодоления этой «пленки» – между жизнью и смертью. Всего-то следует стать на позиции не древнеегипетской «двойки» (разъединительной, в изначале приведшей мир к конкуренции, войнам, в конце концов, человечество к идее самоуничтожения), а на позиции возвращения к авестийской «единице», объединительной, – с ее Верой, Любовью, Надеждой на гармонию, божественную Красоту. Это они спасут мир, разъятый ныне, как и некогда быт и дух, когда «пленки» между ними нет, не существует, нет и порога, нечего переходить, все исследуется в пределах единства, моносистемы. Но как, каким образом вернуть тело духу, который живет и после смерти тела в различных сферах Вселенной? Есть землянам куда заглядывать, в какие пределы Всего Человечества, в какие бесконечности Духа. Например, вопрос о переселении душ; как в частности, решал это, говоря о существовании «двойников», Президент Земного Шара поэт Велимир Хлебников. Родом из калмыкских степей, он интересовался буддизмом, теоретически открыл тайные периоды в жизни человека, планеты. Наш земляк астроном Козырев затем практически отмечает нечто подобное – периоды в жизни Земли как живого организма. Вот и я, ваш покорный слуга, наконец отыскал, одним периодом ранее меня, своего двойника (по жизни и творчеству). Им оказался бельгийский художник Ян Брейгель Старший. Науке уже известно как перемещать тело, саму материю в пространстве, во Вселенной (тут «разбирать» на едва мыслимое, мельчайшее, а там «собирать»). Отчего же медлят ученые, а ведь, действительно, страшно за жизнь в ее классическом виде, за судьбу человечества. Так быть или не быть? Великий датчанин Энштейн, работая над теорией относительности, «докопался», можно сказать, до такого страшного, непредсказуемого в науке, что пришлось уничтожить документацию, закрыть данный вопрос.

Нострадамус со своими пророчествами умер, лишенный здоровья в сы-

рой темнице, почти сразу же после опубликования своих знаменитых «катренов» (1555г.). Вскрыли могилу, надругались над останками, смотрят, а на костях пророка – медальон с цифрой «1791г.» А на дворе – революция и год как раз 1791-й.

Снова принялись искать «Атлантиду», а ведь я уже, сидючи тут в Орле, отыскал место, где была она, унесенная взрывом. Что еще ждет Землю? Человечество мечется, дух с телом в итоге то разъединяют, то снова соединяют, смутно возникает снова идея «воссоединения». Существует объективная реальность, прежде всего, это наша живая планета. В глобальном масштабе она пока независима от человека, в ней действуют свои объективные законы жизни – рождение, развитие и уничтожение. С 2003 по 2008 год заканчивается эпоха в 8 млн лет, одновременно завершается эра – Рыбы, Прекрасных Дам – начинается эра Водолея, благоприятная для России (по гороскопу – Водолей означает Разум Земли, он находится на юге Камня, Урала). Планету нашу ждут космогонические потрясения, изменение облика, генотипа всего человека; эволюцию сменяют революции, инвалюция. Однако есть прогнозируемые потрясения, которые человечество ныне, мобилизуясь, может предотвращать. Например, подобно Атлантиде, исчезнувшей в пучинах Атлантики, я уже говорил, возможен так же взрыв Черного моря и повторение судьбы «Атлантиды» на том же месте. Вот чем надо заниматься всему человечеству.

Аристотель – цельный человек, любимый его автор – Гомер. Как, однако, оба они смотрят сюда в нас, озаряя светом прошлого, а через нас, вместе с нами, во времена будущие. Уже у Гомера (27 веков назад) все это есть: тот и этот мир, ад и рай, предчувствия катаклизмов. Слепой старец Гомер развил в себе внутреннее зрение; с гомеровским зрением жил и смотрел на мир уже Аристотель; слепой Боян развил в себе любовь к земному, земле своей, людям; спустя века, с таким зрением и живем, смотрю на миры и я, ваш покорный слуга, вместе с некоторыми начинающими прозревать современниками.

Стержень Веры, генотип народа

Однажды встретились мы с председателем областной Думы Николаем Андреевичем Володиным.

- Над чем работаем? – говорит.

- Думаю, - говорю. – О генотипе русского народа. И вы, Дума, тоже думайте.

Такого накопал, натворил после я – в годину информационного бума, в переходный период столетий, даже тысячелетий – в «миллениум».

Уж не Дума у нас теперь, а снова областной Совет. Такие-то изменения. Однако чего-то не спрашивают пока ни о чем, не советуются. Ну был XX-ый век – войны, революции, эмиграции. Тот же Бунин сидел в Грассе, на юге Франции, в глубоком, как говорится, Провансе, а ведь проблем с книгоизданием не было. Что напишет, то и издадут. А тут, под носом у Москвы, Орел, еще и «третьей литературной столицей» называют, а уж тринадцать лет лежит в рукописи Большая Антология французской поэзии (в моих переводах); по несколько лет лежат в рукописях и «Белая Скифия», и роман в стихах «Арсений Чигринев», а воз и ныне там. Вот Крылову – единственному из писателей – при жизни поставили памятник. В Питере, у подножия Адмиралтейской иглы. Не мешало бы, чтобы она, та игла, упиралась не только в небо, но еще и, как фитиль, что ли, в спину кое-кому из упертых. Обычно власти озабочены только собой, удерживанием власти. Вот такой стержень Веры у нас, генотип наш народный. По всему пьедесталу памятника Крылову изображен животный мир, сотворенный Клодтом. Всякие позы и поползновения, однако без критики личностей, как того в свое время желала императрица Екатерина – великая по части всечеловеческих предвидений и предвосхищений.

«Поэтика» и «Диалоги» это как форма и содержание. А форма, в свою очередь, как отлита навеки богами и Аристотелем; неназойливы точки отсчета, главное – возможность движения к Красоте. А содержание более гибко – земное, подвижное, ему свойственно изменяться, обновляться и падать, и всякий раз, соответственно ошибаясь, вставлять ноги и, отряхивая прах количества, переходить, брать иную качественную высоту.

Гений – это не то, что думают многие в обиходе, мол, великий, из великих. Гений – по Гофману – боговдохновенный, так сказать, подключенный к Богам, высшим сферам, уроденно чуткий, посвященный - познавший вселенские законы, пропустивший чашу познания и страданий через себя. А классики тогда кто? Всеу люди привыкли употреблять это слово тоже порой бессмысленно, не зная, что это такое. Слышу на днях по телевизору о каком-то худож-

нике, мол, считает классиком себя, а сам вот уже двадцать лет пишет, как и писал. Ну и что из этого? В любом виде искусства классик – это образец формы, как например, академик в живописи. Главное – видеть лучшее, классическое в прошлом и протянуть это лучшее, классическое в форме через себя, через свое настоящее – в будущее. Вот такая миссия лежит на художнике, какие вериги висят на нем, какие вериги классик этот несет! Ну, а великие – это количество. А то напишут штук сто стихов, и уже он велик и бессмертен.

И еще. О направлениях в русской литературе. Одна линия – европейская, стилистика легкая, западническая – французского типа (Пушкин – Лермонтов – Тургенев – Чехов – Бунин), другая – славянофильского толка, глыбастая, мощная, из недр народная, мыслящая категориями (протопоп Аввакум – Лесков – отчасти Лев Толстой – Андрей Платонов). В первой – конечный результат замыкается на фантастическом реализме, во второй – на реализме символическом (куда фантастическое входит как часть целого). На днях, а именно, в мае-2004, накануне, XXII съезда писателей России в Орле, мы с профессором О.Н.Осмоловским, осмысляя многое, пришли к выводу, что у гениев наших к концу творчества больше космичности – власти божественных, вселенских законов. Мы даже термин такой придумали художественному методу настоящего, уходящему в будущее – уже не символический даже, а космический реализм. Ему суждено необозримое грядущее, в процессе эволюции – с различными оттенками и направлениями. Вот какие научные разработки ждут филологию уже в XXI веке. А пока думаю еще об одном трактате, новый литературный манифест - в книге следующей.

Автор.

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

(Переводы стихотворные)

Перепечатано из книги «Н.С.Гумилев. Письма о русской поэзии». —М.: Современник, 1990. —69-75с.

* * *

В XX веке теория перевода значительно продвинула возможности художественного перевода. Так, то, что считалось ранее «вольным», ныне считается просто переводом. Глядя с этих позиций, Николай Гумилев несколько сдерживающе рассматривает специфику перевода. Однако в целом работа интересна, высказываются профессионально точные, тонкие замечания по технике перевода.

Леонард Золотарев

* * *

II

Первое, что привлекает внимание читателя и, по всей вероятности, является важнейшим, хотя часто бессознательным основанием для создания стихотворения, — это мысль или, точнее, образ, потому что поэт мыслит образами. Число образов ограничено, подсказано жизнью, и поэт редко бывает их творцом. Только в его отношении к ним проявляется его личность. Например, персидские поэты мыслили розу как живое существо, средневековые — как символ любви и красоты, роза Пушкина — это прекрасный цветок на своем стебле, роза Майкова — всегда украшение, аксессуар, у Вячеслава Иванова роза становится мистической ценностью и т.д. Понятно, что во всех этих случаях и выбор слов, и сочетание их существенно иные. В пределах одного и того же отношения существуют тысячи оттенков: так, реплики байроновского Корсара, на фоне психологически-цветистого описания его автором, выделяются своей лаконичностью и техническим подбором выражений. Эдгар По в своей глоссе к Ворону говорит о подводном течении темы, чуть намеченной и тем самым производящей сильное впечатление. Если кто-нибудь, переводя того же самого Ворона,

передал бы с большей тщательностью внешние фабульные движения птицы и с меньшей – тоску поэта по мертвой возлюбленной, тот согрешил бы против замысла автора и не выполнил бы взятой на себя задачи.

III

Непосредственно за выбором образа перед поэтом ставится вопрос о его развитии и пропорциях. То и другое определяет выбор числа строк и строфы. В этом переводчик обязан слепо следовать за автором. Невозможно сокращать или удлинять стихотворение, не меняя в то же время его тона, даже если при этом сохранено количество образов. И лаконичность, и аморфность образа предусматриваются замыслом, и кажлая лишняя или недостающая строка меняет степень его напряженности.

Что же касается строф, то каждая из них создает особый, непохожий на другие, ход мысли. Так, сонет, давая в первой катрене какое-нибудь положение, во второй – выявляет его антитезу, в первом терцете намечает их взаимодействие и во втором терцете дает ему неожиданное разрешение, сгущенное в последней строке, часто даже в последнем слове, почему оно и называется ключом сонета. Шекспировский сонет с не рифмованными между собой катренами гибок, податлив, но лишен достаточной силы; итальянский сонет с одними женскими рифмами мощно-лиричен и торжественен, но мало пригоден для рассказа или описания, для чего прекрасно подходит обыкновенный. В газэлле одно и то же слово, иногда выражение, повторяясь в конце каждой строки (европейцы неправильно разбивают ее на две), создает впечатление пестрого орнамента или заклинания. Октава, растянутая и просторная, как ни одна строфа, подходит для спокойного и неторопливого рассказа. Даже такие простые строфы, как четверостишие и двустишие, имеют свои особенности, учитываемые поэтом, хотя бы бессознательно. К тому же для сколько-нибудь серьезного знакомства с поэтом необходимо знать, какие строфы он предпочитал и как ими пользовался. Поэтому точное сохранение строфы является обязанностью переводчика.

IV

В области стиля переводчику следует хорошо усвоить поэтику автора по отношению к этому вопросу. У каждого поэта есть свой собственный словарь, часто подкрепленный теоретическими соображениями. Уордсворт, например, настаивает на употреблении разговорного языка. Гюго – на пользовании словами в их прямом значении, Эредиа – на их точности, Верлен, наоборот, на их простоте и небрежности и т.д. Следует выяснить также – это особенно важно – характер сравнений у переводимого поэта. Так, Байрон сравнивает конкретный образ с отвлеченным (знаменитый пример у Лермонтова – «Воздух чист и свеж, как поцелуй младенца»), Шекспир – абстрактный с конкретным (пример у Пушкина – «Когтистый зверь, грызущий сердце, совесть»). Эредиа – конкретный с конкретным («Как стая кречетов, слетев с родимых скал... прощались с Палосом бойцы и капитаны»), Кольридж берет образ сравнения из числа образов данной пьесы («И пела каждая душа, как та моя стрела»), у Эдгара По сравнение переходит в развитие образа и т.д. В стихах часто встречаются параллелизмы, повторения полные, перевернутые, сокращенные, точные указания времени или места, цитаты, вкрапленные в строфу, и прочие приемы особого, гипнотизирующего воздействия на читателя. Их рекомендуется сохранять тщательно, жертвуя для этого менее существенным. Кроме того, многие поэты обращали большое внимание на смысловое значение рифмы. Теодор де Банвиль утверждал даже, что рифмующие слова, как руководящие, первыми возникают в сознании поэта и составляют скелет стихотворения: поэтому желательно, чтобы хоть одно из пары срифмованных слов совпадало со словом, стоящим в конце строки оригинала.

Необходимо предупредить большинство переводчиков относительно употребления таких частиц, как «уже», «лишь», «ведь» и т.д. Все они обладают могучей выразительностью и обыкновенно удваивают действительную силу глагола-сказуемого. Их можно избежать, производя выбор между равнозначными, по неравносложными словами, каких в русском языке множество, например: «дорога – путь», «господь – Бог», «любовь – страсть» и т.д., или же прибегая к усечениям, как: «ветер – ветр», «мечтанье – мечта», «песня – песнь» и проч.

Славянизмы же или архаизмы допустимы, и то с большой осторожностью, лишь при переводе старых поэтов до Озерной Школы и романизма или стилизаторов, вроде Вильяма Морриса в Англии, а во Франции Жана Мореаса.

V

Наконец, остается звуковая сторона стиха: ее труднее всего передать переводчику. Русский силлабический стих еще слишком мало разработан, чтобы воссоздать французские ритмы; английский стих допускает произвольное смещение мужских и женских рифм, которое не свойственно русскому. Приходится прибегать к условной передаче: силлабические стихи переводить ямбами (изредка хорейми), в английские стихи вводить правильное черелование рифм, прибегая там, где это возможно, к одним мужским, как более характерным для языка. Тем не менее этой условности необходимо строго придерживаться, потому что она создалась не случайно и по большей части действительно дает впечатление, адекватное впечатлению подлинника.

У каждого метра есть своя душа, свои особенности и задачи: ямба, как бы спускающийся по ступеням (ударяемый слог по тону ниже неударяемого), свободен, ясен, тверд и прекрасно передает человеческую речь, напряженность человеческой воли. Хорей, поднимающийся, окрыленный, всегда взволнован и то растроган, то смешлив; его область – пение. Дактиль, опираясь на первый ударяемый слог и качая два неударяемые, как пальма свою верхушку, мощен, торжественен, говорит о стихиях в их покое, о деяниях богов и героев. Анапест, его противоположность, стремителен, порывист, это стихии в движении, напряженье нечеловеческой страсти. И амфибрахий, их синтез, баюкающий и прозрачный, говорит о покое божественно-легкого и мудрого бытия. Различные размеры этих метров тоже разнятся по их свойствам: так, четырехстопный ямба чаще всего употребляется для лирического рассказа, пятистопный – для рассказа эпического или драматического, шестистопный – для рассуждения и т.д. Поэты нередко борются с этими свойствами формы, требуют от них иных возможностей и подчас успевают в этом. Однако такая борьба никогда не проходит даром для образа, и потому ее следы необходимо сохранить в переводе,

точно соблюдая метры и размер подлинника.

Вопрос о рифмах много занимал поэтов: Вольтер требовал слуховых рифм. Теодор де Банвиль – зрительных, Байрон охотно рифмовал имена собственные и пользовался составными рифмами, парнасцы – богатыми. Верлен, наоборот, – потушенными, символисты часто прибегают к ассонансам. Переводчику следует выяснить себе характер рифм автора и следовать ему.

Крайне важен также вопрос о переносе предложения из одной строки в другую, так называемом enjambement. Классические поэты, как Корнель и Расин, не допускали его, романтики ввели в обиход, модернисты развили до крайних пределов. Переводчику и в этом следует считаться со взглядами автора.

Из всего сказанного видно, что переводчик поэта должен быть сам поэтом, а кроме того, внимательным исследователем и проникновенным критиком, который, выбирая наиболее характерное для каждого автора, позволяет себе, в случае необходимости, жертвовать остальным. И он должен забыть свою личность, думая только о личности автора. В идеале переводы не должны быть подписными.

Желающий двинуть вперед дело техники перевода может пойти и дальше: например, выдерживать рифмы в звуковом соответствии с рифмами подлинника, передавать силлабический стих таким же русским, подыскивать слова для передачи характерных говоров (английского солдатского языка Киплинга, парижского жаргона Лафорга, синтаксиса Малларме и пр.)

Разумеется, для рядового переводчика это ни в какой мере не обязательно.

Повторим же вкратце, что обязательно соблюдать: 1) число строк, 2) метр и размер, 3) чередование рифм, 4) характер enjambement, 5) характер рифм, 6) характер словаря. 7) тип сравнений, 8) особые приемы, 9) переходы тона.

Таковы девять заповедей для переводчика; так как их на одну меньше, чем Моисеевых, я надеюсь, что они будут лучше исполняться.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛИРИКА

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Скользит в волнах серебряного пеня.

Перси Биши Шелли.

«Освобожденный Прометей»

ПАРИЖАНКА

В троллейбус вошла незнакомая Женщина.

Была она дряхлой, больной.

И сразу возникла какая-то трещина

Меж ею с Луной, меж ею со мной

И публикой всей остальной.

Косились на ворот ей, подозревая

Бомжовый педикулез.

Платочек она тербила, свивая,

Слегка понимая, судьбу принимая

И вся зажимаясь от слез.

Сидела в портрете, дыханье тая,

Слегка наклонясь, ожила.

«Отговорила роща золотая...»

«И журавли печально пролетая...» -

Она монотонно прочла.

Ответил я ей. И, мой Бог, и мой Бог!

Она повела чуть плечом.

Мне перлы метала, сидела, читала – о чем?

К окну между строк присел бледный рок,

Сходила землистость со щек.

Она улыбалась мне обозначенно,

Изящна и нервна слегка.

«И вечерами, в час назначенный...»

Девичий стан, шелками схваченный»...

Платок теребила рука.

Троллейбус шел. Сидела прямо

Она в портрете – у дверей.

Так – из дверей, ее тех самых,

Из серебра – Прекрасной Дамой

Блеснула в памяти моей

Да и ушла в свои Парижи,

В мою серебряную жуть.

Троллейбус шел аллеей рыжей,

Меланхолично пеня, брызжа,

И лужей схватывалась суть.

Да кто они – газели, ламы?

А кто же я – корнет, стратег?

Стеная в возрасты и драмы,

В троллейбусах прекрасны дамы,

Прекрасных Дам не меркнет смех.

Кто ты, Серебряная Женщина?

Через порог за тыщи лет?..

Идет троллейбус. Скорбна трещина,

Пересекает сталь, лорнет,

И улыбается портрет,

Сквозь пыль, сквозь быль скользя и нет.

РЫБА БЕГАЕТ

Весна идет! И птичий гам

По острию, по бритвам.

Как рыба бегаёт по берегам,
Так я лечу по рифмам.

Как пальцы бегают по ритмам,
Сонаты переходят в руна.
По серебрам, по снам, палитрам
Вяжу оборванные струны.

Семь нот! Всего семь нот, семь «нет»
Иголкой в памяти, в попитрах!
Как рыба бегаёт в народ,
Так и Поэт к ней, хитрый.

Как пальцы мчатся по словам!
А струны вяжутся в одно!
Так странна живопись, а там
Немного странное кино.

Как рыба спит по деревьям
Все суета сует, блаженство.
Пусть завершит несовершенство,
Всплеск серебра по серебрам.

ПРОРОКИ

Нет пророка в своем Отечестве,
Но есть Отечество, а в нем и порок!
Кто там страдает, мучится, мечется,
Когда кто-то не то изрек!

К кассе на электричку, торопясь, подошел.
- Смотрите! – показываю я на карман.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

- Какой он, право, серебряный,
Поэт тот. Серебряный век! -
Сказал один тут «доверенный». –
Богатый же был человек.

- Кто богатый? Вы, кликуши,
«Доверенные»? Что вам доверено?
Не один-то серебряный был расстрелян,
А золотой – в «Англеттере» задушен.

! Но не на такой ноте хочется кончить,
А про поэтов истинных – «на серебре».
Люди! Серебра даже золота меньше. Впрочем,
Чернь и золото, и серебро вчерне.

Талантов столько же в веке любом,
Одиночества сколько!
Главное – дадим им сиять серебром
Иль постреляем бойко?

ХАНТ

Вот такой диалог в электричке.
- Я на великой стройке была, на БАМе.
- Ну и что? А мы на нефти, в Сургуте.
- ...С лица вам обоим воды не пить...
- А вы не встревайте! С человеком дайте поговорить.

Вот Хант у нас был на поселке –
Местный, мобилизованный.
Двадцать пять в одну сторону,
Двадцать пять км – в другую. Кругом одни волки.

Бежать некуда, без пачпортов. Стая. Тундра.
Сибирь – матушка, одни прокаженные.
Потом – таки я пошел... Что вы встреваете, морда!
Видите – говорю, человека нашел,
Электричка в движении...

Да, ну вот. Теперь поэзия начинается,
Оттолкнемся от прозы.
Иду, как и все, по жизни. Угрозы?
Да что нам угрозыск! Чтобы от нас избавиться?

Воля-волюшка, свободы налей!
Я ноздрями ее, я – с полей!
Тут не поле пахатное –
Белый саван до самых бровей –
В самую-то Вальпургиеву пургу,
Хоть и лягу костями,
А сбегу.

Хант по пьянке мне указал,
Мол, на сопку иди, за бугор.
А ни сопочки, провал,
Хант кругом, перебор.

И пошел я в просвет между туч,
Повела меня высота.
Протрезвел Хант - сбил сургуч
Да бутылочку мне, красота!

Снегом тер всего – что-то грезилось.
Оттирая, спасал промежности.

- Кто вы такие? – допытываются. - Ну хорошо, хорошо?
Все-таки – инвалид, ветеран?

- Мы с Соловков, – говорит. – С веком серебряным
Как направлены, так и идем -
Этими самыми дебрями,
В золотой окоем.

- Как с Соловков? Что вы – «зэки»?
Так и скажите. А то...
- Что «а то»? Повернете реки?
Или оденете – всех в меховое манто?

Наших отцов заземляли «шарашками»,
По лагерям брали в бомбы.
Мой отец в СЛОНе имел дело с бумажками,
Газеты даже давали.Тромбы

Когда-нибудь оторвутся –
По всей стране развернутся.
Поняли? Какие же мы «зэки»?
Умы – слоны, спецы, человеки.

Дети мы тех, из «шарашки»,
Тоже пишем бумажки
В веке серебряном –
Вдыбленном, вздебренном.

И на том немного, и на этом свете -
На «серебре» вращаемся.
- До Соловков, - говорю, - билетик.
- Видите, возвращаемся.

Как закрою глаза – поэзия!
Этот Хант, склонен к моей нежности.

Золотые мои, се-реб-ря-ны-е, -
Колокольцы, заклепки в подпруге!
Эх да устои вы мои – поколебленные!
Эх да стройки великие, други!

БОГИ, ПРОСТИТЕ!

Есть у них вина перед всеми разом,
Не предо мной – перед Сыном, доги!
Вот и просили прощения по три раза,
Я-то ладно, но не прощают Боги.

Один ушел. Другой прикован.
Третий пока еще ходит, мучается.
В корне Моцартианства – талант, подкова,
Что еще из Сальери получится?

И как только такая же ситуация,
Так этот, третий, - палач наш, кат,
За топор опять - хватается, братцы!
Жупелом снова готов всех подряд!

Но говорит, что был в состоянии «гроги»,
Не для себя старается, а для детей.
Слеп на оба, зато видят Боги -
Клеймо на плече палачей.

Да, просили уже по три раза,
Боги не хотят, Боги...

Сидит на заседании такая зараза,
Хватается за две премии сразу,

Талантам проще - сшибут роги,
Фингал поставят к одному глазу.
Хвалил мало кого, хороню многих,
Рыбу бешеную с крючка да в вазу.

Как Арцыбашева, гоняют по четвергам.
Из-за хвоста селедки майор экологии.
Век серебряный у многих
С топора капает – по лезвиям;
Моцарт, тоньше, поближе к колоссу!
Мир богами тем не менее,
Не дай отвинтить глоссу,
Что ей их извинения?

ФИФТИ-ФИФТИ

Благоуханье милой стороны,
Лет через восемь русских «фифти-фифти».
Когда взглянуть на все четыре сто-ро-ны,
Так «луноходов» сколько – поглядите!

Сегодня вы нормальны, фраера,
А уже завтра – классами, слоями –
Вас втягивает черная дыра,
Которую мы сотворили сами.

С луны свалясь, изгон те, отходы,
Еще вчера основа всех основ,
Вы бродите по весям, «луноходы»
Серебряные блики полуснов.

Зато! Один фельдмаршал – десять генералов,
На генерала – столько же полковников,
Один полковник – тыща лейтенантов,
Ну, а солдат на всех? Этих «половников»,
Лунатиков серебряных, мутантов?

Такая-то статистика на пень:
«Солдат под Сталинградом жил лишь день,
Комвзвода – три, а капитан – неделю».
А генералы? Паулоса тень
И ту все вместе как-то проглядели.

Благоуханье милой стороны
Что генералы вносят в мемуары?
Свои победы в играх Сатаны,
Себя в пространстве. А не те гектары,
В каких лежат Сыны своей страны.

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯН

(Марш академиков)

Пока не погибла Россия,
Не канули, не размелись,
Возьми на поруки, Мессия,
Спаси нас, научная мысль!

Бездарно-то как и бесценно
Мильон исчезает за год.
Уж больно покорно со сцены
Уходит великий народ.

Вперед, академики! Слава, надежа,
Мозги наши, мудрость, - вперед!
Пора, - да поможет нам Боже! -
Сплотиться, о русский народ!

Довольно нам, аборигены,
Позорить свои имена!
Кремлевские древние стены
В багровые красить тона!

За то, что не спели красивой,
Что как-то легли невзначай,
Прости нас сегодня, Россия,
Из завтрашнего выручай!

Вперед, академики! Совесть, Мессия,
Мозги наши, мудрость, - вперед!
Пока не «сгинела» Россия,
Не сгинет и русский народ!

1.01.2004г.

Я памятник себе воздвиг

Гораций - Пушкин

А мы живем, деньками окаянясь.
Все б выгода нам, для чего ж союз.
Вот как Наполеон, так, нет, не итальянец.
А как Дантес – эльзасец, не француз.

Наш общий грех, стезя перевитая.
Проснись, душа! Да не попутай, бес!
Вот как эпоха – нет, не Николая,
А Пушкина, что подтвердит Дантес.

Вот как кумиры – Пушкин и Гораций!
Их рукотворный памятник и храм!
И острый ум, восторг любви и граций, -
Вот что воспламенительно гробам!

Не зарастай, народная тропа!
Тень страха, не пади на монумент!
Поэзия! Коль чуточку глупа,
Глуха не будь хотя бы на момент.

Сверкай, талант, алмаза гранью узкой!
Слетай, мой перл, с освобожденных уст!
Что интересно, ямбы пишет русский,
А понимают немец и француз.

Лето 1996г.

ЗОЛОТОЕ РУНО

Я плыву от истины до истины,
Одиссей, из тех античных вод.
Предо мной она, мой луч единственный,
Всей своей скульптурностью вперед.

Ветер в спину, и к родному полюсу
Волосы взметнулись, повели.
Мчись, корабль, по солнечному компасу
К золотому краешку земли.

Мчись, корабль! Веди, богиня – женщина,
В тот залив, где родина и дом.
Где мне жить и умереть завещано -
На свободном атласе моем.

На ладонях подниму бегучее -
Терпкое, могучее вино.
Выведи же, вызведись за тучею,
О, бессмертье, вечное руно!

РОНДО

Живу я двадцать семь веков –
С Гомера так, считай,
Ослеп, оглох от снов оков,
Какие нес, считай.

Гомер, Боян да вот и я –
Слепые мы, считай.
Глядим одно, одна семья,
Глаза внутри, считай.

Поем мы двадцать семь веков
Одно, одно, считай
Других таких же чудаков
Увидь и посчитай.

СОЛНЦЕ БАСИЛАШВИЛИ

И моя фамилия – солнечная, дневная

Стихи читал артист Басилашвили
Про синий цвет – красивый самый цвет.
Он цвета неба, цвета синих лилий –
Цвет гжели, пересаженный в портрет.

И я влюбился в этот сонм пятнистый,
В цвет высоты – фарфоровую гжель.
И сон краток артиста был, неистов,
С полночи его мучила постель.

И виделось лицо каким-то синим –
Красавица, мадонна из мадонн.
От ужаса проснуться был не в силах,
Лежал, холодный, в ужас погружен.

И видел синий флаг на синем доме –
В полнеба синь – естественная, сплошь.
И синий текст в открытом синем томе.
И в правде синь, и синевата ложь...

И он лежал в поту и ужасался,
Свой синий сон не в сила перевозмочь.
Чего-то не хватало, опасался,
Что просто так не завершится ночь.

Но вот и утро. «Зайчик» по оконцу.
Бесцветен ужас, красноватый снег...
Артист проснулся потянулся к Солнцу
И улыбнулся, - Белый Человек!

2 января 1995г.

СЕРЕБРО И ЧЕРНЬ

Серебро и чернь. Не Иннокентий.
Аннинский, да вот не тот, а Лев.
Съел телеведущий в киноленте
Самое зерно, не пожалев.

Блок, Бальмонт, конечно, Брюсов, Белый,
А на передаче – никого.
Или мы кого-то проглядели,
Или Львы чего-то не того.

Три фигуры, - вакхи серебра.
Красота дамасская, под чернь.
К. Бальмонт, И.Северянин... трах! –
Гумилев расстрелян, аки червь.

А Бальмонт - «серебряного века»
Лидер, песнопевец, длань поэтам, -
Уж расстрелян Львом, его рука!
«Принца» съел и не моргнул при этом.

Серебро и чернь. И Лев вчерне,
И Никита где-то в стороне.
В святцах самочинного виконта
Есть они, но нет царя – Бальмонта.

10 апреля 2004 г.

СТРАСТИ ПО ЛЕОНАРДУ

Всю жизнь живу, чего-то все не так.
Хожу по острию,один,под Богом.
Скажу – не то, не тот пошел большак.
Иду, как все, не по своим дорогам.

«Фамилию смени», - мне говорили.
Сменили имя при крещеньи в церкви.
Не те колокола в меня лупили,
Не те эффекты были и померкли.

Мой дед – Иосиф, мать моя – Мария,
И я их сын, внук божий – Леонардо.
Что ни скажи, чего ни говори я,
А все им не божественно у барда.

Не те холмы, зеленые отчасти,
И Русь не та, не ту носи кокарду.
Мой только голос под гитару, страсти,
Страдания по душе, по Леонарду.

Всю жизнь не фарисействую, ей богу.
Сказать под них – оплять не тот большак.
Улыбок мало, утеснений много,
Как по душе проехал «кадиллак».

Однако боги рыжим помогают,
Уж сколько раз пытались мне помочь.
Ходи, ходи – по лезвию, по краю,
Блуди, неуправляемая ночь!

4 апреля 2004г.

* * *

Я знаю, в будущем Любовь -
Мое же и несчастье.
Под осень лист летит любой
Одной червовой масти.

Я знаю, именем каким
В чьи сети буду пойман.
Вкушаю страсти, шепот, дым
С невыкошенной поймы.

Не знаю, как моей любви
Добегаться до лета.
На бережочек зазови
И поцелуй за это.

СТЕПНАЯ ЛАВА

Господь! Спасибо за Любовь,
За Веру и Надежду.
А то ведь сломана не бровь
Есенину невеждой.

Срывали сердце у меня,
И до сих пор срывают.
И за подковы у коня
Опять не отвечают.

Пусты кусты. Глаза в окне.
По розовым стезям
Летим на розовом коне,
Стихию славим дням.

По гриве моего коня
Стелись, степная лава!
Держись поцепче за меня, -
А за кого ж, держава!

БЕССМЕРТНЫЕ

Их сорок. И всегда их сорок.
Но легионы вне - экстрим.
Король Людовик, чтобы морок
Задобрить, дал Бессмертье им.

Но сорок первый, пусть не в списке,
Негласно существует, ждет.
Когда на звездном обелиске
Сорокового он прочтет.

А льгота ведь, они – бессмертны.
Живет и тот, сороковой.
Так сорок первый, уж больной,

Мычит, ворчит, стучит экспертам.
Глядишь, несут уж за порог.
А сорок тех все, держит Бог.

ВИКТОРИЯ

Жил-был король французский,
Людовик – Людовик.
Он памятник по-русски
Сам для себя воздвиг.

Любил полюбоваться,
Пошли с его руки
И стали называться
Одни Людовики.

Жил-был селянин русский,
Мужик из мужиков.
«Викторы» - по-французски
Решил он звать сынков.

Любил полюбоваться,
Как шли с его руки
И стали называться
В роду одни Витьки.

Но там престол французский
Давно уже сменен.
А тут, где Витя русский,
Теперь На-по-ле он.

АГРОНОМИЯ

То ли Земля стала выше?
В шарик кладем и кладем.
Сколько народу – до крыши –
Перебывало на нем.

Сто пятьдесят миллиардов –
Белых, зеленых, цветных.
Каждому домик с мансардой,
А накорми-ка ты их!

Где-то на краешке поля
Бедный сидел агроном.
Пиво пил на валидоле
И запивал их вином.

То ли Земля стала выше?
В шарик кладем и кладем.
И из гречихи тут вышел,
Глянь, молодой агроном.

- Сто пятьдесят миллиардов –
Белых, зеленых, цветных.
Каждому домик с мансардой,
А начини-ка ты их!

Где-то на краешке поля
Те уж сидели вдвоем.
Ехал на «Бьюике», что ли,
Главный главарь – агроном.

- Сто пятьдесят миллиардов –
Белых, зеленых, цветных...
Снял он с обоих кокарды
И тибетейку воздвиг.

Сто пятьдесят миллиардов,
Только без этих двоих.
Пусты капусты без бардов –
Белых, зеленых, цветных.

Всем им Земля стала пухом,
В шарик кладем и кладем.
Сколько начальства старухам
Песенок спело на нем.

* * *

Звонарь гремит в колокола,
К вечерней кличет всю округу.
А степь была белым-бела,
Нетрезвую вела подругу

Под локоток. Увещевала:
- И где ты только набралась,
Зеленоглазая!
Колдунья! На полдороге праздную.

Колдунья вспыхнула при этом
В глаза свои паленые,
Сказала только, что была
Со звонарем... целованным...

- Видал, как лупит, как качает -
Пу мне скучает.

БЫЛИНА ОТСТАВНОГО СОЛОВЬЯ

Эх да богатыри и мы,
Богатыри и мы, эх да богатырушки!
Эх да встанем мы да на дорожке езжей-езженькой-переезженькой!
Эх да мы подставим свои головы и спинушки
Под мостом, под былью мостовой на реке Каяль-Калинушке.
Да навстречу силе вражьей, силе темной, силушке.
Ох, да ишь куда она забралась, сила вражья, темная,
Какой кровушки они тут напились во дни скоромные,
Какие вытоптали нам эх да красу – места каяль-калинные;
Эх да прошли-проехали сквозь наши дебри дебрянские,
Через пни, трясины, хмари и болотины,
И вот у дыма у села, у храма Нерлюшки – они остановились.
А ты вставай, народ, за Красоты Красот, за золотаюшку,
За дочку нашу, доченьку за Нерлюшку,
А кто ж еще да защитит ее отсюда, от последнего краешка?
Полки-дружинушки лежат во поле, бедные.
Да все лежат они, княжии люди, эх да на поле бранюшки,
И теперь тебе, заступа, идти к мосту с дубиной, Ваня-Ванюшка.
К Мосту Мостовичу иди да подставляй-ка спину-спинушку,
Эх да с братишками своими встань у камня-камнюшки,
Эх да положите вы наземь, поджидючи, свои дубинушки.

Эх да истопите перед битвой баньку-банюшку,
Рубаху чистую надень ты, Ваня-Ванюшка.
Эх да у изголовья соловья-разбойничка свисты рассвистались,
У трех Дубов к развилкам трем дружки как слетались,
Вот тут они тогда, враги те, и остались.
Эх да и теперича за Русь-матушку, тут люди русские-то постараются.
Вы с Ванюшкой под Мост Мостович да подсядьте, поднатужьтесь,
А как поедут – с плеч долой его, валите
Да прямо в дебри дебрянские, вязкие, не одни-то пали тут с колясками,
Не одни-то в годы высокосные да покосные полегли те их силы темные.
Вот как дойдут до этих мест, так тут мы всех в один присест.
Такая, Русь наша, такая, как врата на одну сторону козырная.
Как пустынь насквозь коренная.
А храм ты тут как на Нерли-Нерлюшке, эх да к нам головой-головушкой
повернись!
То крыльев лет, а то наоборот, Ванюша-Ванечка!
Прислонися к ивушке – наберися силушки,
Оглядиися, Ванюшка, где у нас полки?
Вот и призадумайся, в чем тут, Ваня, умысел –
Вот тебе Дубинушка в поле у реки.
Эх да ту дубовую, неподым тяжелую,
Понеси ты, Ванечка, поднеси-ка ты, -
Да с любой руки!

ПЕСНИ ИЗ МЕШКА

Припаду губами, поцелую землю.
Возвращаюсь, сени, к вам издалека.
В перемятой сумке режу саблей зелье,
Высыпаю с зельем – песни из мешка.

Это все из сердца, это все моления,
Силы поднебесные нас к земле влекут.
Как же я люблю их, Русь, твои корни, -
Конь ахалтекинский, розовый маршрут!

Сам коня веду я в поводу.
Дай подпору, песню заведу,
Пусть моя порода пламенится,

Русь на этих песнях коренится.
Мать моя – степная кобылица!
Из мешка – под сердце, прямо в лица!

ПЛАЩАНИЦА

Примерю плащаницу и – молчу.
Лечу, свободный в мыслях, улетаю.
Ключи свои я к Небу подбираю,
В полотна заключения хочу.

Белое на черном, черное на белом, -
Плащаница где-то в промежутке.
Как могла фотогеничность тела
В очертаньях отразиться жутких?

Материя и Дух. Вот веришь, а не верится.
Страдая, уходил на Небо Бог.
И в том, что был, мог всяк удостовериться,

На холст в изнеможении прилег.
Пока тот холст на полдороге тлел,
Лик Леонардо и запечатлел.

* * *

Владыко, нас обереги,
Дай нам свой берег.
А мы передадим другим
Твой горний свет, твой брег.

Алмаз – красавец к серебрам,
И чернь к нему на треть.
Все люди сходятся во храм,
Чтоб только посмотреть.

Чтоб Красотой, что у него,
Сплотиться в редкий час.
Ведь и алмаз, и чернь его

Священны тут для нас.
Владыко, людям помоги,
И берег побереги!

ТРОЙКА

Сидит лихач и правит тройкой,
Летит по вееру пути
Широкой степью этой бойкой,
Вожжами вверх, а ну, крути!

А ну, а ну! Крути, крути!
Одною – глосса,
А в той – метафора, в другой.
Ямщик несется под пургой,
Литературного колосса

Везет в своей худой кибитке.
А взмах руки, а голос приткий:
- Лети, лети, конь добрый мой!

И то – метафора, то – глосса
Под колокольцем, под дугой.
До Жигулевского утеса.
То слева – лирик из кибитки,

То справа – критик удалой.
Возжа с возжой – губа не дура,
А вместе мчит литература
В степи то людной, то глухой, -
Русь-тройка, ветер с бородой!

ОБРАТНЫЙ

Зорюшка ты, зоря, незакатная,
Троечка да троечка – обратная!
Эх, как встанет мой ямщик,
Глянет – пусто.
Вспомнит бату, бабу, щи,
Где – капуста.
Головою, как крутнет,
Песню звонку как завьет!
Эх, как затянет!
Волк – тот сразу все поймет,
В речку грянет.
Как достанет мой ямщик
Пряничек печатный,
Вот что значит, курва, щи!

Что – обратный!
Некому винца поднести,
Волка некому шугнуть, -
Воля вольная, в их честь
Мог бы сам себя уесть.
Вот ведь как – кажись, недавно
По степи мотались,
А теперь, как Пушкин, Гоголь,
В тройке откатались.
Ныне мчимся в электричке –
Столько нас, сколь сена в бричке.
Зорюшка ты, зоря, незакатная!
Тройка моя, троечка – обратная!

Алмаз (Л.М.З.) – камень и мой!

МОЙ АЛМАЗ

В своих песнопеньях – за Русь постою,
Свои песнопенья – пою.
Алмаз стокаратный – на сто расколю
И людям иду раздаю.

Алмаз стокаратный – бегущий поток
Я сквозь фиолетовость глаз разглядел.
Когда заалееет на лоне Восток,
Алмаз стократный останется бел.

Он бел, мой алмаз, мой великий кристалл,
Как чистая, чистая белая Русь.
В алмаз стократный, как только устал,

Так я многократно ложусь.
Попробуй собрать те караты в алмаз,
Вернется ли мне фиолетовость глаз?

* * *

За околицей Андрей пас веселеньких гусей.
Со пером в носу, пером – перышком.
Прибегает Алексей, хлоп Андрею карасей.
Тот в село, а этот брат – перья хватать из них и рад.

Повытаскивал и бросил, обесчестил всех гусей
Тот брательник Алексей.
Прибежал обратно брат – одинаково молчат,
Одинаково шипят, наподобие грачат.

За околицей Андрей как увидел тех гусей,
Брата жалобил:
- Что ж ты, боцман Алексей,

Сделал с палубой?
Я же вставил им перо, чтобы дралися.
А они, гляди, в одно пособралися.

* * *

Студент в электричке учит французский,
Слова какие-то разные.
И все несуразные.
«Крокет. Котлета. Катакомба.
Диплом. Апломб. Да пломба. И – бомба».
После последнего – все в куче.
Никто уж ничего не учит.

* * *

О светло светлая и красно украшенная
Земля наша Русская!
И в том, что мы ходим, ездим и пашем,
Дорога одна у нас – узкая.

Все с кем-то на чем-то зачем-то
Тут сходится.
О Господи! Помню до шпента,
С чего все заводится.

О светло светлая и красно украшенная –
Земля наша Русская!
Зачем ты такая широкая нашенская
И такая-то узкая?

Чтоб негде было в широкой-то
Разминуться?
Картина есть «Вечный покой»,
А дерутся.

О светло светлая и красно украшена...
До трех повторяю – под вздох.
Когда пашем, сто раз говорим,
Сто раз говорим: «Не гулять, не гулять...
По республикам нашим».

СТАКАН

(ИЗ «ЗВУКОВОЙ ПОЭЗИИ МИРА», ПЕРУ)

Корец воды – стакан беды.
Я помню с детства тот стакан,
Надтреснут был и перевязан.
С чего он треснул, тот стакан,
И кем был перевязан?
Стаканы детства – это песни,
Когда мы пьем
Даже из треснувших - поем
Про воду чистую – чудесней
Уже не будет никогда.
Не будет той и детской песни
Среди лугов, полей – года
Идут и тикают всегда.
Стаканы детства берегите;
Когда уйдете далеко
И где-то будет нелегко,
Возьмите, вспомните стакан,
И воду чистую, и кран
С простой водой.
Корец воды. Пил из корца
За морем где-то, вдруг услышал –
Упал стакан. С того конца,
В том сне, откуда вышел.
И так меня охолонило,
Такое горе вдруг взяло,
Как будто жизнь мою разбило,
А не стакан мой, не стекло.
Там дома, вы мои родные!
Поберегите те стаканы,

Стаканы детства – те, другие.
Ведь столько выпито всего
Мной из стакана своего.
Родные милые вы, мамы!
Не наносите горя, раны.

* * *

Из горлышка Дона бежала вода,
Из самого Тихого Дона.
Иван – озеро, Иван – озеро,
Никогда еще Дон не морозило.

Она сияет, та вода,
Для духа русского.
Я убедился в том, когда
Все это высказал.

Везли на поле Куликово,
Откуда взялись?
Толково сделали, толково, -
Тут оказались.

- Вот тут и выйдем, выпьем тут.
Эй, русский, Гриша!
Сказал Е.Носов. Только Брут
К трубе не вышел.

Из горлышка Дона три капли дождя
Испили, из Дона седого.
В автобусе Брут убеждал лит. вождя.
Что он не орда из былого.

* * *

Господи! Какая же ты русская, -
Наша, под березами, своя!
Тульская, Орловская и Курская
И любая русская моя.

Не ходи стороною, сторонушкой, -
По грибкам, по пенькам да по пенышкам.
Сторона моя, приворотная, -
Аржаная, в «аспос» намолотная.

Я такую тебя и не видывал,
Все глаза проглядел, все завидовал.
Увезли хлеб к зиме – че завидовал?
Как не видел кого, так не видывал.

Господи! Какая же ты русская, -
Наша, приворотная, своя!
Тульская, Орловская и Курская
И любая русская моя.

* * *

Нести свой посох - тоже мне, работа.
Идешь, бредешь устало по Руси,
И тут такое из-за поворота –
Остолбенеешь, хоть кого спроси!

Она стоит – церквушка на Нерли,
Как куколка, как песенка, босая.
Не тает тучкой посеред Земли,
Не отвлекая мысль, не потрясая.

И рядом с речкой, никого въяви.
А если бы была тут, скажем, Волга?
Или же Храм великий, «на крови»?
Какой бы странник стаивал тут долго?

Кто ты, мой друже, освященный богом,
Явился на пути нам с небеси?
И далее побрел я по дорогам –
Той Красотой и жив, иже еси.

Нести свой посох кто же надорвется?
Живи, пока способен удивляться.
Увидишь храм такой и задохнешься!
У Красоты не можешь настояться.

КИЖИ

Кижь иль Кижь – нет вопроса.
Но прежде там бы поторчать,
Чтоб Красоту того колосса –
Русь нашу – знать, как величать.

А то плывем сюда «Ракетой».
Бревном ударило сплавным.
И там, где было «Русь», на этом,
На мягком знаке, - вмято, дым.

Без мягких знаков, глядите, Русь!
Читаем! Значит – просто «Рус».

И я тому не удивлюсь,
Что это нам отшибло кус.

Чтоб мягкий знак не отшибало.
Побольше твердости в рули.
А то, по слабости,
Когда плывешь серед земли,
И берегов уже не видно,
А - глубина.

ПЕНЬШКИ

(для детей)

Пеньшки, пеньшки – подошли к буренушке,
А она, буренушка, рогом да под пеньшки.
Брызнули те пеньшки от моей буренушки
На большую высоту, там создали красоту,
А оттуда падали и буренку радовали.
Вон куда задрала хвост, испугался даже дрозд.
Ту же успокоился песенкой такой:

- Пеньшки, пеньшки, ладушки – оладушки!
Ладушки - оладушки нашей доброй бабушке!
Ладушки и пеньшки, пеньшки и ладушки, -
Отнесите бабушке ладушки – оладушки!

Прибежали внучки – спрятались за тучки.
Опустился с тучки дрозд – сам себе под хвост.
Толечко к буренушке подошли те пеньшки,
Принесли оладушки, говорят: - От бабушки.
Вот тогда и внучке сапоги по штучке.

И тогда же этот дрозд хлопнул крыльями о мост.
И помог всем, и помог – на буренушкин на рог
Посадить те пенышки, пенышки – оладушки.
И все вместе, в выходной, понесли еду домой.

- Пенышки, пенышки, ладушки – оладушки!
Ладушки, ладушки нашей доброй бабушке!
Ладушки и пенышки, пенышки и ладушки, -
Принесли мы бабушке, ешь оладушки!

КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ

В последний раз стою перед страной,
За деньги скоро будут ведь показывать.
Уже сказали фирме тут одной,
Чтоб в грязь нас стала вместе с книжкой вмазывать.

А если я им тем не подхожу?
Другие фляги, флаги на бумаге.
Да где ж я те идеи им рожу!
Мои ведь самодельные, на браге.

Вот что естественно, Богом что врубило!
Был в прессе, псевдоним мой был Кирилла.
Пришел креститься, так крестил Мефодий.
Кирила и Мефодий, - очень мило! Свои навроде.

Давненько вместе бродим по Руси.
Вот что такое флаги, фляги, знаки,
Какие нам, слепым, открыли зраки.

Какие книги! Пишешь и носи!
Кирила и Мефодий со Крестом, -
Втроем по всей Святой Руси несем!

* * *

Лебедушки присели на лугу,
Где гуси красноносые ходили.
Они меня совсем разубедили,
Что разные, поверить не могу.

Одни хотят на небо, эти гуси.
А лебеди слетают к ним на луг.
И шея-то длинна, как у бабуси,
И крыльями охлопывают вдруг.

Один за двух - когда война, испуг
И исказится гоготом терпенье,
Тогда, хоть на какое-то мгновенье,
Один – в кусты, а тот – на небо вдруг.

Чтобы оттуда обозреть опасность,
Включить сирену, проявляя гласность.
И все увидят: белый Лебедь – бел,
Сер Гусь в кустах, как ошалел.

ГУМИЛЕВ

(песня)

Мои песнопенья – серебряный век,
А золото – хорошо!
Я берегом вышел в тот буйный набег,
Вдвоем с Одиссеем пошел.

Ушел с Одиссеем в другие края,
Дорады сверкали в воде.
Ходи, мой жираф, олеандры жуя,
Носи мои глоссы везде!

Мои Одиссеи, Пенелопа моя.
Кабиры жестоки. И снова
Под грустной колодой таится змея,
Стреляют они в Гумилева.

А я не хочу, чтобы эти кабиры
Жирафов секли, олеандры.
Опять заседают немые сатиры
И не процветают Кассандры.

В пророчества древних не верит никто.
Ведь знали судьбу Гумилева,
А что же во имя вы сделали, что –
Бессмертия Русского Слова!

* * *

Опять в тени, под сенью облаков,
Припомнилось, возникло, снизошло.
Сперва коснулось с тяжестью оков,
А после как прорезалось крыло.

Ну отчего, ну отчего, скажите?
Когда порой сова не хочет жить.
Мой морок рядом, смертен житель.
Дождись, чтоб ни с чего дождить.

Три ипостаси, духи и колоссы.
Когда не могут даже олеандры,
Не спрашивайте, а гремите, барды!
В свои слова - метафоры и глоссы.
И все-таки ты пой - во тьму веков!
Под сенью облаков!

* * *

Славяночки – родные, дорогие!
Когда вас вижу – я не так живу.
Болгария, Словения, Россия,
И я тут за Киркорова слышу.

Перехожу по дням от песни к песне,
Свободно так гуляю по степям.
А ведь не знаю ни словца, хоть тресни,
Мелодией близки их речи нам.

Слова гитары сами подбирают,
Перебирая, струны и аккорды,
Мы, русичи, свое мы знаем;
Что нас в семье славянской понимают,
И я горжусь, мы этим очень горды!

* * *

Шелом богатырский –
От алой клубники.
И тот богатырь не упал –
Он просто вошел
В эти алые лики,
А в черную ночь не попал.

Они приходили к нему этой ночью,
А он был в постели!
Пришли, как к врагу!
Но как же на них те шеломы смотрели,
Те жаркие, жаркие, жаркие очи –
В шеломах на том берегу.

Идем каждым летом
По дням и банкетам,
В решетках зимою и летом,
Клубничных в раю
Я взгляд богатырский –
Алатырь ахтырский –
В шеломах Руси узнаю.

ЛИТУРГИЯ

В церковном хоре постою
Хоть рядышком, хоть с краю.
Хотя бы просто подпою,
Слова другие знаю.

Их тоже дали небеса,
Наш белый регент общий.
Отдельно мы и колбаса,
Но кто на это ропщет?

И вот на небушке висит,
Покачивает ведра.
Остер наш месяц – перс, шиит,
Нас хорохорит бодро.

Уж литургия по жаре,
Уж дома яйца красим.
Рог ясен в золотой поре,
И с ним я в том согласен.

* * *

Крамольники опять забастовали,
Опять же кавардак и бесенята.
Подвыпили на Пасху, трали-вали,
И расковались чуточку ребята.

Один другого угостил,
А вместе уже много.
Но Бог, что главное – простил,
Ведь долгая дорога.

По ней куда еще брести,
А ведь не простеньки пути, -
Детей вести, деньжат крести,
Господь, помилуй и прости,

И сам-то будь неплох, хорош,
Когда куда-нибудь идешь,
И сам, и сам по чистым четвергам,
По чистым и лучистым дням,

Когда уж колосиста рожь,
Когда куда-нибудь идешь,
И сам-то будь хорош!

* * *

Паны дерутся, а чубы летят:
Тогда зачем они дерутся?
Ведь каждый может оскользнуться
На той арбузной корке,
На песенке, на горке,
Когда они споются.

Паны дерутся, а чубы летят.
Тогда куда они летят?
Ведь каждый может обмануться
На той арбузной корке,
Что подставляют нам.шестерки,
Когда они смеются.

Паны дерутся, а чубы летят.
И так все ясно, что чубы,
И что паны дерутся.
Но мы считаем не столбы.
И потому, когда дерутся,
Панам уже не обмануться,
Сидят у той – арбузной корки
И ждут, когда чубы вернуться.

ЧАРОЧКА

Славяночка красивая такая!
С утра прошла по самым облакам,
А днем уже, как чарка игровая,
Так, за столом, и ходит по рукам.

Косили! А ведь косят по росе.
Носили! А ведь надо бы сушиться,
Играли со сливяночкой все,
Но как она? Стопарик, надо смыться!

Пробежали узкие дорожки,
Просидели всякие места.
Ей на бант набрасывала крошки
Всякая безродная глиста.

Но ветер – басурман такой, не канул.
Подол задрал и пробовал убечь,
Но казаки турецкому султану
Уже строчили трепетную речь.

ФИГУРА УМОЛЧАНИЯ

(абсурдные стихи)

Создал момент навеки груз,
Завел писателей в Союз.
И даже Горький сказал бы Борьке:
- Они же тут перегрызутся!
В процессе эволюции.
Кончается стучание,
По отношению к умам – Фигура умолчания, –
Так кредо выразил Бодров,
С манерами вождя,
В союзе творческое бдя
Один, без дураков.

Сперва мы пленум, после съезд,
Всех террористов в нем,

Москву съедим в один присест,
В Орел перенесем.

Интрига в масть должна попасть,
Мы гении сперва.
Четыре тома – в Белый Дом
И здания, издания!
Годовые едва.

В столицу третью – Белый Дом
И весь четвертый том,
Себя с Кремлем, Лужковку в нем,
В Орел перенесем.

По отношению к Луне
Опять как бы стучание.
По отношению ко мне –
Фигура умолчания.

Хоть и молчу, спросить хочу:
- Когда это случится?
Когда Москва совсем сюда
Начнет переноситься?

Октябрь – 2002г.

* * *

Все премии – от Бунина до Фета -
Придуманы навроде для петрушки.
А если кто не с грядки, это -
Удерживают дальше от кормушки.
А премии манят. Как гусаки.

Уж с курами ходить им не с руки,
От собственного мнения балдея.

Но мы-то знаем, в чьем интрига вкусе
И кто дровишки сушит у огня.
Вот интересно! Были бы те гуси,
Когда бы не было меня?

* * *

ВЕЛИМИРУ ХЛЕБНИКОВУ

«Русь, ты вся поцелуй на морозе!» -
Губы спеклись в немоту.
Так и прошел Велимир по дорозе,
В ту деревушечку, в ту.

Президент Шара Земного,
А в деревушке Санталово,
В баньке заброшенной,
Умирал скошенный
Равнодушием мира
Всего остального.

А главное - Президент Шара Земного
Засыпал под листьями, в дикости.
А проснется, – люди перетащили, –
На Новодевичьем, вроде как Казанова,
В сфере двойного – вроде как Казанова,
В ликости.
«Русь, ты вся поцелуй на морозе!»
Вот как! Гимн по шипам и розе.

* * *

В квартире стало жарко,
Весна пришла, запарка.
И что же эта ТЭЦ
Не снизит пар с небес?

Антикварные молчат,
Ножонками сучат.
Какая кровь липучая —
От случая до случая!

И я хожу по случаям,
И мучая, и мучаясь,
Пишу про Русь и злось,
Потом охолоноксь.

Март – 2004г.

НОЧНОЙ КУРСК

Памяти Носова Евгения Ивановича

На самом взмахе своих дней
Я тут себя обрел.
В Орле я – курский соловей,
А в Курсе я – орел!

Пою с рожденья, амадей.
И до сих пор пою.
- Кого ты знаешь из людей?
С кем был на «ты», в раю?
Сидим у Носова в дому,
И хорошо сидим.

- Так вот пою, смотря кому,

Пока непобедим.

Пойду Карузо поклонюсь,

Он тут пел, где откос.

И я вкушал тут нашу Русь

И на Карузе рос.

В каких клавирах, кто мой друг,

Известно нам двоим.

Я пел один и пел за двух, -

Народный херувим.

Консерватория моя –

Вот тучочки, друзья.

Все соловьи – моя семья,

Трава, слова и я.

И я запел в ночной откос

Белькантию свою.

Ору: «Я – Русь! Карузо, росс!»

На целый мир пою.

15 января 2004г.,

г.Курск

ЗЕЛЕНЯ

(песня)

«Зеленя» - слово, введенное в оборот речи

Тургеневым

Снеговье обоймет, и с зеленых полей,

Понесет меня к Солнцу в заветные дали.

Я иду, я иду – ветер злее и злей,
Мы горластей еще не видали!

Норовит под кожанку, в теплушку залезть –
Застудить, опрокинуть, закинуть в курганы.
Обопруся о дуб, - уж такие мы есть!
Переждем, перебесятся старые раны.

Те поля уж не пашут, а те зелены
Уж, наверно, последние, - экое дело!
Бурьяны, бурьяны ободрали меня,
Когда шел, где, бывалыча, греча кипела.

Привезут из-за моря, и горюшко с плеч.
Перемелют – и крышка, без всякой мороки.
Променяют на хлеб нашу русскую речь,
Да еще и чужие подсунут пороки.

Ветер рвет кожанок со плеча моего.
Посижу у костра, пошаманю на тризне.
Натерпелись за жизнь, навидались всего –
Зеленя, зеленя, зеленя по Отчизне.

Лето 2003г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СТРАНА АЭДИЯ

Звуковая поэзия мира.

Концерты. Театр одного поэта.

ПРОЛОГ

Аэды – это поэты, которые, подобно Гомеру, поют свои песни. Рапсоды – поэты, которые поют песни аэдов. Аэдия – это страна, мир аэдов, всех поэтов Земли. Через поэзию, через песню, как не через что другое так, можно проникнуть в мир человека, в душу народа, страны, чтобы познать ее изнутри. Беру и читаю стихи поэта, одни из них сразу же ложатся на музыку, начинают петься во мне, звучать, другие же нет. А ведь музыкальность – одно из главнейших свойств стиха (еще по Аристотелю).

Если по Библии – «вначале было слово», то еще раньше, безусловно, был звук. Падающей воды, деревьев, шелест листьев, шагов, гром среди ясного неба. Крик восторга и ужаса, издаваемый человек еще припещерных времен. Отдельные звуки и слились сначала в мелодии, затем слова в песни. Так что муза пения даже древнее самой поэзии.

До сих пор поэзию, лирику иные непрочь поставят ниже эпоса, государственных, всяческих дел. Подумаешь, поэты, как птички чирикают! А как же тогда насчет государственных гимнов, где – не во всех гимнах, конечно. – эпос с лирикой слит воедино. Первым лириком был или царь Соломон в библейских своих «песнях», или древний грек, античный поэт Архилох, который заговорил, запел не от богов уже, даже не от имени эпоса, а от себя лично, от имени собственной души, своей службы себе, показав собственные человеческие боли, радости, страхи, любовь. Вот кому мы обязаны лирике и в нашей современности.

Почему звучат во мне стихи, романсы, песне подобны, - не знаю. От говов, что ли, это врожденное? Если стихи пишу с пятого класса школы, то песни пел отродясь, а свои собственные песни пишу с седьмого класса. Мать моя пела еще в первом – крестьянском хоре Пятницкого в Каменной степи, что на юге Воронежской области, где наш родовой корень. А дедушка с тремя сыновьями, которые затем все погибли – в 41-м на главном, московском направлении, делали на продажу балалайки, гармони. Всю жизнь дедушка мой Герасим Макарыч мечтал сделать мне, внуку своему, скрипку – руками своими, разлатыми свои-

ми, плоскими, раздавленными тяжелой крестьянской работой пальцами. Чертеж до сих пор хранится дома в комодке.

Появился магнитофон у меня, - «Япоша», милый мой дружок, возможность явилась записывать песни. И хлынули они из меня – сверху и снизу, свои и чужие, со слов авторов – неудержимым потоком. Вон сколько их заплескалось. В поезде пишу, в лесу, ни лугу, да где угодно.

И все это оформилось, наконец, в Страну Аэдию – звуковую поэзию мира.

Дедушка мне говорил, бывало, не зарывай, малый, в землю таланты. Вишь, как в Библии говорится: и одному Бог дал пять талантов, иному - один, каждому по его силе. В звуковой поэзии мира действуют у меня, по крайней мере, четыре таланта – в круге, слиянно: поэтический – это слова писать, музыкальный – класть слова на музыку своей души, певческий – петь все это, кладя свои музыкальные фантазии, импровизации на магнитофонную ленту. И драматургический – оформлять все это в акапельные концерты, обрамляемые лучшими оркестрами, гитарами, действием. Современное, с использованием, как говорится, технических средств.

Поначалу очень стеснялся все этого. После прозы, романов. Сам себя слушал с диктофона, сидя где-нибудь на пенечке, в лесу. А вижу – получается, и людям стал показывать, а теперь уж всюю.

Необычно, все это – понимаю, главное - соединяется поэзия с музыкой, слово становится музыкальнее, поэты жившие когда-то, оживают, начинают жить в современности. Я как бы переступаю, размываю эту черту между жизнью и смертью. Все творцы, все идеи прошлого переходят в меня, я страдаю, плачу, люблю – от имени их, себе как бы присваиваю взятое у поэтов все лучшее – лучшие строки, лучшие стихи. Я люблю их, я возношу их, превозношу, оживляя, вспоминаю о них, отдаваясь всем с сердцем своим другим людям Земли. Я пою их, Боги несут, помогают – когда мне легко да и когда тяжело...

Через пение, песни все видится с неожиданной стороны – вся поэзия, вся жизнь человеческая – красиво, глубоко, одухотворенно. И безобразие тоже виднее. Вот тебе гимны, вот тебе лира. Черпая лучшее, больше кладу в био-

сферу планеты, пополняя биоэнергетику Человечества. И так, пока трепещет, бьется в словах и звуках прекрасных душа. И, если Достоевский дает пример всемирной отзывчивости русской души к горю, страданиям народов земли, то эта «Звуковая поэзия мира» дает, на мой взгляд, пример такой «всемирной отзывчивости русской души» к свету, любви и надежды народов, что раскрывается самой сутью музыкально-космической гармонии звуков.

Так и пою Розу Мира, Россию, Пальмиру, все эти Северные пол мира, как и наши ягодные, песенные места.

8 марта 2002г.,
г.Орел, Россия.

Концерт первый.

ВСЕ ЛАВРЫ ЛАУРЕ (ВЛАДЕНИЯ СОНЕТА)

Шарль Бодлер. «Красота».

Прекрасна я, как в камне спящем эхо.

И кто-то пал, ударясь мне о грудь.

А в ком любовь, тот создан для успеха.

Он – мой Поэт, он вечность, Млечный путь.

Парю в лазури – лебедь молодая.

Белее снега, холоднее льда.

Я – Красота, недвижна и горда я,

Слеза и смех, - я выше их всегда.

Они сожгут себя, мои поэты,

В трудах души, во цвете своих дней,

Чтоб только я питала их сонеты,

Во имя благосклонности моей.

В два зеркала возьми и оглядись.

Прекрасен мир, покуда длится жизнь.

Перевод Леонарда Золотарева

Адам Мицкевич. «К Лауре»

Едва явилась ты, я был тобой пленен.
Знакомы взоры скал, я в незнакомом взоре.
Ты вспыхнула в ответ. Так, радуясь Авроре,
Вдруг загорается раскрывшийся бутон.

Едва запела ты, я был заморожен.
И ширилась душа, забыв земное горе.
Как будто ангел пел, и в голубом просторе
Спасенье возвещал нам маятник времен.

Не бойся, милая, открой мне сердце смело,
Коль сердцу моему ответило оно.
Пусть люди против нас, пусть небо так велело.
И тайно, без надежд любить мне суждено.

Пускай другому жизнь твоя всецело,
Душа твоя с моей обручена давно.

Вильям Шекспир. «Сонет №76»

Увы, мой стих не блещет новизной,
Разнообразьем перемен неожиданных.
Не поискать ли мне тропы иной,
Приемов новых, сочетаний странных.

Я повторяю прежнее опять,
В одежде старой появляюсь снова.
И, кажется, по имени назвать
Меня в стихах любое может слово.

Все это оттого, что вновь и вновь
Решаю я одну свою задачу.
Я о тебе пишу, моя любовь,
И то же сердце, те же силы трачу.

Все то же солнце ходит надо мной,
Но и оно не блещет новизной.

(Перевод С.Я.Маршака)

Петрарка. «На жизнь мадонны Лауры. Сонет №86»

Всегда любил, теперь люблю душою.
И с каждым днем готов сильней любить
То место, где мне сладко слезы лить,
Когда любовь томит меня тоскою.

Сейчас люблю, когда могу забыть
Весь мир с его ничтожной суетою.
Но больше ту, что блещет красотой,
И рядом с ней я жажду лучше быть.

Но кто бы ждал, что нежными врагами
Окружено все сердце, как друзьями.
Таких сейчас к груди бы я прижал.
Я побежден, Любовь, твоею силой.

И, если бы я не знал надежды, милой,
Где жить хочу, там мертвым бы упал.

Вильям Шекспир. «Сонет №14»

Я не по звездам о судьбе гадаю.
И астрономия не скажет мне,

И астрономия не скажет мне,
Какие звезды в небе к урожаю,
Цене, пожару, голоду, войне.

Не знаю я, ненастье иль погоду
Сулит зимой иль летом календарь.
И не могу судить по небосводу,
Какой счастливей будет государь.

Но вижу я в своих глазах предвестье,
По неизменным звездам узнаю,
Что правда с красотой пребудут вместе,
Когда продлишь в потомках жизнь свою.

Но, если нет, под гробовой плитою
Исчезнет правда вместе с красотой.

Леонард Золотарев. «Изумруд»

(Смарагд, из Венка сонетов)

Июнь, Близнецы – Раки

Столешница как бит в цыганской шали.

Темно-зеленый пламень изумруд,

За что алмаза более дают

(То убеждали, то разубеждали).

Он – камень мой, на самой магистрали.

Оправлен в злато – славный талисман.

Он мне от Бога, от пророков дан

(В чем убеждали, в том разубеждали).

И блеск в глазах. И слово мое тоньше.
Напевнее, удачнее строка.
Мой амулет, наш век еще не кончен.

Еще поем мы, в голосе пока!
И тут хандру вдруг как сняло рукой.
Еще бы! В цветомузыке такой.

Альфред Теннисон. «Дочь мельника»

У мельника славные дочери.
И так мне одна дорога, дорога.
И я бы хотел ее щечки
Коснуться слегка, как серьга.

Меня бы укрыла волнистая прядь,
И милую шейку я мог бы ласкать.
Вокруг ее нежного стана
Хотел бы я быть пояском,
Чтоб сердце ее непрестанно
Со мной говорило тайком.

И знал бы я, верно ли бьется оно
То нежной печали, то счастья полно.

И я бы хотел ожерельем
На белой груди ее стать,
Чтоб грустью ее и весельем
Вздыматься и падать опять.

И я бы мечтал об одном, об одном,
Чтоб снять бы мечтали меня перед сном.

Чтоб снять забывали меня перед сном,
И я бы мечтал об одном.

Джордж Гордон Байрон. «Лирика»

Она идет во всей красе,
Светла, как ночь ее страны.
Вся глубь небес и звезды все
В ее очах заключены.
Как солнце в утренней росе,
Но только мраком смягчены.
Прибавить им или отнять,
И будет уж совсем не та
Волос гранатовая прядь.
Не те глаза, не те уста.
И лоб, где помыслов печать,
Так безупречна, так чиста.
А этот взгляд и свод ланит,
И легкий блеск, как всплеск морской,
Все в ней о мире говорит.
Она в душе хранит покой.
И, если счастье подарит,
То самой щедрою рукой.

Концерт второй

«ОСТРОВ ЛЮБВИ» (Французский шансон)

Переводы Леонарда Золотарева

Гийом Аполлинер. «Под мостом Мирабо»

Под мостом Мирабо тихо Сена течет
И уносит нашу любовь.

Помни, эта печаль уйдет,
Радость снова придет.

Полночь близится. Пробил час.
Я останусь, а день угас.

Так и стоим мы рука в руке,
Даже глаза в глаза.
Мост наших рук на молчащей реке,
Взгляд утонул вдалеке.

Полночь близится. Пробил час.
Я останусь, а день угас.

Любовь за водой уплывает, плывет,
Уходит с водой любовь.
Как жизнь, что идет, и идет, и идет,
Как новой надежды взлет!

Полночь близится. Пробил час.
Я останусь, а день угас.

Проходят дни, недели, года.
Их не вернуть назад.

Любовь уплывает, она, как вода,
Под мостом Мирабо всегда.

Полночь близится. Пробил час.
Я останусь, а день угас.

Шарль Бодлер. «Игра воды»

Не открывай глаза свои усталые,
Любовница, побудь в небрежной позе.
Не в удивленье позы мне бывалые,
Скорей для мыслей об апофеозе.

А во дворе игра воды, она для нас.
И днем и ночью, ежечасно, вновь и вновь
Струя течет, мы погружаемся в любовь,
С приходом вечера нас введшую в экстаз.

Разбита трава, развеяна
На тысячи брызг.
И в каждой – цветы,
И в каждой – слова,
И в каждой жива –
Ты!

Душа моя горит и разгорается,
Пожаром схвачена, ей тоже не до шутки.
А вот до тла сгореть не догадается.
Игра воды, игра воды какие сутки.

А во дворе игра воды, она для нас.
И испаренья, поднимаясь в облака,
Уже оттуда, охлажденные слегка,
Потоком в сердце мое падают сейчас.

Разбита трава, развеяна
На тысячи брызг.
И в каждой – цветы,

И в каждой – слова,
И в каждой жива –
Ты!

Прохладна ночь, пройдет, неповторимая.
Прильну к груди и от тебя ни шагу.
Но отчего в глазах твоих, любимая,
Дрожит, слегка покачиваясь, влага?

А во дворе звучит вода, стекая вновь.
Луна, деревья, горы, годы незабвенны.
Играй, вода, ручьи в глазах твоих священны,
Ведь и в ручьях твоих, как в зеркале, любовь.

Разбита трава, развеяна
На тысячи брызг.
И в каждой – цветы,
И в каждом – слова,
И в каждой жива –
Ты!

Шарль Бодлер. «Альбатрос»

Вдруг нахлынет глухая тоска на матросов.
И, спасая себя в океане тоски,
Они ловят красивых больших альбатросов
И бросают к ногам мановеньем руки.

Взмыть бы с палубы тут же, от грохота брызг,
Но, вздымая, как весла, гигантские крылья,
С мясом вырвать готов из уключин своих,
Он величье теряет порой от усилья.

Царь небес голубых, император просторов -
Он низложен толпой, и смешон, и угрюм.
Этот – в спину ему кучу всякого вздора,
Тот – ему табачищем в развернутый клюв.

Так, Поэт, и идешь ты, белея от брани.
Волочатся крыла – властелины высот.
И от палубной дряни, кормы в Океане
Исполинская сила на Небо несет!

Луи Арагон. «Руки Эльзы»

Дай мне руки твои, дай мне руки,
О которых молчал и молчу.
Дай мне руки твои – мои муки,
Дай мне руки, спастись в них хочу.

Я беру их, ловлю, принимаю.
Вижу нежность, смятение, страх.
И, как воду, со льда поднимаю
И держу над собою в руках.

Убегает и снова мне в руки
Ледяная, живая вода.
Как меня потрясали разлуки,
Как они потрясают всегда.

Дай мне руки твои, дай согреться.
Пусть задержится миг для двоих.
Дай мне руки - возьми мое сердце
В эти нежные руки твои.

Жак Превер. «Это в Париже»

Тысячи, тысячи лет
Люди не знают страданий
Здесь даже слова ради.
Это, конечно, вечность.
Маленькая, но твоя.
Где ты меня обняла,
Где я обнял тебя
Утром в сияньи Луны
В парке одном Монсури.
Это в Париже, на той земле,
Которая, как и звезда,
Сияет мне тысячи лет,
Тысячи лет.

Поль Верлен, «Песни дождя»

Плачет сердце мое,
А над городом дождь.
Что томишься ты, что ж,
Плачешь, сердце мое?
Нежны песни дождя.
Шум по крыше и тишь.
Что грустишь ты, молчишь
В нежных песнях дождя?
В сердце плач ни с чего.
Все пустынно, все бред.
Предал кто-то иль нет,
Грусть – тоска ни с чего.

Осень

В холодном тумане крестьянин и вол
Ташатся по дороге.
Мимо поселков убогих и сел,
И сами-то тоже убоги.

Крестьянин поет заунывную песнь
О бедной, разбитой любви.
С кольцом обручальным, измученный весь,
И плачь хоть, и хоть не живи.

О осень, осень! Туманы грядут.
Сгубили, проклятые, лето.
Вол слушает песню. Вдвоем и бредут,
Шатаясь, по белому свету.

Стефан Малларме. «Умирующий Лебедь»

Не знает высоты, на юг не улетает,
Он тут всегда. А пруд сковало льдом.
Он хочет пить, он бьет по льду крылом,
Но льда его крыло не пробивает.

Он – Лебедь, он встречает смерть на льдине.
Зима пришла, сурова и седа.
А он все тут – на милой на равнине,
Откуда все летят, когда зима сюда.

Тряхнет он шеей – тонкою, лебязьей
И не стремится ввысь, слабее силы вражьей.
Крылом не одолев земного притяженья,
Он сел на пруд, чтоб тут заиндеветь.

В плену у льда, исполненный презренья,
Свободный – на свободе умереть.

Артюр Рембо. «Спящий в ложбине»

Зеленый дол, куда течет река.
В траве пожухлой стынут берега.
И солнце. И гора молчит, строга.
Долина вся в лучах невелика.

И молодой солдат с открытым ртом
Лежит, весь обнаженный, перед небом,
Один, среди волнуемого хлеба,
Весь распростерт, на ложе спит своим.

Шаги в цветах, а он лежит, лежит.
Все улыбается, как в детстве, дома спит.
И бледен он, и в тело входит холод.

От запахов уж ноздри не трепещут.
И рядом два пятна краснеют, плещут.
А он лежит – солдат, который мэлод.

«Впечатление»

Иду тропинкой в голубой и теплый вечер.
Колосья колки, шелковисты травы.
И ночь дыхла свежестью навстречу,
Росой легла на волосах кудрявых.

Ни слов во мне, ни мыслей никаких,
В душе любовь, одна любовь в груди.

И я бреду и счастлив, хоть на миг,
Как с женщиною встреча впереди.

Робер Деснос. «Куплет о стакане вина»

Когда поезд ушел, опустилась рука.
Ни платка твоего и ни зонтика.
Только полный стакан золотого вина,
Только поезд, к нему устремленный.

Это длинное, длинное пламя вина
И горит, и поет, и рыдает.
Разрушая дворцы, и меня от тебя,
От твоих алых губ отделяет.

Леонард Золотарев. «Прощание с Киевом»

Мы встретились, чтобы расстаться,
Друг друга боясь полюбить.
Француженка – тонкая грация,
Дрожит, не оборвана, нить.

Но стоит ей лишь оборваться,
И будет окончено все.
О это различие в нациях!
Вы, русские, странны, мусье.

Над Киевом чайки кричали
С холмов на великую Русь.
Где было нам столько печали,
Сюда никогда не вернусь.

Днепровская, чуть с голубинкой,
Волна пропадала в волнах.
Подрагивала паутинка
В ее пикардийских глазах.

Вот так и стоит среди зноя
С цветами, как огненный флаг.
Прощается Киев со мной,
В ее утопая руках.

Концерт третий

«ВЕРНИСЬ В СОРРЕНТО!»

(Неаполитанские песни)

«САНТА ЛЮЧИЯ»

В лунном сиянии море блистает.
Ветер попутный парус ласкает.
Лодка моя легка, весла большие,
Санта Лючия, Санта Лючия!

Город Неаполь очень прекрасный,
Мне улыбнулся свод неба ясный.
В душу вливаются взоры земные,
Санта Лючия, Санта Лючия!

Прочь, все заботы! Прочь, все печали!
О мой Неаполь, светлые дали!
Радость безмерная, нет ей причины,
Санта Лючия, Санта Лючия!

Леонкавалло. «Рассвет»

Аврора уж солнце встречала,
Покровы раскинув свои.
Багряной рукою ласкала
Аврора и в поле лучи.

О, если б ты знала, как страстно
Тебя на заре солнце ждет!
«Ужель буду ждать я напрасно?» –
Певец так, страдая, поет.

В белый наряд твой подвечный
Сердце не скроешь ты от меня.
Буду любить я образ твой нежный,
Не для любви ль ты создана?

Куртис. «Вернись в Сорренто»

Помнишь ли ты это море
Здесь, в лазоревом просторе,
Что обвило, словно лентой,
Берег дивного Сорренто?

Иль тебе милей другое –
Край неведомый, далекий?
Иль Сорренто позабыла
Ты в разлуке роковой?

О, вернись сюда скорей,
На простор людей широких!
Здесь и песня веселее,
Аромат цветов пленяет.

Ночи лунные над морем
Неужели ты забыла?
Во вражде мы были с морем.
Я любил, и ты любила.

А цветов благоуханье
И призывный звон гитары,
И горячие лобзанья –
Неужель забыто все?

Нет, я знаю, все вернется.
Мы увидим снова счастье.
Сердце радостно забьется,
Позабыв разлуки зло.

О, не оставь меня,
Тебя я умоляю!
Вернись в Сорренто,
Вернись, мою!

Море синее играло
Море синее играло
Бирюзовой волной.
При разлуке твои глазки
Затуманились тоской.

Мне как будто говорила
Бирюзовая волна:
«Не грусти, вернется милый,
Приголубит он тебя».

Море! Верни нам вновь
Ласку, мечты, любовь.
Счастье снова улыбнется нам,
Снова я прильну к твоим устам.

Страстно я буду ждать,
Лишь о тебе мечтать.
И настанет этот час,
Море лаской встретит нас,
Не грусти, мой друг, прощай.

Милый образ вспоминая,
Грусть не в силах отогнать.
Сердце бьется, замирая,
Жажда вновь тебя обнять.

Мне как будто говорила
Бирюзовая волна:
«Не грусти, вернется милый,
Приголубит он тебя».

Море! Верни нам вновь
Ласку, мечты, любовь.
Счастье снова улыбнется нам,
Снова я прильну к твоим устам.

Страстно я буду ждать,
Лишь о тебе мечтать.
И настанет этот час,
Море лаской встретит нас,
Не грусти, мой друг, прощай.

«Синьорина»

Вы прекрасны, синьорина,
Что со всеми так любезна и мила,
Постоянна весела, чья улыбка так светла,
Кто сердечных ран причина.

У красотки – синьорины
Под окном вздыхает мандолина.
Ля-ля-ля... ля-ля-ля.
Если ты промелькнешь в окне,
О плутовка моя,
Если руку протянешь мне,
Значит, ты любишь меня.

Вы прекрасны, нет сомненья,
И к лицу вам этот праздничный наряд.
Даже ваш сердечный взгляд
Мне дороже всех наград,
Я пленяюсь им в одно мгновенье.

Вы прекрасны, нет сомненья
Встретив вас, приходит каждый в восхищенье.
Ля-ля-ля... Ля-ля-ля...
Если ты промелькнешь в окне,
О плутовка моя,
Если руку протянешь мне,
Значит, ты любишь меня.

«Лунная серенада»

Надо мной тихо звезды мерцают,
И листвою шелестит ветерок.

В темном небе луна проплывает,
Словно лилии белый цветок.

Наполнил душу мне
Золотой свет луны.
Я в ночной тишине
Вижу дивные сны.

Расцвел цветок любви
В сердце верном моем,
И он ярким огнем
Загорелся в крови.

Куда бы от меня ни скрылась ты,
Повсюду за тобой мои мечты.
Может быть, обо мне вспоминая,
Теплой ночью грустишь ты одна.
И ласкает тебя, дорогая,
Нежным призрачным светом луна.

«О мое солнце!»

Как ярко светит после бури солнце!
Лучами алыми мир озаряя
И к новой жизни сердце пробуждая.
Как ярко светит после бури солнце!

Я знаю солнце еще светлей,
О дорогая, солнышко мое!
Солнышко ты, солнышко мое!

Как дивно светит солнце в час заката!
Лучами алыми мир озаряя.
Привет прощальный шлет, нас обнимая,
Как дивно светит солнце в час заката!

* * *

Скажите, девушки, подружке вашей,
Что я ночей не сплю, о ней мечтаю.
Что нет улыбки ее нежней и краше,
Я сам хотел признаться ей, но слов я не нашел.

Очей прекрасных огонь я обожаю.
Скажите, что иного я счастья не желаю.
Что нежной страстью, как цепью, я прикован,
Чтоб без нее душе моей тревоги не унять.

Когда б я только смелости набрался,
Я б ей сказал: «Напрасно ты скрываешь,
Что нежной страстью сама ко мне пылаешь,
Расстанься с хитрой маской, и сердце мне открой!»
Очей прекрасных...

Леонард Золотарев. «На перроне»

Твоя рука опять в моей руке.
И мы вдвоем, мы островок в реке.
Какое счастье! За спиной угрозы,
Мир выстрадан, мы не сошли с тропы.

Глядите, вы! Как мотыльки на розы
Летят, в себе одолевая слезы,

А все ж идут на острые шипы,
Идут на розы!

А.В.Кольцов. «Соловушка»

Ты не пой, соловей,
Над моим окном.
Улети в леса
Моей Родины.
Расскажи, как без нее здесь
Увядаю я.
Что трава по степи
Перед осенью.
Без нее ночью мне
Месяц сумрачен.
Среди дня без огня
Ходит солнышко.
Кто взглянет на меня,
Примет ласково.
На чью грудь положу
Свою голову.
Что ж поешь, соловей,
Над моим окном?
Улетай, улетай
К душе – девице.

«Ноченька»

Ах, ты, ноченька,
Ночка темная.
Ночка темная, ах,
Ночь осенняя.

Что ж ты, ноченька.
Принахмурилась?
Что ж, осенняя, ах,
Затуманилась?

Что ж ты, девица,
Призадумалась?
Или нет у тебя, ах,
Друга милого?

Ах ты, ноченька,
Ночка темная.
Ночка темная, ах,
Ночь осенняя.

Концерт четвертый
«Андалузские ночи» (Испанская гитара)

Стихи испанских поэтов,
пропетые моим сердцем и голосом.

Леон Филипе. «Брат»

Брат, с тобою твое добро:
Лотос, очаг, ружье.
Мой только древний голос Земли,
Все остальное твое.

Ты оставляешь меня нагим,
Гоня по дорогам земным.
Но я оставляю тебя немым,
Ты понимаешь, немым.

И как ты станешь седлать коня
И в поле точить косу,
И как ты будешь сидеть у огня,
Если песню я унесу?

Гарсиа Лорка. «Романс о Луне»

Луна в цыганскую кузню
Вплыла жасмином воланов.
И смотрит, смотрит ребенок
И газ не отводит, отпрянув.

Луна закинула руки.
И дразнит ветер полночный
Своей оловянною грудью,
Бесстыжей и непорочной.

Луна, луна моя, скройся.
Если вернуться цыгане,
Возьмут они твое сердце
И серебра начеканят.

Мануэль Мачадо. «Песня»

Пока не поет их народ,
Песни еще не песни.
А когда из поет народ,
Сочинитель уже неизвестен.

Такая судьба, без сомненья,
Всем песенникам суждена.
Остаются из сочинения,
Забываются их имена.

Ты сделай так, чтобы в людях
Хранилась песня твоя.
Пусть не твоей она будет,
А каждого и своя.

Пусть растворится голос
В тысячах голосов,
Ты имя отдашь во имя
Бессмертия твоих слов.

Хуан Хеменес. «Я просто сказал...»
Я просто сказал однажды,
Усышать она сумела,
Мне нравится, что весною
Любовь одевалась белым.

Глаза голубые вскинув,
Взглянула с надеждой зыбкой.
И только пухлые губы
Светились детской улыбкой.

С тех пор, когда через площадь
Я шел на майском закате,
Она стояла у двери
Серьезная, в белом платье.

Серебро тишины
Что хоронишь ты, птица.
В соловьиной гортани
И серебряной розой
Роняешь на плиты?

Отголосками звона,
Подобного тайне,
Словно синей гирляндой,
Сады перевиты.

В одинокой ночи
Среди смутных жасминов,
Над садами, над белой метелью в июне,
Сердце полное слез
Высоко запрокинув,
Ты кропишь серебром
Тишину полнолуныя.

И другой соловей
У меня в заточенье,
Как во сне к тебе тянется
Взглядом незрячим.
Раскрывается ясно,
Врывается пенье,
И еще одно сердце
Откликается, плачет.

И понять невозможно
В серебре и дремоте,
Кто кого окликает
В ожидании чуда.
Или дружные струны
Об одном вы поете,
Из-за гроба ваш голос,
Или он ниоткуда.

Антонио Мачадо. «Белый цветок»

Была на площади башня!
И был на башне балкон.
Была на балконе синьора,
Синьора с белым цветком.

Но вот прошел кабальеро,
Кто знает, зачем прошел?
Он площадь унес и башню,
Башню унес и балкон,
Унес балкон и синьору,
Синьору с белым цветком.

Луис Сернуда. «Мир, где правят»...

Мир, где правят ложь и порок, -
Я прошу тебя лишь об одном,
О, оставь лазури клочок
В небе и в сердце моем.

Ни богатства, ни славы, ни власти –
Я не жажду, к чему мне все это?
Я тобой одной буду лишь счастлив,
Моим единственным светом.

Мир, где правят ложь и порок, -
Я прошу тебя лишь об одном,
О, оставь лазури клочок
В небе и в сердце моем.

Мануэль Мачадо. «Кастилья» (Легенда о Сиде)

Слепое солнце раскаляет латы,
Огнем летучим воинов кропя.
Дробится в искры на стальном забрале
И полыхает на конце копя.

Слепое солнце. Жажда и усталость.
Да по степи кастильской стук копыт.
В изгнание с двенадцатью своими
В поту, в пыли, в железе скачет Сид.

Вот постоянный двор. Он словно вымер.
Он весь закрыт от ставен до ворот.
В ворота бьют копьем, шатаются ворота.
А ветер обжигает, солнце жжет.

Но гулкий гром ударом отозвался.
Серебряные хрупки голоса.
И маленькая девочка несмело
Открыла дверь и вышла на порог.

Была она и худенькой, и бледной
Одни глаза и слезы на глазах.
Но на лице ребячьем любопытство
Превозмогало страх.

«Уйдите, добрый Сид! Король убьет нас.
Разрушит этот дом.
Прикажет соль посеять в нашем поле,
Распаханном отцом.

Скачите дальше, Сид. Храни вас, Бог.
Несчастье наше не пойдет вам впрок».
И девочка заплакала безмолвно.
Потупясь, воины стояли перед ней.
И в тишине, густой и накаленной,
Суровый голос крикнул: «На коней!»

Слепое солнце. Жажда и усталость.
Да по степи кастильской стук копыт.
В изгнание с двенадцатью своими
В поту, в пыли, в железе скачет Сил.

Гарсиа Лорка. «Сомнамбулический романс»

Любовь моя – цвет зеленый,
Зеленого ветра всплески.
Далекий парусник в море,
Поближе – холм в перелеске.

Ночами по грудь в тумане
Она у перил сидела.
Серебряный иней взгляда
И зелень волос и тела.

Любовь моя – цвет зеленый.
Лишь месяц цыганский выйдет,
Весь мир с нее взгляд не сводит,
И только она не видит.

Земляк, я коня лихого
Сменял бы на эту кровлю.

На зеркало – ночь, а сбрую –
На краешек изголовья.

Земляк, я из дальней Кабры
Иду, истекая кровью.
Хочу умереть, как люди,
Оплаканные любовью.

Не видишь ты эту рану
От горла и до ключицы
Все кровью пропахло, парень,
Все кровью твоей сочится.
И я то уже не я то...

«Поступь Сигирий»

Бьется о смуглые плечи
Бабочек целая стая.
Белые змеи тумана
Снег заметают.

И небо земное.
Над млечной землею.
Идет она пленницей ритма,
Который постичь невозможно.
С тоскою в серебряном сердце,
С кинжалом в серебряных ножнах.

Куда ты несешь, Сигирийя,
Агонию певчего тела?
Какой ты Луне завещала
Печаль олеандров белых?

И небо земное
Над млечной землею.

«Мemento»

Когда умру, схороните меня с гитарой -
В речном песке.
Когда умру, в апельсиновой роще старой,
В любом цветке.

Когда умру, буду флюгером я на крыше,
На ветру.
Тише –
Когда умру.

Мигель Унамундо. «Отчизна»

Отчизна, я мерил немало
Своими шагами дорог.
Дороги твои протоптало
Великое множество ног.

Безмолвную вел беседу
С холмами и ширью полей,
Шагая, Отчизна, по следу
Бездомных твоих сыновей.

Но песни лишь смолкли, нагорья
Измерят твои поля.
Испания! Глубже, чем море
Любая тропинка твоя.

«Испания»

Пусть я умру с открытыми глазами,
Вершины гор твои в себе тая.
Мне будет свежий ветер над горами
Дыханьем жизни, ветром бытия,
Испания моя! Испания моя!

Концерт пятый КАРНАВАЛ (Аргентинское танго)

Сторона А. Бразилия.

Это аргентинское танго в разных вариациях (оркестр Клайдермана). Им наполнено все тут. Жаркое лето в Бразилии. Рио-де-Жанейро в переводе – Река Января. Гигантской рекой – почти Амазонкой – течет народ по ночному главному городу Бразилии. Город весь в факелах, в ликовании, в масках, в смехе, в песнях и барабанах. Это народное празднество, которое люди ждут с нетерпением целый год. Это – карнавал!

Он лишь начинается, разгорается. Здесь-то и совершаются всякие чудеса: люди находят друг друга, прямо на улицах венчают своих героев.

На сей раз португалоязычная Бразилия принимает испаноязычных поэтов Перу, а на завтра перуанцы будут принимать у себя бразильцев. Упруги синкопы смеха, восторженные крики улицы. О эти ритмы аргентинского танца! О опьяняющая ламбада!

Смешались времена: то ли поэты в масках, то ли маски в поэтах. Море надежд, океаны грез.

Из толпы:

- Гостю первое слово, поэту Перу! Сесару Вальехо!

Сесар Вальехо. «Игральные кости».

Поэт начинает на испанском, а после я пою перевод.

Гитара. Крик: бразильцы, вперед! Турнир поэтов на звание «принца»

бразильских поэтов начинается.

Первому слово – Мануэлю Бандейро. Это он еще в 1919 году выпустил сборник, который так и называется «Карнавал».

Итак, Мануэль Бандейро. «Ню» - обнаженная.

Но сначала поэт читает стихи свои «В мыльном переулке». Переводы поются мною, положенные на музыку моей души. «Ню» – обнаженная.

Затем Гильерме де Алмейда. «Алая гармония».

Гитара, Армик. Романтическая гитара. «Ветка ивы».

Марио де Андраде. «Гитара» (поется).

И, пока поэты исповедуются друг другу и своим любителям поэзии в тихом уголке парка где-то у Океана, из глубины города несутся прекрасные звуки. Это гость страны, карнавала – испанский певец Хосе Каррерас. Поет три вещи («Звезда», «Принсесита», «Валенсия»).

Затем «Кумпарсита» (оркестр Клайдермана).

А турнир поэтов продолжается. Но почему победитель должен называться «принцем» поэтов? Ведь вся Америка без королей, все страны – республики.

Раун Бопп. «Черный человек» (стихи).

Жорже де Липа. «Башня из слоновой кости» (стихи).

Сесилия Мейерелес. Песенка.

Танго (Клайдермана)

Ледо Иво. «Баллада мужчины» (поется).

Из толпы: - Самбинью! Самбинью!

Снова появляется поэт Марио де Андраде.

- «Самбинья» (поется).

Так кто же будет «принцем» бразильских поэтов?

Андраде или Алмейда?

Танго! Кумпарситу!

Танцуем танго!

«Кумпарсита». Ритмы такие, что, кажется, качаются, сближаются континенты. Южная Америка – Африка, имеющие форму сердца, они то сходятся, то

расходятся через Атлантику.

Потомки конкистадоров – белых испанцев, черное дерево – коренные индейцы – и белое солнце Рио. Ветры с Атлантики, ритмы танго из Аргентины – они уносят жару, приносят ливни. Ливни, ливни! Они смывают с масок все.

А завтра поэты продолжат свой Карнавал в Перу.

Сторона В. Перу.

Танго (оркестр Клайдермана). Лима – столица. К вечеру аргентинские ветры с гор несут прохладу. Тогда люди и выходят на улицы. Карнавал. Многие в национальных одеждах, это индейцы разных племен спустились с гор, приплыли с Амазонки. Трещотки, песни, тамбурины.

Толпы стекаются к центру города. К площадям. Люди в масках. Не в масках только певцы, поэты. В гостях у Перу сегодня поэты Бразилии. Всюду лозунги «Все золото инков».

Золото Перу – это поэты. Здесь поэтов слушают все.

Мелодия (Романтическая гитара).

Голоса из толпы:

- Индейскую голубку! Призыв к перуанцу! Первое слово гостю – поэту Бразилии!

На сцене появляется Марио Флориан. «Индийская голубка» (поется).

Ледо Иво. «Дань Гарсио Лорке».

О поэты Земли!

Толпа замерла. Иво делает шаг вперед и становится плечом в плечо к поэту Бразилии.

Марио Флориан. «Призыв к перуанцу».

Толпа вопит, толпа неистовствует:

- Все золото инков! Вот они – вот!

Танго (оркестр Клайдермана).

Хосе Мария Эгурен. «Золото инков» (поется).

Мануэль Марено Сименес. «Найди меня взглядом» (поется).

Девочка в белом читает стихи испанского поэта.

Франсиско Вильяэспеса. «Сестра», «Андалузские мотивы» (поется).

Вышедший на сцену француз читает стихи Стефана Малларме. «Умирающий Лебедь» (поется).

Испанская гитара, Армик («Романтик»).

Шекспир. Сонет номер 130 (читаю).

Танго (Клайдермана).

Хуан Гонсалес Росе. «Мама» (стихи).

«Стакан» (поется).

«Письмо» (поется).

Так кого же выбрать, по вашему, вождем поэтов?

Вальехо... Флориан... Росе...

Романтическая гитара. Л.Золотарев. «На перроне». Пятая заповедь блаженств.

Танго (Клайдермана).

Уинстон Орильо. «С добрым утром» (стихи).

8.03.2002г. г.Орел.

Сесар Вальехо «Игральные кости»

Бросай, игрок, и с первого броска
Слепая власть бестрепетной десницы
Пусть обратит два траурных очка
В орбиты смерти топкие глазницы.

И эта ночь – конец твоей игры.
И не в нее ли, злую, как ненастье,
Летит земля сквозь сонные миры,
Игральной костью брошена на счастье.

Заиграна уже до круглоты,
Летит, чтобы в последнее мгновенье

Остановиться в недрах пустоты,
Внезапной пустоты исчезновенья.

И в этой тьме, где глаз я не сведу
С огня свечи, как смертник на помосте,
Зажги, Господь, последнюю звезду
И вновь метнем заигранные кости.

Мануэль Бандейра. «Ню» - обнаженная

Когда ты одета, нельзя догадаться,
Какие богатства ты прячешь под платьем
Так в свете дневном неприметны для глаза
Миров мириады в глубинах Вселенной.

И лишь обнажатся сокровища Неба,
Младая, как ночь, ты сияешь во мраке.
Блестит белизна отдаленных коленей,
И линии бедер сверкают, как лира.

Две маленьких груди,
Как яркие яблоки.
Дарит мне дева цветущего чрева.
Мерцают сквозь сумрак
Соски твои твердые,
Гладкие плечи и теплое тело.

Когда ты раздета,
Твой взгляд обнажается,
Делаясь долгим, глубоким и влажным.
И я в твоём взоре
Купаюсь, как в озере.

Ныряя и плавая в глазах твоих плавных.
На дно опускаюсь и сердца касаюсь.
Оно улыбается мне, обнажаясь.

Гильера де Алмейда. «Ветка ивы»

Была хрупка, стройна ты и дика.
В тот день, когда в моем призывном взгляде
Ты отразилась, ветка ивняка,
В склонившейся озерной светлой глади.

С тех пор луна моя пишилась сна.
Опутана мечтой, как паутиной.
А мнилось мне, она защемлена
Не устоявшей перед тобой плотиной.

По озеру несбывшейся любви
Вдаль поплывут легки, неторопливы,
Прощаясь, листья мертвые твои,
Моя прекраснейшая, ветка ивы.

Марио де Андраде. «Гитара»

Гитара моя ласковая, ласковая гитара,
Росла ты со мной, подрастала – в Аравии.
Гитара ты моя сладостная, сладостная гитара,
Со мной ты пела, играла
В Гранаде.

Гитара моя израненная, израненная гитара,
С ветром любовь улетела на Запад.
Гитара моя усталая, невзгоды, отчаянье, радость.
Боль и тоску испытал я в Сан-Пауло.

Сесилия Мейрелес. Песенка

Я внимала словам твоим нежным
И тебе пела песни мои.
А теперь на песке на прибрежном
Лишь обломки чернеют любви.

Эти песни, что я напевала,
И слова, что ты мне повторял,
Сколько раз солнце их освещало,
Лунный свет сколько раз озарял.

Все, что было и будет со мною,
Только морю узнать суждено.
Унесет мои песни волною,
А слова твои стерлись давно.

Я внимала словам твоим нежным
И тебе пела песни мои,
А теперь на песке на прибрежном
Лишь обломки чернеют любви.

Марио де Андраде. «Самбинья»

По пальмовой улице две модистки
Спешат, взявшись под руку, стучат каблучками.
До чего хороши!
Немея, глядят с вождельнем мужчины.
А модисточки чинно идут, ошеломление сея.
Платьица шелковые, сорочки батистовые.
Поравнявшись со мною, беспечно болтают.
- Ты пойдешь?
- Нет, не пойду.

Кажется, слушает их даже улица.
На отполированных рельсах замирают трамваи.
Даже солнце вечернее проглядывает на них
Сквозь воспаленные веки двух облаков.
Облака багровые, розовый вечер.
Я просто влюбился в обеих.
Гобоем сердце запело в груди:
«Такие ладные!
Такие модные!
Такие бразильские!»

Сторона В. ПЕРУ (Аргентинское танго)

Марко Флориан. «Индийская голубка»

Плачь источник, поивший ее водой,
Любовавшийся красотой ее перьев.
Умерла Урпиляй, умерла голубка!
Плачь, каменистый скат, накаленный солнцем.
Обжигавший ее карминные лапки.
Умерла Урпиляй, умерла голубка!
Плачьте налитые колосья пшеницы,
Вскормившие ее своими зернами.
Умерла Урпиляй, умерла голубка!
О, эти горькие слезы, влюбленные голуби,
Ворковавшие с ней всю весну напролет!
Умерла, Урпиляй, умерла голубка!
Плачь, бессмертник, глядящий из рощи,
Так горячо и нежно она любила.
Умерла Урпиляй, умерла голубка!

Марио Флориан. «Призыв к перуанцу»

Проснись же, перуанец,
Наследник дел великих.
Воспрянь, расправив плечи,
Бесстрашен и могуч.

Как предок твой – строитель
Империй в дебрях диких,
Первопроходец бездны,
Властитель горных круч.

Ступи на эту землю.
Уверенно и твердо,
Пускай, блистая бронзой,
Горит на гребне гор

Твой облик. Будь как кондор!
Над миром взмывши гордо,
Простерши крылья в небо,
Поднявши к солнцу взор.

Проснись же, перуанец,
Наследник дел великих!
Воспрянь, расправив плечи,
Бесстрашен и могуч!

Мануэль Марено Сименес. «Найди меня взглядом»

Найди меня взглядом,
Пробуди свой голос,
Веди меня в самую глубину твоей мглы,
Где я воспламеню твое сердце.

Сейчас, когда весело пляшут огни,
Так звонко поблескивает роса,
Раскинь свои руки, соедини их с моими,
И мы вместе развеем хмурые тучи,
Обнимем радость зари.

Хуан Гонсалес Росе. «Стакан»

Я знаю, мама, ты не виновата,
Но он упал, чтоб мелко разлететься.
Как он умел, тот мой стакан щербатый,
Вместить всю воду, выпитую в детстве.

Уж так случилось бедствие из бедствий,
По воле рук, таких родных и милых.
И вся вода расколотого детства,
Осиротев, мне душу затопила.

Конечно, это вышло ненароком,
Но в этот миг я вздрогнул на чужбине.
Я умоляю, как зеницу ока,
Поберегите детские святыни.

Я замок с детства возводил со смехом.
За смех платил слезами, так ли странно,
Что здесь вчера меня настигло эхо
Далекого падения стакана.

И, осененный вдруг догадкой вещей,
Я понял, это он, судьбой изломан.
И я молю вас, берегите вещи
Того, кто нынче далеко от дома.

Уинстон Орильо. «С добрым утром» (стихи)

Утро!! Да будут добры
Тебя населявшие люди.
Утро! Да будет добрым
Теплый утренний ветер.
Утро! Да будет доброй
Твоя гулкая улица.
Да будут добрыми
Твой хлеб и молоко мечты.
Ко всем проснувшимся людям
Да будет доброй сама жизнь -
Сегодня, завтра, всегда.
И каждое утро пусть будит
Жарким своим поцелуем.

**Концерт шестой
«ПТИЦА, ЛЕЖАЩАЯ НА ТРАВЕ»**

(Тихо поет Америка)

Оркестр Рея Кониффа. «Колыбельная листьев».

«Зеленые поля» (оркестр Р.Кониффа).

Эмили Дикинсон. «Не напрасно жила».

Фрэнк Синатра (с дочерью). «Жизнь в розовом свете».

Далида. «Мелодия».

Эдгар По. «Эльдорадо» (на фантазии из оп-ты «Розмари»).

Генри Лонгфелло. «Северный ветер – Кабибонока» (из «Песни о Гайавате»).

Эдгар По. «Анабель Ли».

Уолт Уитмен. «Песни Америки» (стихи из «Листьев травы»).

Бен Гудмен (оркестр).

Оркестр Гленна Миллера.

Джон Гритлиф Уитлер. «Барбара Фритчи».

Генри Лонгфелло. «Южный ветер – Шавондази» (стихи).
Луи Армстронг. «Жизнь в розовом свете» (Далида).
Соловьи (А.Фатьянова).
Оркестр Гленна Миллера.
Озеро Эмили – Эльдorado.
Оркестр Гленна Миллера.
Эмили Дикинсон. «Малиновка моя» (стихи).
Л.Золотарев. «Спасское-Лутовиново» (стихи).
«Дрозды». «Очарована, околдована».
Генри Лонгфелло (из «Песни о Гайавате».)
«Западный ветер – Мэджеквис» (стихи).
Эдвин Арлингтон Робинсон. «Вечеринка мистера Флада».
Луи Армстронг. «Хелло, Долли».
«Кабаре».
Фрэнк Сенатра. «Одиночество в ночи»,
«Мой путь».
Оркестр Гленна Миллера.
К.Сендберг. «Три слова» (стихи).
Джо Уоллес. «Мать героев».
Джон Уитлер. «Мой капитан».
Эдгар По (пер. Брюсова). «Звон».
Генри Лонгфелло (из «Песни о Гайавате».)
«Восточный ветер – Вебон».
Эдгар По. «Эльдorado».
Розмари Уилкинсон. Стихи.
Эмили Дикинсон. «Не напрасно жила».

Эмили Дикинсон. «Не напрасно жила...»

Если сердцу хоть одному
Не позволю разбиться.

Я не напрасно жила,
Не напрасно жила.

Если ношу на плечи возьму,
Чтобы кто-нибудь мог распрявиться,
Боль хоть одну уйму,
Птице верну частицу тепла,
Я не напрасно жила
Не напрасно жила.
Не напрасно жила.

Эдгар По. «Эльдорадо» (перевод К.Бальмонта)

Между гор и долин
Едет рыцарь один.
Никого ему в мире не надо.
Он все едет вперед,
Он все песню поет,
Он замыслил найти Эльдорадо.

Но в скитаньях один
Дожил он до седин,
И погасла былая отрада.
Ездил рыцарь везде,
Но не встретил нигде,
Не нашел он нигде Эльдорадо.

И ,когда он устал,
Пред скитальцем предстал
Странный призрак
И шепчет: «Что надо?»
Тотчас рыцарь ему:

«Расскажи – не пойму,
Укажи, где страна Эльдорадо?»

И ответила тень,
Где рождается день
Лунных гор чуть горела громада.
Через ад, через рай
Все вперед поезжай,
Если хочешь найти Эльдорадо.

**Генри Лонгфелло (из «Песни о Гайавате», перевод
И.Буннина) «Северный ветер – Кабибонока (стихи)».**

В ледяных горах, в пустыне
В царстве кролика Вабассо,
В царстве снежных бурь, в пустыне
Обитал Кабибонока.

Вышел раз Кабибонока
Из своих чертогов снежных,
Меж горами ледяными,
Устремился с воем к югу
По замерзшим белым тундрам.
И, осыпанные снегом,
Волоса его рекою,
Черной, зимнею рекою
По земле за ним струились.

Эдгар По. «Анабель Ли»

Это было давно
В королевстве Приморской земли
Та, что звалась всегда,

Называлась Анабель Ли.
Я любил, был любим,
Мы любили вдвоем.
Только этим мы жить и могли.
И, любовью дыша,
Были оба детьми
В королевстве Приморской земли.
Но любили мы больше,
Чем люди земли,
Я и нежная Анабель Ли.
И, взирая на нас,
Серафимы Небес.
Той любви нам простить не могли.
Оттого и случилось
Когда-то давно
В Королевстве Приморской земли.
С неба ветер повеял
Холодный из туч.
Он повеял на Анабель Ли.
И родные толпой
Многозатной сошлись
И ее от меня унесли,
Чтобы навек ее
Положить в саркофаг
В королевстве Приморской земли.
Половины такого блаженства узнать
Серафимы в раю не могли.
Оттого и случилось,
Как ведомо всем,
В королевстве Приморской земли.
Ветер ночью повеял

Холодный из туч
И убил мою Анабель Ли.
Но, любя, мы любили
Сильней и полней
Тех, что старость и бремя несли.
Тех, что мудростью нас
Превзошли, превзошли.
И ни ангел неба и не демоны тьмы
Разлучить никогда не могли.
Не могли разлучить
Мою душу с душой
Обольстительной Анабель Ли.
И всегда луч Луны
И пленительной Анабель Ли.
И зажжется ль звезда,
Вижу очи всегда
Обольстительной Анабель Ли.
И в мерцанье ночей
Я все с ней, я все с ней
С незабвенной невестой,
С любовью моей.
Рядом с ней распростерт
Я вдали
В саркофаге Приморской земли.

Уолт Уитмен. «Песни Америки»

(Стихи из «Листьев травы»)

Слышу, поет Америка.

Разные песни я слышу.

Поют все, каждый свою песню.

Плотник свою, измеряя брусками балки.

Каменщик свою, готовя утром рабочее место
Или покидая его к вечеру.
Лодочник свою, звучащую с его лодки,
Матросы свою с палубы кораблей.
Сапожник поет, сидя на табурете,
Шляпник перед шляпной болванкой.
Поет лесоруб, поет пахарь,
Направляя свет на поля.
Я чудесная песня матери
Или молодой жены,
Или девушки.
Каждый поет свое,
Днем дневные песни,
Вечером голоса молодых,
Распевающие свои звонкие песни.

Джон Гритлиф Уитлер. «Барбара Фритчи»

Утром сентябрьским над жнивом полей
Фридрих с гор блестел светлей.
Шпилями крыш и зеленый вал
Холмов Мерленда его окружал.
Фармеров вознаграждали сады
Золотом яблок за все их труды.
Но привлекали, как рай, их сады
Взгляды голодной, мятежной орды.
Полднем осенним через город прошли
Отряды южан с генералом Ли.
Пешие, конные шли войска
По улицам тихого городка.
Немало флагов утром взвилось,
Серебряных звезд и красных полос.

Но в полдень в тот город ворвался враг,
Спущен был всюду звездный флаг.
Варвара Фритчи врагам в ответ –
Старуха почти девяноста лет –
Отважилась дряхлой рукой опять
Мужчинами спущенный флаг поднять.
И взвился флаг с чердака из окна,
Ему до конца она будет верна.
Отряд свой по улице мимо вел
Верхом на мустанге Джексон Стонвол.
Надвинув шляпу, смотрел он вокруг
И флаг северян он увидел вдруг.
«Стой!» И встал смуглолицый отряд.
«Огонь!» И грянул ружейный раскат.
Звякнуло в раме оконной стекло,
Флаг изрешеченный с древка снесло.
Но грохот ружейный еще не смолк,
Когда подхватила Барбара шелк.
На улицу, высунувшись из окна,
Простреленным флагом, взмахнула она.
«Стреляйте в седины моей головы,
Но флага Отчизны не трогайте вы!»
Тень раскаянья, краска стыда
По лицу командира скользнула тогда.
На мгновенье задумался он, молчалив,
И победил благородный порыв.
«Кто тронет ее, как собака умрет!» –
Он крикнул, промчавшись галопом вперед.
И целый день проходили войска
По улицам тихого городка.
Но флаг развевавшийся взять на прицел

Никто из мятежников больше не смел.
Не рвал его шелка внезапный шквал,
Но ласковый ветер его развевал.
И солнце меж холмами из туч
Ему посылаю прощальный луч.
Барбары Фритчи на свете нет,
И прахом развеян мятежников след,
Честь ей и слава! О ней мы поем.
Стонвола помянем не лихом – добром
Над прахом Барбары Фритчи родным
Союзное знамя с почетом склоним.
Принес и порядок, и мир, и закон
Тот флаг, что был ею к окну прикреплен.
Пусть звезды неба смотрят сквозь мрак,
Как веет над городом звездный флаг.

Эмили Дикинсон. «Малиновка моя»

Малиновка моя. Набор ее вестей
Прерывист, краток, тороплив,
Лишь март прогонит снег.
Малиновка моя. Трель ангельских щедрот
Затопит полдень с головой,
Едва апрель придет.
Малиновки моей молчание пойми.
Нет лучшего гнезда, чем святости семьи.

Эдвин Арлингтон Робинсон.

«Вечеринка мистера Флада»

Однажды ночью старый Ибен Флад
На полдороге между городком
И той забытой будкой на горе,

В которой был его последний дом,
Остановился, ибо не спешил,
И сам себе ответил на вопрос,
Что любопытных нет ни впереди, ни сзади,
Церемонно произнес:
«Ах, мистер Флад! Опять на убыль год
Идет среди желтеющих дубрав.
Пернатые в пути, - сказал поэт. —
Так выпьем за пернатых», - и подняв
Наполненную в лавочке бутыль,
Он сам себе под круглою луной
С поклоном отвечал: «Ах, мистер Флад!
Ну разве за пернатых по одной».
В бесстрашных латах раненных надежд,
Среди дороги, горд и одинок,
Он возвышался, как Роландов дух,
Вотще трубящий в молчаливый рог.
А снизу из темнеющих домов
Приветный, еле различимый хор
Былых друзей, ушедших навсегда,
Касался слуха и туманил взор.
Как мать свое уснувшее дитя,
С великим тщаньем, чтоб не разбудить,
Он опустил бутыль, держа в уме,
Что в жизни многое легко разбить.
Но, убедившись, что бутыль стоит
Потверже, чем иные на ногах,
Он отошел на несколько шагов,
И гостя встретил, словно был в дверях:
«Ах, мистер Флад! Пожалуйста ко мне.
Прошу, давненько я не видел вас.

Который год уж минул с той поры,
Когда мы выпили в последний раз».
Он указал рукою на бутылъ
И дружески привел себя назад.
И соглашаясь, сипло прошептал:
«Ну как не выпить с вами, мистер Флад.
Благодарю. Ни капли больше, сэр.
Итак, мы выпьем за старые года». —
Ни капли больше пить ему... его...
Уговорить не стоило труда,
Поскольку, обнаружив над собой
Две полные луны, он вдруг запел.
И весь ночной серебряный пейзаж
Ему в ответ созвучно зазвенел:
«За старые года». Но, захрипев,
Он оборвал торжественный зачин.
И, сокрушенно осмотрев бутылъ,
Вздыхнул и оказался вновь один.
Не много проку двигаться вперед,
И повернуть назад уже нельзя.
Чужие люди жили в тех домах,
Где отжили старинные друзья.

К.Сендберг. «Три слова» (стихи)

В детстве я слышал три слова.
Тысячи французов умирали на улицах:
«Свобода! Равенство! Братство!»

Я подрос, и почтенные люди
Все говорили три слова:
«Мать. Семья. Небо».

Годы отстукивали свое,
И суровые люди говорили:
«Хлеб. Мир. Земля».

А недавно я видел моряка,
Портовая девчонка сидела у него на коленях, и он говорил:
«Нужно сказать три слова,

Только и всего.
Ветчина, яичница и что еще?
И немножко любви».

Джо Уоллес. «Мать героев»
- Что плачешь ты, мать героев,
Не знавших, что значит страх?
- Душа моя славит героев,
А плачет по сыновьям.

Розмари Уилкинсон. Стихи
Когда пробился розовый рассвет
И по лощинам стелются туманы,
Душа томится, ощущения странны.
Ты ждешь чего-то, а его все нет.

Вот-вот пробудится, вот-вот оно придет.
Кору ты гладишь старенького древа.
Быть может, почка эта прорастет,
И род людской вновь осчастливит дева.

Концерт седьмой
СМЕЮЩАЯСЯ АНГЛИЯ
(Прометей, раскованный песней)

Оркестр Рея Кониффа, поэт Леонард Золотарев

«Вчера» (Джон Леннон – Макартни).

«Шотландская застольная».

Роберт Браунинг. «В Англии весной».

«Вересковый мед» (баллада) Роберта Стивенсона.

Оркестр Кониффа. «Ты мне нравишься».

Редьярд Киплинг. «На далекой Амазонке».

Эдвард Лир. «Джамблей», «О самом себе».

Оркестр Кониффа. «У ковбоя дел по горло».

Льюис Керрол. «Баллада о старом Вильяме».

Вильям Блейк. «Смеющаяся песня».

«Мой кошелек», «Что оратору нужно».

Игорь Крутой. «Пальма де Майорка».

Л.Золотарев. «Капитан Немо»,

«Попугай Робинзона»,

«Аборригены съели Кука».

Оркестр Кониффа. «Голубая луна»,

«Бездомный кот».

Редьярд Киплинг. «Кошка поет», «Горб Верблюжий».

Вильям Блейк. «Смеющееся эхо».

Оркестр. «Доброй ночи».

Л.Золотарев. «Акуля перчатка».

Константин Бальмонт. «На Макарийских островах»,

«Ананасы в шампанском».

Игорь Северянин. Оркестр. «Одиночество».

А.А.Мильн. «Непослушная мама».

Вильям Блейк. «Заблудившийся мальчик».

Джон Мильтон. «О слепоте».

Джон Дон. «Живая душа».

Оркестр. «Лунная река».

Поэт Леонард Золотарев.

Перси Биши Шелли. «Зима», «Ты слышишь?»

«Прометей освобожденный – раскованный».

Джон Китс. «Дикарка – слава», «Девонширская девушка».

Леонард Золотарев. «Лох-несс» (стихи).

Оркестр. «Вчера».

Роберт Браунинг. «В Англии весной»

Быть сегодня в Англии –

В этот день апреля.

Хорошо проснуться в Англии

И увидеть, встав с постели,

Влажные ветви на вязах и кленах

В маленьких клейких листочках зеленых.

Слышать, как зяблик щебечет в саду –

В Англии в этом году.

А после апреля, в начале мая,

Ласточки носятся, не уставая.

И там, где цветет над оградой груша,

Цветом своим и росой осыпая,

Поле, поросшее клевером. Слушай,

Песню дрозда. Повторяет он дважды

Песню свою, чтобы чувствовал каждый,

Что повторить он способен в мгновенье

Первого, вольного вдохновенья.

И пусть еще хмурится поле седое.
В поле день проснется от света и зноя,
Лютики – вешнего солнца подарки,
Что перед ними юг этот яркий!

Роберт Льюис Стивенсон. «Вересковый мед»

Из вереска напиток
Забыт давным-давно.
А он был слаще меда,
Пьянее, чем вино.

В котлах его варили
И пили всей семьей
Малютки – медовары
В пещерах под землей.

Пришел король шотландский,
Безжалостный к врагам,
Погнал он бедных пиктов
К скалистым берегам.

На вересковом поле,
На поле боевом
Лежал живой на мертвом
И мертвый на живом.

* * *

Лето в стране настало.
Вереск опять цветет,
Но некому готовить
Вересковый мед.

В своих могилах тесных,
В горах родной земли
Малютки – медовары
Приют себе нашли.
Король по склону едет
Над морем на коне,
А рядом реют чайки
С дорогой наравне.
Король глядит угрюмо:
«Опять в краю моем
Цветет медвяный вереск,
А меда мы не пьем».
Но вот его вассалы
Приметили двоих –
Последних медоваров,
Оставшихся в живых.
Вышли они из-под камня,
Щурясь на белый свет, –
Старый горбатый карлик
И мальчик пятнадцати лет.
К берегу моря крутому
Их привели на допрос,
Но ни один из пленных
Слова не произнес.
Сидел король шотландский,
Не шевелясь в седле.
А маленькие люди
Стояли на земле.
Гневно король промолвил:
«Пытка вас ждет,
Если не скажете, черти,

Как вы готовили мед».
Сын и отец молчали,
Стоя у края скалы.
Вереск звенел над ними,
В море катились валы.
И вдруг голосок раздался:
«Слушай, шотландский король!
Поговорить с тобою
С глазу на глаз позволь.
Старость боится смерти,
Жизнь я изменой куплю.
Выдам заветную тайну», –
Карлик сказал королю.
Голос его воробьиный
Резко и четко звучал –
Тайну давно бы я выдал,
Если бы сын не мешал.
Мальчику жизни не жалко,
Гибель ему нипочем.
Мне продавать свою совесть
Совестно будет при нем.
Пускай его крепко свяжут
И бросят в пучину вод,
А я научу шотландцев
Готовить старинный мед».
Сильный шотландский воин
Мальчика крепко связал
И бросил в открытое море
С прибрежных отвесных скал.
Волны над ним сомкнулись,
Замер последний крик.

И эхом ему ответил
С обрыва отец – старик:
«Правду сказал я, шотландцы.
От сына я ждал беды.
Не верил я в стойкость юных,
Не бреющих бороды.
А мне костер не страшен.
Пускай же со мной умрет
Моя святая тайна,
Мой вересковый мед».

Рядъярд Киплинг. «На далекой Амазонке»

На далекой Амазонке
Не бывал я никогда.
Только «Дон» и «Магдалина» –
Быстроходные суда,

Только «Дон» и «Магдалина
Ходят по морю туда.

Из Ливерпульской гавани
Сюда по четвергам
Суда уходят в плаванье
К далеким берегам.

Плывут они в Бразилию,
В Бразилию, в Бразилию.
И я хочу в Бразилию,
К далеким берегам.

Никогда вы не найдете
В наших северных лесах
Длинноватых ягуаров,
Броненосных черепах.

Но в солнечной Бразилии,
Бразилии моей
Такое изобилие
Невиданных зверей.

Увижу ли Бразилию,
Бразилию, Бразилию?
Увижу ли Бразилию
До старости моей?

Эдвард Лир. «Джамблей»

В решете они в море ушли, в решете.
В решет по седым волнам.
С берегов им кричали:
«Вернитесь, друзья!»
Но вперед они мчались
В чужие края
В решете по крутым волнам.

Колесом вертелось в воде решето.
Им кричали: «Побойтесь греха,
Возвратитесь, вернитесь назад, а не то
Суждено вам пропасть
Ни за что ни про что».
Отвечали пловцы: «Чепуха!»

Где-то, где-то вдали
От знакомой земли
На неведомом горном хребте
Синерукие джамбли
Над морем живут,
С головами зелеными
Джамбли живут.
И неслись они вдаль в решете.

Так неслись они вдаль
В решете, в решете,
В решете, словно в гоночной шлюпке.
И на мачте у них
Трепетал, как живой,
Легкий парус зеленый –
Платок носовой
На курительной пенковой трубке.

И матросы, что с ними
Встречались в пути,
Говорили: «Ко дну они могут пойти».
Ведь немислимо плыть
В темноте в решете,
В этой круглой дырявой скорлупке».

А вдали, а вдали
От знакомой земли,
Не скажу, на какой широте,
Острова зеленели,
Где джамбли живут,
Синерукие джамбли

Над морем живут,
И неслись они вдаль в решете.

Но проникла вода
В решето, в решето.
И, когда обнаружилась течь,
Обернули кругом -
От колен до ступни –
Промокашкою розовой ноги они,
Чтоб от гриппа себя уберечь.

И забрались в огромный
Кувшин от вина.
А вино было выпито
Раньше до дна,
И решили немного прилечь.

Далеко-далеко
И доплыть нелегко
До земли, где на горном хребте
Синерукие джамбли
Над морем живут,
С головами зелеными
Джамбли живут.
И неслись они вдаль в решете.

По волнам они плыли
И ночи, и дни.
И, едва лишь темнел небосклон,
Пели тихую, лунную песню они,
Слыша гонга далекого звон.

Как приятно нам плыть.
В тишине при луне
К неизвестной, прекрасной, далекой стране.
Тихо бьется вода
О борта решета,
И такая кругом красота.

Далеко-далеко
И доплыть нелегко
До страны, где на горном хребте
Сиперуки джамбли
Над морем живут,
С головами зелеными
Джамбли живут.
И неслись они вдаль в решете.

И приплыли они
В решете, в решете
В край неведомых гор и лесов
И купили на рынке
Гороха мешок и ореховый торт,
И зеленых сорок,
И живых дрессированных сов.

И живую свинью,
И капусты кочан,
И живых шоколадных морских обезьян,
И четырнадцать бочек
Вина ринг-бори,
И различного сыра

Рокфора и бри,
И двенадцать котов без усов.

А морями вдали
От знакомой земли
Есть земля, где на горном хребте
Синерукие джамбли
Над морем живут,
С головами зелеными
Джамбли живут.
И неслись они вдаль в решете.

И вернулись они
В решете, в решете
Через двадцать без малого лет.
И сказали друзья:
«Как они подросли,
Побывав на краю
Отдаленной земли,
Повидав по дороге весь свет».

И во славу пловцов,
Что объехали мир,
Их друзья и родные
Устроили пир.
И клялись на пиру:
«Если мы доживем,
Все мы тоже туда
В решете поплывем».

За морями вдали
От знакомой земли,
На неведомом горном хребте
Синерукие джамбли
Над морем живут,
С головами зелеными
Джамбли живут.
И неслись они вдаль в решете.

Эдвар Лир. «О самом себе»
Мы в восторге от мистера Лира.
Исписал он стихами тома.
Для одних он ворчун и придира,
А другим он приятен весьма.

Десять пальцев, два глаза, два уха
Подарила природа ему.
Не лишен он известного слуха,
И в гостях не поет потому.

Книг у Лира на полках немало,
Он привез их из множества стран.
Пьет вино он с наклейкой «Марсала»,
И совсем не бывает он пьян.

Есть у Лира знакомые разные,
Кот его называется Фрос.
Тело автора шарообразное,
И совсем нет под шляпой волос.

Если ходит он, тростью стуча,
В белоснежном плаще за границей,
Все мальчишки кричат: «Англича -
Нин в халате сбежал из больницы».

Он рыдает, бродя в одиночку,
По горам, среди каменных глыб.
Покупает в аптечке примочку,
А в ларьке – марципановых рыб.

По-испански не пишет он, дети.
И не любит он пить рыбий жир.
Как приятно нам знать, что на свете
Есть такой человек – мистер Лир.

Льюис Керрол. «Баллада о старом Вильяме»

Папа Вильям сказал: «Любопытный малыш,
Голова твоя белого цвета.
Между тем, ты всегда вверх ногами стоишь
Как ты думаешь, правильно это?»

- «В ранней юности, - старец промолвил в ответ, -
Я боялся раскинуть мозгами.
Но, узнав, что мозгов в голове моей нет,
Я спокойно стою вверх ногами».

Вильям Блейк. «Смеющаяся песня»

В час, когда листва шелестит, смеясь,
И смеется ключ, меж камней змеясь.
И смеемся, даль взбудоражив мы,
И со смехом шлют нам ответ холмы.

И смеется рожь и хмельной ячмень.
И кузнечик рад хохотать весь день.
И вдали звенит, словно гомон птиц,
Звонкий смех девиц.

А в тени ветвей стол накрыт для всех
И, смеясь, трещит меж зубов орех.
В этот час приди, не боясь греха,
Насмеяться всласть, ха-ха-ха, ха-ха-ха.

Леонард Золотарев (мои авторские песни)

«Капитан Немо»

И однажды капитан
Вдруг полез к себе в карман,
А в кармане – темнота и тишина.
И зачем полез в карман
Этот самый капитан?
Напортачили чего-то штурмана.

Капитан, капитан, улыбнитесь,
Это лучше людям всякого вина.
Капитан, капитан, вы же витязь,
Наутилус, Солнце, Море и Луна.

Капитан, капитан, улыбнитесь.
Это лучше людям всякого вина.
Капитан, капитан, подкрепитесь:
Пей до дна за тех, кто в море, пей до дна!

«Попугай Робинзона»

На острове диком вдвоем с Робинзоном
Средь банго и пальм мы живем.
На правом сажу я плече Робинзона,
На месте привычном своем.

Когда все нормально, сажу я на правом.
За нашим привычным столом.
Но только качнется, но только коснется
Про Англию он, про диплом,

Я тут же на левое перелетаю,
На левое сяду плечо.
Вот так тут права я свои и качаю,
Когда мне не нравится че.

- «Пиастры, пиастры! – кричу я. – Пиастры!»
- «Зачем нам пиастры?» – он мне.
А сам научился, как Фидель Кастро,
За так не сидеть на огне.

Когда все нормально, сажу я на правом,
За нашим привычным столом.
Обидно вот только и мне за державу,
По пятницам не подаем!

Аборигены съели Кука (Школьный урок)

С детства слышу: «Мука – мука,
Сахар – бяка, мясо – яд».

Ну а люди съели Кука,
Хоть и хлеба не едят.

Ну и дело, вот так штука!
Повторите, нука - нука.
Это людям всем наука:
Аборигены съели Кука.

С детства слышу: «Вегетарьянцы –
Называются все те,
Что навроде итальянцы,
Жарят мясо на плите».

Нука – нука, вот так штука!
Повторите, нука – нука.
Это людям всем наука:
Аборигены съели Кука.

Акулья перчатка

По южным морям океана,
Откуда светило встает,
Разносятся звуки баяна,
Наш парень там в рабстве живет.

Джек Лондон все это поведал,
Я сам у него прочитал.
На острове маленьком кредо:
Качать океанский причал.

Патрон там, как барин, на стуле.
И парню чуть что, как жюри,

Вдоль шкуры перчаткой акульей, -
И смейся, о черт побери!

Но вот лихорадка со стула
Патрона взяла моего.
И черный уж этот акула,
Перчаткою белой его.

В Москве по Останкино пуля,
Какой-нибудь насморк в Твери,
А парень перчаткой акульей. -
И смейся, о черт побери!

Кораллы хрустят, аж картина,
Баян же играет, браво!
У нас тут одна Акулина
За сына считает его.

По южным морям океана,
Откуда светило встает,
Разносятся звуки баяна,
Наш парень там в рабстве живет,

Константин Бальмонт.

«На Макарийских островах»
На Макарийских островах,
Куда не смотрят наши страны,
Куда не входит смерть и страх
И не доходят великаны.
На Макарийских этих островах,
На Макарийских островах

Живут без горя человеки.
Там в изумрудных берегах
Текут, текут, текут,
Текут, текут пурпуровые реки.

Там пальмы ценные цветут,
Там все в цветенье вечно юно,
Там птицы райские живут,
Волшебный филин с гамаюном.
На Макарийских этих островах,
Куда не смотрят наши страны,
Куда не входит смерить и страх
И не доходят великаны,
На Макарийских этих островах,

И, если только мы во сне,
Ты, убаюкан, засыпая,
Как эта птица гамаюн,
Поет, безвестно голубая,
На Макарийских этих островах,
На Макарийских островах
Живут без горя человеки,
Там в изумрудных берегах
Текут пурпуровые реки.

Игорь Северянин.

«Ананасы в шампанском»

Ананасы в шампанском,
Ананасы в шампанском, -
Удивительно вкусно, искристо, остро.
Весь я в чем-то норвежском,

Она величественнее, чем твоя,
О, самодержец на бесславном троне
Могучий, но не всемогущий бог!
Затем, что я твоей постыдной власти
Не признаю и все еще распят
На недоступном для орлов утесе.

Гермес. И ты, и я – мы можем избежать
Ненужных мук,
Скажи мне лишь одно:
Ты знаешь срок владычества Зевеса?
Прометей. Я знаю только то,
Что он наступит.

Джон Китс. «Дикарка – слава»
Дикарка – слава избегает тех,
Кто следует за ней толпой послушной.
Имеет мальчик у нее успех
Или повеса, к славе равнодушный.

Гордячка к тем влюбленным холодней,
Кто без нее счастливым быть не хочет.
Ей кажется, кто говорит о ней
Иль ждет ее, тот честь ее порочит.

Она – цыганка, нильская волна
Ее лица видала отраженье.
Поэт влюбленный, заплати сполна
Презреньем за ее пренебреженье.

Ты с ней простишься учтиво, и рабой,
Быть может, она станет за тобой.

Джон Китс. «Девонширская девушка»

Девушка с фермы, куда ты идешь
И что ты несешь в корзинке?
Ты – сельская фея, ты сливок свежее,
Не дашь ли хлебнуть мне из кринки?

Люблю я, мой друг, зеленый твой луг
И склоны с блуждающим стадом.
Но быть бы вдвоем нам в местечке укромном,
Два бьющихся сердца рядом.

Завешу я шалью твоей деревцо
И, лежа в лесу на опушке,
Мы будем смотреть маргаритке в лицо
С душистой зеленой подушки.

(Переводы С.Маршака)

Леонард Золотарев. «Лох – несс»

Мелькнет и исчезнет удача твоя,
Как спинка Лох-несс, как морская змея.
Мелькнет и исчезнет на озере том,
А тайна останется. Дело не в том,

А дело, а дело совсем ведь не том,
Что кто-то кого-то ударил кнутом.
Не в том, что на место какое-то сел,
А в том, что Лох – несс от души пожалел.

Весь я в чем-то гишпанском, -
Вдохновляюсь порывно и берусь за перо.
Строки аэроплана, беги автомобилей,
Ветропосвисты стрессов, крылолет буеров.
Кто-то здесь зацелован, там кого-то побили.
Ананасы в шампанском – это пульс вечеров.

В группе девушек нервных,
В остром обществе дамском
Я трагедию жизни
Претворю в этот фарс.
Ананасы в шампанском,
Ананасы в шампанском –
Из Москвы в Ногасаки,
Из Нью-Йорка на Марс
Ананасы в шампанском...
Ананасы в шампанском....

Перси Биши Шелли.

«Прометей освобожденный – раскованный»

О царь богов и демонов, и духов!
Над всеми вставший, кроме одного,
Взгляни и ты бессонными глазами
На эту землю, где твои рабы,
Полны неверия в себя и страха,
И жалких грез, дарованных тобой,
За их труды, мольбы и преклоненья.

Моя держава – три тысячелетия
Мгновенной боли, долгих, словно годы,
Отчаянья, бессонницы и тьмы.

Подводная лодка или батискаф.
Пусть белые пятна останутся, граф.
Пусть чуда морские в озерах живут,
Пусть тайны мирские зовут и зовут.

Концерт восьмой
ГРЕЗЫ КАБИРИИ

(Музыкально-лирическая новелла)

Сторона А.

Три времени сразу вместе. И прошлое как сон о России. Милые, милые сны.

И снится мне, как будто это я написал «Гимн России». Сначала музыку и слова, затем просто слова. И даже слова эти возникают так явственно, четко.

Пою под музыку Александрова:

- Россия великая, Русь изначальная,
Ширь евразийское, вещей полет.
Тебе, моя Родина, песнь величальная.
Тебя мое сердце поет и поет.
Свято храни себя, Родина славная.
Всех собирай под двухглавым орлом.
Мудрость народная, сила державная,
Стой навека, наш отеческий дом!

И повез я в Москву – этот гимн. Но, конечно, попал только к другу – одному ученому мужу, который послушал меня и, прищурясь мудро, сказал:

- А Одиссей?

- «Что Одиссей, что?» – думал я, возвращаясь в Орел.

- А то... А то...

Музыка. «Грустная песня» Чайковского.

И уже тут, в Орле, попал я в эти свои Одиссеи - к самым верхам античного мира – 27 веков назад. Но чем глубже смотришь в прошлое, тем дальше видится будущее. И как то сам собой совершился новый перевод Одиссеи с не-

сколько устаревшего перевода Жуковского, и, по пророчеству слепого провидца Тиресия, само собой свершилось и продолжение «Одиссеи» – третья героическая поэма гомеровская – «Белая Скифия». Это о наших пращурах скифо-праславянских, о наших скифо-праславянских, сколотских хлебородных местах, которые, торгуя хлебом, отправляя в Элладу через греческие города – полюсы на Понте Эвксинском – Черном море, вскормили немало греческих мудрецов, таких, как Аристотель, Эврипид, Платон с его Академией...

И само собой перед этой «Белой Скифией» создался научный ключ, зазвучал музыкальный ключ к ней. И вот как они оба однажды соединились и запели моим голосом в моей душе. Вот он – ход ученых, греков мудрых в белых одеждах, а с ними и наша скифянка на ярмарке тщеславия. И это я пою под оркестр на свои слова, свои фантазии в музыке.

В роще Платона

Из античной юности звенящей
До седых теперешних веков
Тихой рощей, мысль плодоносящей,
Все ведет Платон учеников.

Все идут они, те корифеи,
Мимо соблазнительных олив.
Но одно местечко тут для феи –
Женщине любимой – припасли.

Вот как! И уж рощею Платона,
Тихой Академией его,
К Истине та скифская мадонна

Вывела слепца не одного.
Внутреннее зрение дала
Корифейка, светоч, дочь Орла.

А вскоре вечером в одной из телепередач слышу я голос – кого бы вы думали? – Андрея Кончаловского. Вроде не о том и в то же время о том. О фильме – ретро Феллини «Ночи Кабирии». О знаменитом ходе в ночи героини фильма Кабирии. Вот он, этот голос Андрона. Голос из передачи.

Смысл: Андрон плакал, когда смотрел финал этого фильма. Но почему? Пробовал на монтажном столике расщеплять все по кадрам, не получилось.

И я тоже плакал, когда смотрел финал того фильма «Ночи Кабирии». Знаменитый ход Кабирии в ночи, который вызвал целую волну в سینема. Ну, скажем, «17 мгновений весны» – ход по длинной тюрьме (кажется, в «Матросской тишине» снималось). Ход вальжный этакий (Табакова – Шеленберга раскованно-лисий и подтянуто-волчий Броневого-Мюллера).

Плакал я и сейчас, когда в своей «Белой Скифии» писал ход другой – Кабирии, кабирки еще гомеровских времен, ход Гефесты – невесты Телемаха к нему, Телемаху – сыну Одиссея. И почему я плакал? Тоже не знаю. Тоже слезы сами лились, когда Кабирия шла в ночи, улыбаясь в слезах. Однако главное в изображении, по-моему, не кто, не что, а какое оно, каково оно есть? Песня Молодого Грека (из «Белой Скифии»). Так почему слезы льются? И не от жалости, что банально. В том-то и дело, что Кабирия была не просто гулящая, вроде бы проститутка просто, которую обобрали и бросили. Нет, она из мира отверженных. Гомер улавливал это. А мы тем более понимаем. Не классами разделены люди, даже не нациями, не религиями даже, что показал нам 20-й век. Раздел гораздо глубже. Есть люди с белой энергией (дневные, солнечные), и люди с темной, черной, загадочной энергией (из ночи, тьмы, лунные люди, сомнамбулические). Природной так сотворено. Казалось бы, навсегда, канонически. И движения Кабирии по направлению к любви, этот знаменитый ход Кабирии – к преодолению, стиранию граней ... онтологического, рокового...

И этот ход Молодого Грека со своей знаменитой Лопатой на плече как ход самого Одиссея, сына Одиссея – Телемаха, возвращение в родную Элладу, Итаку, ход Телемаха к невесте своей Гефесте, домой, как и ход самого Одиссея к жене своей Пенелопе.

Песня Молодого Грека

Я – грек, по Белой Скифии мотался.
Иду домой, из странствий возвратясь.
Несу Лопату, с ней не расставался,
Как с посохом своим Великий Князь.

За синим морем торговал, горбачил,
Приобретал другое ремесло.
И вот в Лопату, - ну, а как иначе? –
И превратилось то мое Весло.

Вернусь в родную греческую хату,
Воткну лопату в землю, за окном,
И превращу я в дерево лопату,
На славу мы в Итаке заживем.

И зашумят сады и огороды,
Хлеб скифский хлынет изобильно к нам.
А как опять захочется свободы,
Рвану на Север, к скифским берегам.

С Веслом, с Веслом опять уйду из дома,
А возвращусь с Лопатою, - и рад.
Как море, так весло нам, царство грома,
А как лопата – тишина и сад.

Из «Запрещенных приемов» (музыка народная). Как в рондо, повторяется голос Кончаловского (из телепередачи). Белая и черная энергия, взаимопереходы двух Кабирий, стремление к счастью, к любви. Все смешалось в доме Гомера, Феллини, и я плачу, когда вижу этот финал, и тогда плакал, когда писал в «Белой Скифии» сцены движения Кабирии к Телемаху. Кабирия – из другого, восточного племени – колдунов, из кабиров. Древних финикинцев, поселивших-

ся некогда тут, у Итаки, ход дочери кабирского вождя к белому Телемаху.

Музыка. «Сны Вагнера».

Эти страшные кабиры. У них даже боги свои – не Зевс с олимпийцами, а боги другие. Вот какая полоса между ею и Телемахом. И вот праздник на Итаке. Всеобщий круг, люди положили руки на плечи друг друга. И ход молодого грека, как ход Телемаха к Кабирии – своей Гефесте, ход Гефесты к нему, как и ход Кабирии Феллини к любви своей, а значит, и сюда к нам, ко мне. Вот она идет в ночи – обманутая и брошенная всеми. И, однако, улыбается людям. И слезы бегут, бегут у нее по щекам, по недостижимому. Но зреет рассвет. Можно ли перейти грань, обозначенную самой природой? Да будет утро, день, будет свет! Будет больше белой энергии от «Одиссеи», от «Белой Скифии».

Россия – великая, Русь изначальная...

Тебе мое сердце поет и поет.

г.Орел,

Россия, 21.12.2003г.

Концерт девятый БЕЛАЯ СКИФИЯ

(Музыкальный ключ к продолжению «Одиссея»)

Сторона А.

Мелодия. Оркестр Поля Мориа.

«В роще Платона».

«Белая Скифия» (песня Одиссея).

«Одиночество в ночи» (грезы Одиссея).

Гитара, Армик.

«Золотые табуны» (песня царя Мадея).

«У скифского кургана» (дуэт Несмеяны и Одиссея).

«Второй сон Одиссея» (про князя Колаксара).

«Змиев вал» (хор викингов).

«Песня 6-го легиона».

«Весло, похожее на Лопату» (песня молодого Скифа).
«Два огненных весла» (Одиссеева песня о Северном сиянии).
«Белый Орел» («Как упоительны в России вечера»).

Сторона В.

Гитара, Армик. «Аранхуэзский концерт».
«Сосны на дюнах» (песня Плачущей Сосны).
«Белая Скифия» (песня Одиссея).
«Живущие на облаках» (Одиссеевы впечатления от легенды Бояна).
«Ахиллесова пята» (песня Одиссея).
«Ольвия голубоглазая» (хор Сынов ослепленных рабов).
Третий сон Одиссея. «Степная змея» (второй дуэт).
«Богатырские Курганы» (вторая песня Мадея).
«Лопата, похожая на Весло» (песня Молодого Грека).
«Белая рубаха, алая серьга» (песня о Змеином острове).

Сторона С.

«Богатырские курганы» (песня царя Мадея второго и скифский хор).
Четвертый сон Одиссея.
«К отцу отцов» (моления Одиссея).
«Возвращение» (песня Одиссея, музыка Чарли Чаплина).
Оркестры Поля Мориа, Гленна Миллера, Рихарда Клайдермана, Бенна Гудмена, Президентский оркестром с Николаем Басковым, группы Кучина, «Белый Орел», Романтическая гитара, испанская гитара – Армик.

Белая Скифия **(Песня Одиссея)**

На плоту, на плоту, как во сне наяву,
Одиссей, очарованный мифами,
Наудачу морями плыву я, плыву
В свою Белую, Белую Скифию.

Золотое руно, Золотое руно.
На плоту моем Троя, нас трое –
Слово, музыка и оно, и оно –
Сердце, золотом налитое.

Вот и остров сирен, зазовут и убьют.
Жизнь, не так уж она и простая.
Золотое руно все стригут и стригут,
А оно все опять отрастает.

Золотое мое, Золотое руно –
Слово, музыка и Одиссея.
Все стригут и стригут, а они все равно
Золотее все, золотее.

На волне, на волне я, качаясь, плыву.
Все страшней острова, все чудесней.
Переплыть бы сирен, а уж там заживу,
Переполненный скифскою песней.

В роще Платона

К.Г.Б.

Из античной юности звенящей
До седых теперешних веков
Тихой рощей, мысль плодоносящей,
Все ведет Платон учеников.

Все идут они, те корифеи,
Мимо соблазнительных олив,
Но одно местечко тут для феи –
Женщине любимой – припасли.

Вот как! И уж рощею Платона,
Тихой Академией его
К Истине российская мадонна

Вывела слепца не одного.
Внутреннее зрение дала
Корифейка, светоч, дочь Орла.

Одиночество в ночи

(грёзы Одиссея)

Ночь течет во мне,
И звезды с весел падают на звезды.
Наклонясь, я разбиваю их рукой.
Я иду по ним, прямо по ним, по звездам,
На тот манящий берег,
На тот пьянящий берег, где, как во сне,
Я вижу тебя далеко.
Моя лодка, мое одиночество,
В этой глубокой ночи.
Как я боюсь потерять тебя
В этой пучине, в этой стихии звезд отраженных,
О приблизься ко мне!
О не молчи!

Руку мне протяни,
К груди меня притяни –
В пламя свечи, в самое пламя свечи.
Два одиночества,
Сразу два одиночества вдруг исчезнут
В этой глубокой, в этой глубокой ночи.

Кружится моя лодка, падают звезды с весел -
В пламя свечи, к ней подберу я ключи, не огорчи.
Весла оставим на берегу,
Мы их в объятия бросим -
В водовороты ночи. В водоворотах ночи
Губы твои горячи.
О не молчи, не молчи!
Губы, губы твои горячи!

Золотые табуны

(Песня Царя всех скифов Мадея)

По степи, по серебру ковылей –
Табуны пылят, мы уходим в набег.
Вдруг река – широка и дика! И Воздушный Змей
Тянет в небо тучи скифских телег.
Я – Орел, я – царь птиц, лечу высоко.
Я – Орел, я – царь скифов, гляжу далеко.
И парю, и парю я для всех для нас,
Чтобы скифский народ не угас,
Чтобы скифский народ не угас.

А телеги уже за рекой – мне подать рукой,
В небесах косяками парят.
Как птицы! Как парусные корабли!
Я – Орел, я – царь скифов! И народы мои царят
Тем, что гонят за Солнцем туда, на закат,
Золотые свои табуны.
До ночи, до бледно-зеленой Луны,
До самого края Земли!
И нет поворота назад.

У скифского кургана

(Дуэт Несмеяны и Одиссея)

- Увидела, узнала, полюбила.
Царица, а дрожу перед тобой.
Вернется царь, что ждет меня – могила?
Возьми меня, возьми меня с собой!

- Прошел я через Сциллу и Харибду,
Пролил по Пенелопе море слез.
И вот тону я, погибаю, гибну
В твоём бездонном золоте волос.

- Так улыбнемся вместе, Несмеяна!
Мой Одиссей, ответим на любовь!
Соединим у скифского кургана
С одесской кровью греческую кровь.
Стоим одни у скифского кургана.

При Луне, в облаках

(Второй сон Одиссея про князя Колаксара –
героя сколотского, праславянского)

На телеге лечу
При Луне, в облаках.
Там внизу - реки, броды, селенья.
Покровительница моя! Богиня Афина,
Зевесова дочь!
Не меня ты несешь на руках -
Колаксара, его поколение!
Чуча-чуча, чуча-чуча!

Князь в телеге, редкий случай.
На воздушном змее лечу,
Всадник травит канат,
По степи дерзко скачет.
Колаксар по монетке вниз,
По кровинке и рад -
За бессмертие, не иначе.
Эй, на кляче там! Чуча!
Прибавь дерзости, героя не мучай!
На Воздушном Змее -
Я и сколот - славянский герой
Где-то в начале Веры.
Сплю и вижу телегу -
С парусом перед собой,
Такие-то у царя Итаки
Химеры.
Покровительница! Афина Паллада!
Нам бессмертья не надо!
А может, вращаясь в этом кругу,
Всю лицемерю и лгу?
Покровительница моя! Богиня Афина!
Зевесова дочь!
И меня ты несешь на руках,
И народ мой, и мое поколение,
Обездоленное поколение.

Змиев вал
(хор викингов)

Слышите? Это шаги, шаги.
Скрипы телег. Огненный полоз с Востока.

Если б не мы тут, и Рим бы спалили враги.
Викинги мы, застава тут, княжее око.

Змиев вал – от моря до моря.
Ни обойти нас, ни конем обежать.
Роем мы ров свой, будем же продолжать.
Ляжем первыми в него, кефара уж отпевает героев.

А это, слышите? Детские голоса.
Змиевы игры. Что же вы дремлете, боги?!
Ворон вещает! Смертная полоса,
Не дождемся подмоги.
Воины, вои! Ляжем под белые стяги!
Кровью умоем! Умоемся сами, варяги!

Весло, похожее на Лопату

(Песня Молодого Скифа)

Я – скиф, по свету белому мотался.
Иду домой, из странствий возвратясь.
Несу Весло, с каким не расставался,
Как с посохом своим Великий Князь.

На синем море плавал и рыбачил,
Приобретал другое ремесло.
Моя Лопата там, - а как иначе? –
И превратилась, видите, в Весло.

Приду домой, воткну Весло за хату –
Перед окошком, в тучный чернозем.
И превращу Весло опять в Лопату,
На славу мы, скифяне, заживем.

И зашумят сады и огороды,
Хлеб в закрома, за море потечет.
А как опять захочется свободы,
Рвану на юг, как всякий скифский сброд!

С Лопатой вдруг опять уйду из дома,
А возвращусь опять-таки с Веслом.
Как воля, так Весло нам, царство грома.
А как Лопата – тишина и дом.
А как Лопата – тишина и дом.

Два огненных весла

(Одиссеева песня о Северном Сиянии)

Темным ликом своим из южных, знойных земель,
Сгущая краски, продляю я
Долгую эту полярную ночь.
До костей пронзило, кажется. Морозы, как хмель.
Солнце выпито, заодно и Луна - его несвободная дочь.
О Северное Сияние! Восхитись на полнеба, мраки иззолоти!
Сделай лицо мое перистым, белым.
Душу только, гляди, с тьмой не сплоти,
Не выпей всю до дна, черной не сделай.
Два весла крест на крест, иней и покаяние, -
Воедино свел их так я - Одиссей многоумный!
Да и воткнул в снег - божий перст под сияние.
Огненные! Будут прочитаны руна!
Золотые прочитаны руна!
Что означает одно из них - вертикальная жуть?
А другое, менее жуткое, - по горизонту стелется?
Боги! Высокие шорохи! Дайте счастья хоть сколько-нибудь.

Ты - Звезда Полярная, первая и вся ты, наша Большая Медведица!
Господи, обогрей, соверши! Сподобь нас на все, что, ликуя, ни делаем!
Видишь, люди с Лопатой тут, с коровой вокруг Столба.
И это вот Весло твое - Пространство Свободное, Белое,
А то, над ним, - Белое Время Раба.

Янтарный берег
(Песня Плачущей Сосны)

Берег Янтарный, Холодное Море.
Красоте такой, видно, не зря
Плачут сосны, встречая зори,
Слезы розовы, как заря.

Плачу и я – сестра их на дюне.
- Отчего? – спросишь ты, Одиссей.
Оттого что даже в июне
Как прикована я к песчаной косе.

А море штормит, в волны бросает
Слезы каменные слегда.
Кто-то рушит, а кто-то спасает
Все оплаканное века.

В Христиании и Париже
Камень с мушкой ценится, что ль.
Эта мушка в темнице рыжей –
Несвобода моя и боль.

А море штормит, в волны бросает
Слезы каменные слегда.

Все оплаканное воскресает,
Все оплачется за века.

Так, особо в денек лучезарный,
В этих дюнах и я всплакну,
В море вольное, Берег Янтарный,
Отпусти хоть меня одну!

Живущие на облаках

(Одиссеевы впечатления от легенды песнопевца Бояна)

Пряди солнечны твои,
По облакам идущий!
Ты – герой,
Ты бессмертен,
Боги принимают тебя –
Неимеющий, неимуший.

Держат, солнечного, облака,
Купает солнечная река.
Щедрой рукой раздавая дожди,
Сам ничего не жди.

Ирий – рай земной в облаках.
Соверши свой подвиг, герой!
И я тебя отнесу туда на руках –
В рай земной!

Пряди солнечны твои,
На облаках живущий!
Ты – герой,

Ты бессмертен,
Боги благословляют тебя,
Ничего от других не ждущий.

Ольвия голубоглазая

(Хор сынов Ослепленных Рабов)
Мы – Сыны Ослепленных Рабов
Как снег на голову, пали на пяди эти –
Неразбитая ваза.
И Ольвия белая сделалась вдруг голубой,
Вернее белоскифской, голубоглазой.

Наша родина тут, откуда отцы.
Скифянки – матери наши, из сумасбродных.
Пока мужья их в Египет ходили – такие концы!
От работ нас рожали – свободных.

Мы – сыны неоскопленных отцов.
Убежали из Скифии, к синему морю.
Волю – вольным! Свободу – в волчьей степи в лицо!
Несвободным – история, история.

Наша родина тут, откуда отцы.
Помогите же нам, гречанки.
Соберите на битву. Весть примчали гонцы:
«Возвращается царь на тачанке!»

Мы – Сыны Ослепленных Рабов!
Не разбита еще бесценная наша звероскифская ваза!
Позовите к себе на совет да любовь,

И, увидите, Ольвия снова станет собой –
Васильковой, голубоглазой.

Богатырские Курганы

(Вторая песня царя всех скифов Мадея Второго
и с ним Скифский Хор)

А вот и мы – победители, царские скифы!
Неостановимы, неотвратимы, как смерть,
Всех вас тут перебьем!
Расклюем, как грифы!
Если вы сами не догадались еще умереть.

Нам, что ли, вы, молодые грифята,
Перед войском стоя, вопите из дыма:
«Не пустим! Не пустим!
Не пропустим через себя!»
Ветры мертвые веют уже над вами, живыми,
Ваши чубы ржанные, сколотские теребя.

А Курганы-то Богатырские наши!
Насыпали их мы!
В них покоятся наши цари!
Походите по степи, повоюйте, поешьте каши,
Вот тогда и увидим,
Что вы за богатыри!

Долго мы кровь чужую со своею мешали.
В шрамах все, иссеченные, всюду лежим.
В дом свой добро несли, рабов отовсюду гнали
И сделали полной чашей...
- Режим!

Кровью наполнили вы свои чаши...

Я – царь! и, как должно царю,

Это я вам говорю:

- Походите, повоюйте, постоит - с наше, с наше!

Верьте царю!

Белая рубаха, алая серьга

Белая рубаха, алая серьга!

А пядь Ахиллесова серая.

Пыль дорог. Уязвима нога –

Левая. Левая. Левая.

Красотой, однако, Ахиллес обладал!

Носил в ухе капельку алую.

Как и после князь Святослав!

В белой рубахе своей кого ни бивал –

За Русь Белую, Большую и Малую.

Боже, богиня Афина! Что же ты у того берега

Проглядела его, благородная?

Вот ихватила в пятку его

Эта змея подколодная.

Вот и Остров Змеинный – земля шалая,

В Понте пока единственный, диевский.

Ахиллес – это сережка в ухе, рубинчик, кровинка алая!

Герой греческий, а породы праславянский, докиевской.

И круги за кругами,
Снега за снегами –
Тихо падает, падает снег.

Это все Белая,
Белая, Белая Скифия!
И круги за кругами,
Снеги за снегами -
Тихо падает, падает снег.
Это все Белая, Белая, Белая Скифия!

Концерт десятый

«Арсений Чигринев» (Музыкальный ключ к роману в стихах)

Сторона А.

Пролог. Мелодия Кадышевой «Родимый край».

Москва – Москва... Дома у Арсения.

Мелодия рок-группы. ГКЧП. «На фонарь аристократов!»

Бесы и стрессы. Рондо. Мелодия из «Собора Парижской Богоматери».

Васильевский спуск. Современные ритмы.

Коридоры власти. «Дом новый строят старые прорабы».

У березы. Князь Мышкин. Изменение ритмов.

Друг Григорий. «Защитим театр!»

На кольцевой. «Таганка» (Понаровская). «Купите бублики» (Пресняков).

Бьют Арсения. Орловское училище ГАИ.

О Пушкинская площадь! Кремль. Снова «Таганка».

«Героев я своих люблю,

Опять столбы они шатают».

Грушины подруги – артистки. «Нова и власть, новы и боги».

Григорий, пиво и борщ. Песня о Москве.

Арбат. «Великий град, тебя обожествляю!»

В театре. Роль Гамлета. На худсовете.

К отцу отцов – нашему человеку

(Моления Одиссея)

Господи! Отец отцов! Продли мой век!

Хоть на капельку, боже!

Дай доглядеть на себя, что я за человек,

Да и ты тоже.

Столько себе не намолю,

Сколько Итаке, боже!

Дай семь фунтов под килем моему кораблю,

Да и тебе тоже.

Господи! Бог наш греческий,

Самый великий, боже,

Дай увидеть мне дым отеческий!

Да и тебя тоже!

Дай к Олимпу твоему причаститься,

Не оттолкни меня, боже.

Дай, бог, с грехами не опуститься,

Да и в подвиге тоже.

Господи! Окаянный век!

Люди какие! и все же

За веру в них молится наш человек,

И за себя тоже.

За себя молится ваш человек

И за другого тоже.

Видишь, отец!

Как истёрзан, заморочен курганом - печальником грек!

Оволховали дороги.

Святым кабы был наш человек,

На свете жили бы только боги,

Одни только боги, только боги, боги!

Сын мой, мой Телемах!

Сын мой, Телемах!

Сын!

Возвращение

(Песня Одиссея)

Слова Леонарда Золотарева,

Фантазия на музыку Чарли Чаплина

Это моя весна,
Навеселе красные маки.
Я вернулся домой,
Я иду по земле ролимой Итаки.

Кто скажет,
Что на плече я несу?
Кто скажет мне,
Кем я слыву?
Если это весло, то я у корабля на носу.
Все плыву, плыву.

А если это лопата,
Копай себе под камнем,
Под которым все твои предки.
А из миртовой лопаты весна мне
Распускает уже целый лес –
Зеленые ветки, цветут зеленые ветки.

Тихо, тихо падает снег,
Я несу на плече этот лес –
Лопата моя знаменитая!
Троя буйствует вся в цвету,
Троя царствует одна у всех.

Дома. Жена его Агриппина. Мелодия П.Мория.
Танец, танго при свечах. «Есаул». На Васильевском.
«Одинокая Дача» - Василий, Одинокая гитара.
Красная Пресня и толпы, народ.
«Жаворонок» (стихи Арсения). Снова ритмы.
Игры с ролями, он – Ставрогин. Пора в Бобры, где русский дух.
В электричке. Где ж одинокий? «Мой Гамлет» (песня Арсения).
«Гамлета сыграл бы, по живым скорбя,
А теперь играю самого себя».

Сторона В.

Россия – Русь, провинция.

Мелодия Н. Кадышевой. «Странная, тоска...» На фоне – Дома своего
Встреча с матерью. И вот бежит он лесом к своей Марии, песня Арсения «Русский лес».

Встреча. «Она коснулась ямки – мой!

И отошла, и стала кроткой».

Она – директор школы. С ней интересно быть.

Гитара. Он пел песню Василия «Одинокая дача»

Современные ритмы.

«Возьму гитару и пойду

По всей Руси великой!»

Диалоги с Марией. Тайная любовь. «Ave Maria» (поет Арсений, на слова Фета). Снова свиданье у березы.

Портрет Марии. Мелодия «Купите бублики».

Ритм ускоряется.

«И вот пришла в Бобры Мария.

Сидят с маманей, как родные».

«Металл уйдет и стает снег,

А речь останется на всех».

Современные ритмы. Снова думы о Москве, театре, жене. Опять в Мо

ску, но на машине.

«А тут крутиться надо,
Не из-за яблоч – из-за винограда».
«Не глух его провинциальный гений».

«А то за диалоги
Не шавки покусуют – доги».

Опять тянуло в митинговость улиц. «И от артиста ничего, и от бобра одни провесы». «Уральская рябинушка». Мысли о Васе Одиноком.

«Мой хуторок» (песня Арсения).

«Долой крикливые подмости!
Покинем рампы вчерашний свет!

Вперед к народу»...

И пошел Арсений по московским сценам, паркам, площадям, грузовикам. А сам искал глазами одиноких.

Ритмы современные, мелодия русского леса. Мысль о Марии. Гитара, Гойя. Встречи в Москве.

«Свети же ты, моя звезда,
На наши села, города».

Песня Арсения об осени. Снова ритмы, снова сцена, муки слова. А Мария уехала. И тут Арсений дал заявление на отбой. Куда, а никуда. В народ, к людям. И солнце вспыхнуло – так звало его в края родные. Снова мелодия Кадышевой «Край – ты мой любимый».

«Арсений Чигринев»

(Слова из музыкального ключа к роману в стихах)

В тот год, когда наш русский гений,
Наш Пушкин, вечно молодой,
Два века отмечал бы – я из лени
Вдруг за роман принялся этот свой.

Роман летит, стихию я пишу!
Что значит даль свободного романа.
Где прозы надо два – три килограмма,
Тут я тремя словами совершу.

Арсений ловит мысль, толпа кипит
Исчадьем криков, плача, песен, смеха.
«К Васильевскому спуску! – взвыл пиит. -
На танке Ельцин сам туда проехал».

О Пушкин наш! О Пушкинская площадь!
Что значит слово, русские слова!
Сюда, чтоб заявить о своей мощи,
Приходит несогласная Москва.
Высказывая Пушкину все боли,
Москва гудит – с Россией схожа, что ли?

Москва, Москва! Под фонарями Пушкин!
Вам говорю, как видите, от всех.
На грани Русь! Не россиянин – русский!
До дна дошел наш русский человек!!

* * *

Все! Варим борщ! И ставлю
Я на ноги тебя, а то помрешь.
Приедет сам, ведь приползет, как вошь,
Что я скажу твоему Макару Навле?
«Ах-ха-ха! – смеялась. – Тигр полосатый! –
Как бы на свет сейчас родясь. –
Ты, Гриша, из деревни, а носатый.
И лупоглаз, и рыж... с евреем связь...

- Ну ты даешь, - смеялся он, - Медея!
Но все равно, мать, не оскорблюсь.
Я представляю средь евреев Русь,
А среди русских, стало быть, еврея.

* * *

- Дуй в магазин! В «Бристоль». На рынок, в «Бостон»...
За старым салом – по хохлам... хотя я сам...
Борщ русский сочиняем – гениальный просто!
Борщ вдохновенный – и тебе, и нам.
Не борщ был, а поэзия. роман!
Таких борщей не едывала сроду
Агриппа, Груша – Сенин океан,
С каким жен сравнивать сегодня взяли моду.
Упрел капустой, паром изошел,
Заправленный «хохлацким» ржавым салом.
- От хорошо! От хорр-ош-оо-о!! –
Дышал Григорий в пар наголодало.
Какой еврей! Какой там иностранец!
А русский - так на чем проверь:
Как он вокруг борща танцует танец
И квасом запивает, этот зверь!
Как наемся, как напрусь,
Вот такая наша Русь!

* * *

Смотрела Груша, как он ел – Григорий, -
Опора, символический мужик.
Хотела позвонить и дяде Боре,
Чтоб тот доел, да борщ был съеден в миг.
Она поникла головой, – о боже!

- Ты что? – сказала он. – Так, - ему она. –
Вот посчитала – сколько...
- Groш цена! –
Сказал он ей. – Жизнь чуточку дороже.

* * *

Когда иду я Каменным мостом
И вся Москва – река передо мной.
Я мысленно ловлю себя на том,
Что ввысь гляжу – на красоту, на холм,
На Кремль-красавец перед всей страной!
Спасибо вам, большие мастера,
Кудесники, страдальцы на крови!
Спасибо вам, философы-отцы,
Мы – дети ваши, мы – не подлецы.

Рондо

«Поэзия – где-то такие крыла.
Свободна, светла и легка, –
Течет и течет, сквозь меня протекла,
Вся музыка, все облака.

Поэзия – это такие слова,
Почти бестелесны, пока
Текут и текут; такова, такова
И музыка, и река.

Поэзия – где-то была не была,
Едва уловима, из грез.
Поэзия – это такие крыла
У самого пламени звезд.

Одинокaя дача

(Песня Василия из электрички)

Дача моя, дача! Ты моя удача!
Солнце закатилось в топотах коня.
Отшумела молодость, старость обознача.
Только и осталось ты, дача, у меня.

Ухожу я из дому. Мчусь на электричке
Из большого города, мрака этажей.
Воля моя, волюшка! Степь зажгу от спички,
Выгоню да самогоночки - свойской, посвежей.

Эх, Русь гуляет прежняя! Русь страдает, окает!
Русь гуляет, матушка, годы за спиной.
Воля моя, волюшка! Дача одинокая!
Степь моя раздольная, ветерок хмельной.

«Мой Гамлет»

(Песня Арсения)

Гамлета мечтал я, в общем-то, сыграть.
Грезилось мне, снилось: «Быть или не быть?»
Каждому артисту суждено страдать,
Каждой королеве хочется любить.
Режиссеры разные, Гамлет же один.
Мысли безотвязные, кто им господин?
Пики, черви, кресты – любви Сатане,
Только «туз» бубновый на моей спине.
Бедный, бедный Гамлет! Призраки и жизнь.
Датскую корону не могу забыть.
Принципы и принцы, быть или не быть?

Йорика сгубил бы, только попадись.
Гамлета сыграл бы, по живым скорбя,
А теперь играю самого себя.

«Русский лес»

(моя авторская песня)

Лес мой – славный, русский!
На тропе на узкой.
Встреть меня, прими меня,
Мой зеленый лес!

Защити, горластого,
От булата властного,
Заведу гитару дай,
Извернись, как бес.

Лес – отец мой русский!
При погоде буской
Сына одинокого
Встреть и приласкай.

Много ли мне надо ли, -
Чтобы листья падали,
Чтобы кони прядали,
Веселел мой край!

Лес мой – славный, русский!
Соловейко курский!
Выслушай седую жизнь,
Матерь моя, Русь!

Встреть меня, острожного,
Но – не безнадёжного.
Верен буду Родине
И тебе, клянусь!

Мой хуторок
(Песня Арсения)

Дом мой деревенский,
Хуторок в степи.
Мать меня встречает,
Выйдя за порог.

Дай-ка обниму тебя
Крепче, потерпи!
Как и мне терпелось,
Как и терпит Бог.

Мама, моя мама!
Сгорбленные плечи.
Скорбная, святая –
Век меня ждала.

А теперь уж вечер,
И заплакать нечем.
Хуторок мой, мать моя –
В черном, да бела.

Городского счастьяца
Вдоволь нахлебались.
Детям вашим лихо там,
Тут вам – матерям.

В жизни одинокой нам
Только и остались,
Слава Богу, мамы вы,
Эх, да по хуторкам!

На большаке
(Песня Арсения)

На большак он выбежал, не успел на рейсовый.
Телеграмма медиков жжется, как металл.
И машины мимочки – с шлейфами и пейсами,
Прет в голодный город частный капитал.

Курочки в багажничке, бульбочка в мешочке,
Яблочки, соленья – сельские дары.
Он рукою машет им, уж дошел до точки.
Да все мимо-мимочки сэры и сэры.

Он уж чуть не пляшет, аж поет, и плачет.
Жезл бы милицейский – полосатый жезл.
А ведь не чеченцы, а ведь это наши!
Так плюют на бюст вам и на всякий жест.

Вот вам и деревня. Вот дары природы.
Вот вам этот парень. И – в гробину мать!
В этот миг в больнице, в знак плохой погоды,
Отчитался батя... че там вспоминать ...

«Неупиваемая чаша»
(Песня Арсения)

«Неупиваемая чаша», -
Так называется родник,

Так называется родник,
Откуда дух, вся сила наша
И весь насквозь наш материк.

Вся наша Русь в нее видна,
А с ней и мы среди полей.
В июне чаша холодна,
А к Покрову так потеплей.

Когда наклонишься к ней чуть,
Чтобы испить тут и свое,
Глазами может отблеснуть
И отражение твое.

И Русь в ней вся отражена:
Толстой, Тургенев, Бунин, Фет...
Какая наша сторона!
Какой нам от Богов привет!

Слетит листок туда – на Русь
И, золотой, не тонет, узкий.
К нему губами прикоснусь
Да и скажу: «Я тоже русский!»

Концерт одиннадцатый
ХАЛИФ НА ЧАС
(Персидские напевы)

Восточная поэзия – одно из высших достижений человеческого духа. Это – Красота, поклонение женщине. Это просто изящное, музыкально ограниченное Слово, это стихи, написаны как бы вчера. А ведь было это тысячу лет

назад – с 6 по 18 век.

Космическая стихия, первооснова мира. Отзвуки наших чувств из веков, состояние и нынешней нашей души. Охвачено огромное пространство от Гималаев до Атлантики. Персидский, арабский, турецкий языки. Условно выделим один литературно-творческий источник – персидский. Персидские напевы.

Мужчина и женщина, взаимная любовь, равенство, свобода, согласие во имя любви. Влюбленные ставят на карту жизнь, чтобы только быть вместе. Беспредельность, самозабвенность.

И вот Багдад. На исходе VIII века здесь творит великий лирик Ибн аль-Мутаз – внук, сын и брат аббасидских халифов, он пишет свои газели и никогда не борется за светскую власть. Однако после дворцового переворота его сдеали халифом.

Халиф, он же поэт Ибн аль-Мутаз, просыпается во дворце. Большой праздник должен быть – поэзии, песни, любви. И все во имя самого прекрасного на земле – Женщины, Красоты, самого Слова.

- Создать во дворец всех поэтов Востока! – приказывает новый халиф. – Поэтов всех времен и народов. Всех, которые были и будут.

Это машина времени и пространств.

Романтическая гитара.

Ибн аль-Мутаз. Стихи.

Романтическая гитара.

Рудаки. «О, пэри!»

Омар Хайям. «Лунолика», «Желание».

Низами. «Я полюбил».

София Ротару. «Ландыши» (песня).

Людмила Сенчина. «Любовь и разлука» (песня).

Аравия.

Маджнун. «Целую след» (стихи). «Перед Каабой», «Рисунок на песке».

Омар ибн Али Раба. «И сам не чаял».

Аву Нувас. «Пью старинное вино».

Махмуд Абдул Баки. «Бокалы налей».

Вячеслав Добрынин. «Никто тебя не любит так, как я».

Ибн аль-Мутаз. Стихи.

Армик, гитара.

Сторона В.

Гитара. Армик.

«Ах, какая женщина!» (песня).

Надежда Кадышева. «Напилася я пьяна».

Гитара. Армик.

Ибн аль – Мутаз (стихи).

Ахмед – паша (Турция). «Моя любовь».

Сергей Есенин. «Шаганэ».

Гарсиа Лорка. «Романс о Луне».

Гитара. Армик. «Фламенко».

Саади. «О утренний ветер».

Амир Хосров Дехлеви. «Соль на рану»,

«Черная птица над Халифом».

Турция.

Гитара. Армик. «Фламенко».

Махмуд Абдул Баки. «Прекрасная».

Караджаоглан. «Ты не пришла».

Леонард Золотарев. «Черная вуаль».

Гитара. Армик.

ИБН АЛЬ – МУТАЗ. Стихи

Только ночью встречайся с любимой.

Когда же с высот светит солнце,

Не надо встречаться, оно донесет.

Все влюбленные мира встречаются неспроста

Только ночью, когда все уснут

И вокруг темнота.
У Хакала красавица,
Видя, что я в седине,
«Черный дуб в серебре», - так сказала она обо мне.
Я сказал: «Нет, я молод,
Еще ведь не старый я, нет».
Но поддельная молодость
Услышала резкий ответ:
«Ну так что же,
Юностью я насладиться успел.
Был когда-то я молод
И зависти полон, и смел.
Возлюбил ее голос,
Который нежнее свирели,
Волшебный голос певуны,
Глазастой, томной газели».

* * *

Края своей белой одежды
Влачит чаровница устало.
Как солнце, что распустило
Жемчужное покрывало.

Браслетов ее перезвоны,
Как звоны обители горной,
Которые славят, смывая,
Простор животворный.

ПЕРСИЯ

Рудаки. «О пэри!»
О пэри! Я люблю тебя,

Хоть раз обрадуй Рудаки,
Свое лицо ему открой.

Ужель так тягостно тебе
Открыть лицо, поцеловать?
И так легко меня терзать,
Губить навеки мой покой?

Что для меня легко, тебе
Великим кажется трудом.
Что тяжело мне, то тебе
Забавой кажется пустой.

Поцелуй любви желанный –
Он с водой соленой схож.
Чем сильнее жаждешь влаги,
Тем неистовее пьешь.

Омар Хайям. «Лунолика»

Лунолика, чашу вина и греха
Пей сегодня, на завтра надежда плоха.
Завтра, глядя на землю, луна молодая
Не отыщет ни славы моей, ни стиха.

Виночерпий, бездонный кувшин приготовь,
Пусть без усталости хлещет из горлышка кровь.
Эта влага мне стала единственным другом,
Ибо все изменили – и друг, и любовь.

Когда веер у розы подол разорвет,
Мудрый тот, кто кувшин на двоих разопьет
На лужайке с подругой своей белорудой
И об камень ненужный сосуд разобьет.

Желания

Пей с достойным, который
Тебя не глупей.
Или пей с луноликой, с любимой своей.
Никому не рассказывай, сколько ты выпил.
Пей с умом, пей с разбором,
Умеренно пей.

Я к неверной хотел бы душой охладеть,
Новой страсти позволить собой овладеть.
Я хотел бы, но слезы глаза застилают,
Слезы мне не дают на другую глядеть.

Когда песню любви
Запоют соловьи,
Выпей сам и подругу свою напой.
Видишь, роза раскрылась в любовном томлении.
Утоли, о влюбленный, желанья свои.

Низами. «Я полюбил»

Я полюбил тебя,
Куда теперь шагнуть?
Путь правильный избрать
Или позорный путь?

Пока жива душа,
Живешь в моей душе.
И, если мне не быть,
То ты на свете будь.

Из-за любви со мной
Враждуют города.
Раз не прощаешь ты,
Простит ли кто-нибудь тогда?

С протянутой рукой
Твой локон стерегу.
Забытого держать
И презирать забудь.

О пусть никто, как я,
Не будет без тебя.
Не я проник к тебе,
Тоска проникла в грудь.

Я полюбил тебя,
Куда теперь шагнуть?
Путь праведный избрать
Или позорный путь?

АРАВИА

Маджнун. «Целую след» (стихи)

Целую след любимой на земле.
Безумец, он толкует обо мне.
Целую землю, глину и песок,
Где разглядел следы любимых ног.

Целую землю, уголок следа.
Безумец я, не ведаю стыда.
Живу в пустыне, гибну от любви.
Лишь звери – собеседники мои.

«Перед Каабой»

Мне ты, всесильный, повелел
Любить, не зная меры.
Зачем от верного слуги
Ты требуешь измены?

Ты пожелаешь, я уйду
От искушений милых,
Но от любимой даже здесь
Отречься я не в силах.

В любви не каюсь даже здесь,
Безумец, грешный слабый,
В священном городе твоём
В пыли перед Каабой.

Аву Нувас. «Пью старинное вино»

Пью старинное вино,
Ясноглазую целую.
Будь что будет, все равно,
Веселюсь напропалую.

И, пока не прорвалась
Бытия живая нить,
Полон жажды, буду пить
Эту влагу золотую.

Ничего не утаю,
Все на свете отдаю
За хмельную твою
За улыбку молодую.

В руки смуглые прими
Чашу, полную вина.
Осуши ее до дна,
Возврати ее пустую.

Помани меня рукой,
Позабывшего покой.
Губы нежные раскрой
Обещаньем поцелуя.

ТУРЦИЯ

Ахмед-паша. «Моя любовь»

Твой раб, как алый лепесток,
Моя любовь.
Тебя так тайно я берег,
Моя любовь.

Слова могу я гнуть, как бровь,
И все равно
Я о тебе скажу: «Цветок,
Моя любовь».

Пред кипарисом слезы лью,
Бежит ручей.
Сказала ты: «Ручья исток –
Моя любовь».

Мишенью стала грудь моя
Для глаз твоих.
Для стрел твоих, о мой стрелок,
Моя любовь.

Я говорю: «Ахмед, люби,
Покуда жив.
Я стар, но юн любви росток,
Моя любовь».

Сергей Есенин. «Шаганэ»

Шаганэ, ты моя, Шаганэ,
Потому что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе, поле,
Про волнистую рожь при Луне.

Потому что я с севера, что ли,
Что Луна там огромней в сто раз.
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому что я с севера, что ли,

Я готов рассказать тебе, поле.
Эти волосы взял я у ржи.
Если хочешь, на палец вяжи,
Я нисколько не чувств боли.
Я готов рассказать тебе, поле.

Про волнистую рожь при Луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся.

Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при Луне.

Шаганэ, ты моя, Шаганэ,
Там на севере девушка тоже,
На тебя она странно похожа,
Может, думает обо мне,
Шаганэ, ты моя, Шаганэ.

Гарсия Лорка. «Романс о Луне»

Луна в цыганскую кузню
Вплыла жасмином воланов.
И смотрит, смотрит ребенок
И глаз не отводит, отпрянув.

Луна закинула руки,
И дразнит ветер полночный
Своей оловянною грудью,
Бесстыжей и непорочной.

Луна, Луна моя, скройся!
Если вернутся цыгане,
Возьмут они твое сердце
И серебра начеканят.
Возьмут они твое сердце.

Саади. «О утренний ветер»

О утренний ветер, когда долетишь до Шираза,
Друзьям передай этот свиток рыдающих строк,
Шепни им, что я одинокий,
Что гибну я, гибну в изгнании.

Спроси меня, так в чем вина моя,
Что ты не смотришь на меня?
Куда ушла твоя любовь
И ласковость минувших лет?

Я хочу в уединеньи
До рассвета быть с тобой
В неизвестности и тайне
От врагов и от друзей.

За грехи да будет кара,
Почему же за любовь
Вкруг меня все гуще злора
И гоненья все сильней?

Амир Хосров Дехлеви. «Соль на рану» (стихи)

Скитаться на путях любви,
О сердце, неустанно!
Бессильно тело без тебя.
Бессильней тела танец.
Винят влюбленные в тебя
В жесткости – пускай,
Еще сильнее мучь меня,
Еще больней тирань.
Слезами скорбными Хосров
Оплакал каждый стих.
Да будет счастлив он от слез
Соперников своих.

Махмуд Абдул Бакы. «Прекрасная»

Прекрасный облик твой

Я вижу вдалеке.

Я вижу тонкий стан,

Цветок в твоей руке.

Я вижу, все пушок

Над верхнею губою

И родинку твою

На розовой щеке.

Твой стан как нить души.

Грудь, что сосуд хрустальный,

И две серьги в ушах -

Две капли на цветке.

И локоны, и взгляд –

В тебе все совершенно.

Лишь верность возведена,

Что крепость на песке.

Пусть на любовь твою

Нет у Бакы надежды,

Тебе повелевать,

Ему страдать в тоске.

Караджаоглан. «Ты не пришла»

Я вечером пришел на место встречи,

Но не судьба, ты не пришла ко мне.

Быть может, ты уснула в этот вечер,

Все проспала и не пришла ко мне.

Ужель ты наряжалась и сурьмилась?
И то, о чем мечтали мы, не сбылось.
Над местом ожидания тьма сгустилась,
Луна взошла, ты не пришла ко мне.

Ты, милая, забыла клятву, что ли?
Иль, может быть, чужой послушна воле.
Чтоб с этих пор меня не видеть боле,
С другим ты, пришла ко мне.

Сутьба ко мне, Караджаоглану, милость
Не проявила. Все переменялось.
Кого любил, та, словно лебедь, скрылась,
Прочь уплыла и не пришла ко мне.

Леонард Золотарев. «Черная вуаль»

Уж не зальется Россия гармониями.
Как-то по-дикому кычет сова.
Все прокутили мы, все проворонили,
Опустошили святыя слова.

Было ль бывшее да жили иль не жили?
В прошлом какой-то кровавый туман.
Как же себя мы иллюзией не жили,
Как на сплошной попадались обман.

Как нас на Север свозили вагонами,
Как по теплушкам сгорали до тла.
Вот за такими стальными прогонами
Дама Пиковая вкось и легла.

Так и останусь, наверное, в меченых.
На ночь опять же разводят мосты,
Снова калечат уже покалеченных:
Кто-то – в Париж. а кого-то – в Кресты.

Силы небесные душу рисковую
Розгами молний секут пополам.
Синими брызгами Даму Пиковую –
Вас, как в шампанском, купают, мадам!

Круглая – круглая, от постороннего
Черной вуалью укрыта Луна.
Все прокутили да все проворонили,
А ведь Россия, простите, одна!

Концерт двенадцатый

Генераловой Наталье Петровне,
Всему Пушкинскому дому посвящается

ЗОЛОТАЯ ЦЕПОЧКА ХАФИЗА

(а' капельно-авторский концерт)

Сторона А.

Мелодия А.Рубинштейна.

Ветры Хафиза в соловьином саду.

И соловьи в саду, соловьи. Ночь. Старец – поэт-дервиш, из секты софов.
Сидит в окружении поклонников и поклонниц. Это Хафиз. Персия, 14-й век.
Накануне Возрождения в Европе. Луной был полон сад. Одна из поклонниц
склонила голову ему на плечо. Лютя Хафиза исторгает прекрасные звуки. Он
читает под переборы струн свои стихи (в переводе Фета).

О если бы озером был я полным,

А ты Луною, по ней плывущей!

О если б потоком я был луговым,
А ты былинкой, над ним растущей!
О если бы розовым был я кустом,
А ты бы розой на нем цветущей!
О если бы сладостным бы я зерном,
А ты бы птичкой, его клюющей!

Появляется старец в зеленой чалме:

- О Хафиз! Ты сменил дворец великого визира Хаджи-Али на этот сад. И песни свои, в которых ты достиг наивысшего, став учителем многих, на простые газели. А ведь ты мистический поэт, многие тебя осуждают.

Другой старец, появляясь в белой чалме:

- О, Хафиз, Хафиз! Не слушай его, ты прекрасен в своем обновлении! Газели твои полны утренней свежести, с ними ушел ты в народ, к людям, ты омолодил свою кровь и тем продляешь жизнь себе на века. Спой же мою любимую, спой! И ты знаешь – какую. Где ты сам не знаешь, кто ты и что ты. Где поешь о свече, сладких минутах любви и о грехе. Песню для избранных, кто с тобой, да и о тех, кто не с тобой, кто даже против тебя, о Хафиз!

- Ну, хорошо, - говорит поэт и поднимает лютню с земли. – Мы – дети солнца, а не тьмы, дети радости. «Мы, Шемзеддин, со чадами своими».

Мелодия. «Очарование сада». Только и слышно, как в саду неистовствуют соловьи. Они путают все, в том числе и само Время, века, создавая машину времени, зыбкое состояние времени, пространства и духа. Появляются и два молодых из будущего.

- Мы из XX века, - представляются они. – Я – Гарсиа Лорка, поэт из Испании. А я – Сергей Есенин, поэт Руси... Мы знаем и любим тебя, о Хафиз! Вот! Мы принесли тебе «золотую цепочку» как пальму первенства, где вот оно – твоё звено, первое, а это вот и мы... и дальше. после нас... навсегда... она нескончаема, эта цепочка.

Есенин и Лорка вешают «золотую цепочку» на грудь Хафизу.

- Так спойте же, поэты! – просит Хафиз.

Издалека доносится пение вокального трио «Реликт» («Ты поила коня» Сергей Есенина).

Гитара, Гойя. О Шаганэ! Это тебе, - выступает вперед русский поэт и поет той, что склонилась на плечо помолодевшему старцу – поэту Хафизу. – «Никогда я не был на Босфоре», «Шаганэ ты моя, Шаганэ».

А в саду все неистовствуют соловьи. Оркестр («Весенняя песня» Мендельсона).

- «Сомнамбулический романс», - выступает вперед теперь уж испанский поэт и поет.

- Спой, спой и ты, о Хафиз! – просят все, кто в саду и все те, кто за садом.

«Иду я разросшимся садом», - смеется русский поэт.

- Знаю, знаю, - говорит Хафиз.

- О вы, кто там – весь соловьиный сад! – кричат им за оградой.

- Знаю, знаю! – кричит туда им Хафиз.

- Так пой же, пой, о Хафиз! – подает лиру ему Шаганэ.

- Пой, пой, о Хафиз! – требуют поклонники и поклонницы тут в саду и там за оградой.

- «Я был пустынною страной», - читает Хафиз и переходит на пение, заканчивая им свою газель. И переходит на новую газель, читает ее стихами «Дано тебе и мне с тобой».

- Пой же, пой, о Хафиз! – вместе с соловьями неистовствуют поклонники и поклонницы. – Мы любили тебя, мы тебя обожаем!

Хафиз читает. «Ветер нежный, окрыленный».

Появляется вино в кувшинах. Все пьют золотое вино, в том числе и Хафиз. Каждый выступает вперед и читает стихи Хафиза - это тебе!

«Десять языков мелодии».

«О помыслах Хафиза».

«Гиацинт своих кудрей».

«Твой вечно, неизменно».

Голос из-за ограды:

- Хафиз!.. Сошло дыханье свыше,
И я слова распознаю:
- Хафиз! Зачем, когда ты пишешь,
Смеясь – выводишь песнь свою?

Хафиз, выступая вперед:
- На лилиях и розах, на лилиях и розах -
Узор в волшебных позах
Начертан мной в раю.

И переходит к другим стихам, обращаясь ко всем:
- Уж, если все навеки решено, -
Так что мне делать?
Назначено мне пить вино, -
Так что мне делать?

- Пей, пей вино, о Хафиз! – неистовствует толпа. - Пей же и пой!

Хафиз, выступая вперед: «Не будь, о богослов, так строг!»
Пошатываясь, Хафи идет по соловьиному саду, вопрошая каждого:
- Так что мне делать?

- Пей и пой!.. Любимую нашу, трактирную!..

Хафиз, валясь на землю, поет уже лежа:

«Падет ли взор чей гордый».

Хафиз лежит на земле, не желая вставать.

- Спой ты теперь, спой, - передает лиру он ей, - Шаганэ, ты моя Шаганэ.

Она в ответ: - «Веселись, милашка – птичка!» Эти слова, Хафиз, обо мне.

Хафиз берет снова лиру, заканчивает:

- О Хафиз! Хафиз!

Прекрасно

Вместе с песней соловьиной

Уходить светло и ясно.

Неистовствуют поклонники, дервиши и софы, весь Шираз за садом и сам соловьиный сад. Хафиз перебирает золотую цепочку на груди, голоса, сли-

ваясь, превращаются в хор:

- «Предав себя судьбе неприхотливой,

Душа моя жила, вела, любила...

Орел летит, он – гений, он – орел,

Взлетает ввысь – дышать свободой!»

- Ты, орел, Хафиз! – гудит толпа. – Ты – орел!

- О нет! – встает Поэт и идет в глубь сада, слегка покачиваясь. – Вы меня не обманете, требуя песен. Я свободен, да, я свободен?!

Поет: «Пусть, насколько хватит сил,

Чернь тебя клянет»...

Хафиз падает на землю. Приподнимается, снова падает:

- О люди, люди – «исчадие крокодилов!» Кажется так? Я люблю вас, но больше всего люблю газели ... песни свои... Ты совершенен, Баки, в тонком искусстве газелей!

А ночь темна, безмерна. Висят над головой яблоки звезд. Слова висят между яблок. Хафиз пытается встать, пьет из амфоры вино, так и поет полулежа. Мелодия Кэтлби. «Очарование сада».

Читает: «Хафиз убит. А что его убило?»

- Не верьте Хафизу! Не верьте! – неистовствует толпа тут в саду и там за оградой. – Он будет жить всегда, вечно в своих прекрасных газелях, в наших помолодевших сердцах. А придет время, мы похороним его с почестями где-нибудь под Ширазом... он будет лежать в Моселе, под звездами...

- Послушай, Хафиз, - подходят к великому персу, поверженному вином и собственной песней, русский поэт Сергей Есенин и испанский поэт Гарсиа Лорка. – Вот все мы тут, и вот еще одно звено в твоей «золотой цепочке», - это поэты Николай Рубцов и Леонард Золотарев из Орла.

- Орла давайте!

- Читать ему или петь?

- Пусть читает.

- Хафизу, – выступает вперед русский поэт. – Хафизу и всем его «чадам».

«Вот чудо сотворил ты, Леонард!»

- Какое чудо? – спрашивает Хафиз.

- А перевел Хафиза с Фета, - говорит Леонард.

- Ну давай.

- Ну а ты чего? – под музыку Чайковского обращается Хафиз к Николаю Рубцову. – Пой, что ли?

- Сам он не поет, - говорят, - его поют.

- Тогда ты пой за него, что ль, – обращается Хафиз к поэту из Орла.

Ну, я и пою: сначала «Видения на холме» Николая Рубцова, затем «Ферапонтово».

- Да здравствует Хафиз! Это ты собрал тут поэтов! Газели твои, сердце твое, душа твоя – в «золотой цепочке». Слава тебе, Поэт!

А в саду все неистовствуют соловьи, хор звучит, голос в сонмах:

- На лилиях и розах, на лилиях и розах

Узор в волшебных позах

Начертан мной в раю.

И соловьи, соловьи кругом.

- О люди – «исчадие крокодилов!» – подходит к краю ограды Хафиз. – Я люблю вас! Мы – дети Солнца, света, а не дети тьмы. Мы – поэты, мы – радость и восторг!

«Предав себя судьбе неприхотливой,

Душа моя жила, цвела, любила...

Орел летит, он – гений, он – орел,

Взлетает ввысь – дышать свободой!»

В отдалении звучит песня Есенина «Ты поила коня» (трио «Реликт»).

И мой голос в саду:

И я там был, блистал в той ночи –

В Хафиза «золотой цепочке».

«Черная вуаль», «Зеленое и голубое» – мои авторские песни.

Слова авторов пропущены через музыку моей души. Оркестры, музыка Чайковского, Бетховена и других.

(Магомет Шемзеддин – Персия, г. Шираз, 14-й век н.э.)

А.А.Фет

Из Хафиза

Представляя на суд истинных любителей поэзии небольшой букет, связанный в моем переводе из стихотворений персидского поэта, считаю нелишним сказать несколько слов, могущих способствовать верному воззрению на предлагаемые пиесы. Не зная персидского языка, я пользовался немецким переводом, составившем переводчику почетное имя в Германии; а это достаточное ручательство в верности оригиналу. Немецкий переводчик, как и следует переводчику, скорее оперсичит свой родной язык, чем отступит от подлинника. С своей стороны, и я старался до последней крайности держаться не только смысла и числа стихов, но и причудливых форм газелей, в отношении к размерам и рифмам, часто двойным в соответствующих строках.

Даже поверхностное знакомство с нашим поэтом служит отрадным подтверждением двух несомненных истин: во-первых, что дух человеческий давно уже достиг этой эфирной высоты, которой мы удивляемся в поэтах и мыслителях нашего Запада; во-вторых, что цветы истинной поэзии неувядаемы, независимо от эпохи и почвы, их производившей. Напротив того, если они действительно живые цветы, экзотическое их происхождение сообщает им особенную прелесть в глазах любителей.

Новым подтверждением тому, что Азия - страна чудес и вопиющих противоположностей, является странная судьба или, лучше сказать, странное духовное развитие нашего поэта.

Магомет Шемзеддин («Солнце веры»), по прозванию Гафиз, блюститель корана, так как он с начала до конца знал наизусть эту священную книгу, - родился в Ширазе и жил в нем с первого до последнего десятилетия XIV века нашей эры. Он принадлежал к секте дервишей и софов, или созерцательных мудрецов и мистиков, предавался богословским и философским трудам, сочинял в аскетическом вдохновении возвышеннейшие гимны, в которых попирали во

прах все плотское, за что и получил прозвание: мистический язык. Он был великим, славным учителем своего времени, окруженным толпою учеников и в качестве наставника состоял в такой милости при дворе, что великий визирь Хаджи-Ковамедцин-Магомет-Али выстроил для него отдельную школу. И вдруг, под старость лет, этот мистик и мудрец добровольно отказывается от всех плодов своих долговременных усилий, и бойкая песня старца расцветает теми яркими красками жизни, тем ароматом неподдельной свежести, какими украшены песни юности только немногих избранных; а между тем все, что пережил, изведal и перемыслил старец, звучит в его лире, перестроенной на новый лад.

Это нравственный переворот возбудил негодование в прежних приверженцах поэта; тем не менее у него нашлись благородные и просвещенные друзья. Окруженный их любовью и уважением, Гафиз скончался в глубокой старости в 1389 году. Прах его покоится в Моселе – одном из прелестных предместий Шираза и поныне привлекает почитателей поэта.

Переведенные мною песни относятся ко второй эпохе его деятельности, и я желал бы, чтобы читатель испытал хотя часть того наслаждения, которое выпало на долю моему труду.

* * *

Постскриптум. Как уже было сказано выше, на Международной Тургеневской конференции в Орле (сентябрь 2003 года) в Орловской государственном университете, я услышал выступление доктора филологических наук, профессора Натальи Петровны Генераловой (Пушкинский дом, Санкт-Петербург). Сообщалось о том, что Тургенев передал переводы немецкого переводчика персидского поэта Хафиза Фету и тот уже с немецкого перевел стихи на русский язык. Наталья Петровна прочитала два таких стихотворения, меня поразило сходство звучания и настроения фетовских переводов с «Персидскими мотивами» Есенина.

- Как вы считаете, это так? – задал я вопрос.

- Думаю, да, - ответила Генералова.

И вот какой комплекс мыслей, версий, предположений созрел у меня после этого. Исследователь сообщила также о том, что Тургенев, видимо, удовлетворяя свои поэтические амбиции, редактировал Фета и Тютчева. Действительно, прозрачность прозы Тургенева и поэзии Фета общеизвестны. Однако еще ранее я заметил, что после 68 лет у стихов Фета уровень снизился. Я отнес это на счет возраста поэта, однако после сообщения Генераловой думаю, что, вполне вероятно, это связано с тем, что в то время Тургенева не стало и редактировать фетовские тексты уже было некому.

В своем предисловии к немецкому переводу Хафиза Фет не называет имени немецкого переводчика. Почему? Высказывается предположение, что это могло быть очередной литературной мистификацией, что было характерно для XIX века (в частности, появились «Песни западных славян» Мериме, копия «Слова о полку Игореве», найденная в доме Мусиных – Пушкиных, что приписывалось Пушкину).

И вот переводы Хафиза, осуществленные Фетом с немецкого, попадают в мое поле зрения. В отличие от оригинальных стихов поэта, которые как отлиты, прямо-таки звенят, эти переводы Фета, как я понял, зайдя к ним со стороны возможности положить их на музыку, нуждаются в совершенствовании. В частности, только два стихотворения обладают рифмой, поются.

В общем, уже с Фета я «перевел» 17 стихотворений Хафиза из 27, выплыв, очевидно, роль Тургенева в наше время. А ниже даются стихи Хафиза в переводе с немецкого А.Фета. Потом, в концерте, поются эти мои «переводы» Хафиза с Фета.

* * *

Звезда полуночи дугой золотою скатилась,
На лоно земное с его суетою скатилась.

Цветы там она увидала и травы долины
И радостной их и живой пестротой пленилась.

Она услышала звонки говорливые стада
И мелких серебряных звуков игрою пленилась.

Коня увидала она, проскакавшего в поле,
И лошади статной летучей красою пленилась.

И мирными кровами хижин она и деревьев,
И даже убогой гнилушкой лесною пленилась.

И, все полюбя, уж на небо она не просилась –
И рада была, что ночью порюю скатилась.
1859.

* * *

О, если бы озером был я ночным,
А ты луною, по нем плывущей!
О, если б потоком я был луговым,
А ты былинкой, на ним растущей!
О, если бы розовым был я кустом,
А ты бы розой на нем цветущей!
О, если бы, сладостным был я зерном,
А ты бы птичкой, его клюющей!
1859

* * *

Мы, Шейзеддин со чадами своими,
Мы, шейх Хафиз и все его монахи –
Особенный и странный мы народ.
Удручены и вечных жалоб полны,
Без устали ярмо свое влача,
Роняя перлы из очей горячих,

Мы веселы и ясны, как свеча.
Подобно ей, мы таем, исчезаем
И, как она, улыбкой счастья светим.
Пронизаны кинжалами ресниц
Жестоких, вечно требующих крови,
Мы только в этих муках и живем.
В греховном море вечно утопая,
С раскаяньем нисколько не знакомы,
А между тем, свободные от злого,
Мы вечно дети света, а не тьмы –
И тем толпе вполне непостижимы.
Она людей трех видов только знает:
Ханжу, во-первых, варвара тупого,
Фанатика, с его душою мрачной,
А во-вторых – развратника без сердца,
Ничтожного, сухого эгоиста,
И, наконец, - обычной колесей
Бредущего; но для людей, как мы,
Ей не найти понятия и названья.
1859.

* * *

Если вдруг, без видимых причин,
Затоскую, загрузу один.

Если плоть и кости у меня
Станут ныть и чахнуть без причин,

Не давай мне горьких пить лекарств,
Не терплю я этих чертовщин.

Принеси ты чашу мне вина,
С нею лютню, флейту, тамбурин.

Если это не поможет мне,
Принеси мне сладких уст рубин.

Если ж я и тут не исцелюсь,
Говори, что умер Шейзеддин.

* * *

Я был пустынную страной;
Огонь мистический спалил
Моей души погибший дол;
Песок пустыни огневой,
Я там взвивался и пылил,
И, ветром уносимый,
Я в небеса ушел.
Хвала творцу: во мне он
Унял убийственный огонь,
Он дождик мне послал сырой,
И, кротко охлажденный,
Я прежний отыскал покой;
Бог дал мне быть веселой,
Цветущею землей.
1859.

* * *

О, как подобен я – смотри –
Свече, мерцающей впотьмах,
Но ты – в сияющих лучах
Восход зари.

Лишь ты сияй, лишь ты гори!
Хотя по первому лучу
Твой яркий свет зальет свечу,
Но умолять тебя хочу:
Лишь ты гори,
Чтоб я угас в твоих лучах!
1859.

* * *

Дано тебе и мне
Созвездием любовным
Украсить небеса:
Ты в них луною пышной,
Красавицей надменной,
Я плачущей Плядой,
При ней мои глаза.
1859.

* * *

Десять языков лилеи
Жаждают песни соловья.
С уст немеющих нисходит
Ароматная струя.
1859

* * *

Ветер нежный, окрыленный,
Благовестник красоты,
Отнеси привет мой страстный
Той одной, что знаешь ты.

Расскажи ей, что со света
Унесут меня мечты,
Если мне от ней не будет
Тех наград, что знаешь ты.
Потому что под запретом
Видеть райские цветы
Тяжело – и сердце гложет
Та печаль, что знаешь ты.
И на что цветы Эдема,
Если в душу пролиты
Ароматы той долины,
Тех цветов, что знаешь ты?
Не орлом я быть желаю
И парить на высоты;
Соловей Хафиз ту розу,
Будет петь, что знаешь ты.
1859.

* * *

Падет ли взор твой гордый
На голову во прахе
Трактирного порога,
Не тронь ее, молю я:
То голова Гафиза,
Что над собой не властен.
Не наноси ты словом
Ему или зазорным
Насилием обид.
Не знающее меры,
Все существо в нем, словно

Лишь из трактирной пыли
Всемилосердый создал:
Он знает, что творит.
Обдумай только это –
И кротким снисхождением
Твою исполнит душу
Тогда бедняги-старца,
Упавшего постыдно,
Неблагородный вид.
1859.

* * *

Книгу мудрую берешь ты, –
Свой бокал берет Хафиз;
К совершенству все идешь ты, -
В рабстве тягостном живешь ты,

Терпеливою овцой, -
Как пустынный лев в неволе,
Все оковы рвет Хафиз.
С тайной гордостью ведешь ты

Список мнимо добрых дел, -
Новый грех ежеминутно
На себя кладет Хафиз.

Многих избранных блюдешь ты
Поучением своим, -
К безрассудствам безрассудных,
Веселясь, зовет Хафиз.

Меч убийственный куешь ты
Покарать еретиков, -
Светлый стих свой, драгоценный,
Золотой кует Хафиз.

К небу ясному встаешь ты
Дымом тяжким и густым, -
Горной речки блеск и свежесть
В глубь долин несет Хафиз.

Все скажу одним я словом:
Вечно, бедный человек,
Горечь каждому даешь ты, -
Сладость всем дает Хафиз.
1859.

* * *

Ты в мозгу моем убогом
Не ищи советов умных:
Только лютней он веселых,
Только флейт он полон шумных.
1859

* * *

Пусть насколько хватит сил,
Чернь тебя клянет!
Пусть зелоты на тебя
Выступят в поход!

Ты не бойся их, Хафиз:
Вечно мелосерд,
Сам Аллах противу них
Твердый твой оплот.

Зельзебилами твою
Жажду утолит,
Сварит солнце для тебя
Рай из этих вод.

Чтобы горести твои
Усладить вполне,
Он бескрылого не раз
Ангела пришлет.

Мало этого: он сам,
В благости своей,
Поэтический венец
На тебя кладет.

И не Греция одна,
Даже и Китай
Песни вечные твои
С завистью поет.

Будут некогда толпой
Гроб твой навещать;
Всякий умница тебя
С честью поминать.

И когда умрешь ты, - твой
Просветленный лик
Солнце, блеском окружа,
В небо понесет.
1859.

* * *

В царство розы и вина приди,
В эту рошу, в царство сна – приди.

Утиши ты песнь тоски моей –
Камням эта песнь слышна – приди.

Кротко слез моих уйми ручей –
Ими грудь моя полна – приди.

Дай испить мне здесь, во мгле ветвей,
Кубок счастья до дна - приди.

Чтоб любовь до тла моих костей
Не сожгла – она сильна – приди.

Но дождись, чтоб вечер стал темней;
Но тихонько и одна – приди.
1859.

* * *

Веселись, о сердце – птичка,
Пой, довольная судьбиной,
Что тебя пленила роза,

Уж теперь тебе не биться
В грубой сети птицелова,
И тебя не тронут когти,
Не укусит зуб змеинный.

Правда, что занозы розы,
Глубоко в тебя вонзились.
И истечь горячей кровью
Ты должна перед кончиной.

Но зато твоей кончине
Нет подобной ни единой:
Ты умрешь прекрасной смертью,
Благородной, соловьиной.
1859.

* * *

Предав себя судьбам на произвол,
Моя душа жила голубкой мирной;
Но твой, о солнце, пламень к ней дошел.
И вот – смотри, что пепел произвел:
Свободных крыл гордясь стезей обширной,
Божественного гения орел
Дышать взлетает радостью эфирной.
1859

* * *

Грозные тени ночей,
Ужасы волн и смертей, -
Кто на покойной земле,

Даже при полном желаньи,
Вас понимать в состояньи?
Тот лишь один вас поймет,
Кто под дыханием бурь
В неизмеримом плывет
От берегов расстоянья.
1859

* * *

Ах, как сладко, сладко дышит
Аромат твоих кудрей!
Но еще дышал бы слаще
Аромат души твоей.
1859

* * *

В доброй вести, нежный друг, не откажи,
При звездах прийти на луг, – не откажи.

И в бальзаме, кроткий врач души моей,
Чтоб унять мой злой недуг, - не откажи.

В леденцах румяных уст, чтобы мой взор
За слезами не потух, - не откажи.

В персях, нежных, как лилейные цветы,
В этих округленных двух, - не откажи.

И во всем, на что завистливо в ночи
Смотрит неба звездный круг, - не откажи.

Смотрит неба звездный круг, - не откажи.
В том, чему отдавшись раз, хотя на миг,
Веки счастья помнит дух, - не откажи.
1859.

* * *

Ежели осень наносит
Злые морозы, - не сетуй ты:
Снова над миром проснутся
Великие грозы, - не сетуй ты.

Ежели мертвой листвою
Всюду твой взор ослабляется,
Знай, что из смерти живые
Выглянут розы, - не сетуй ты.

Если тернистой пустыней
Путь твой до Кабы потянется,
Ни на колючий кустарник,
Ни на занозы не сетуй ты.

Если Юсуф одинокий
Плачет, отторжен от родины,
Знай, что заблещут звездами
Жаркие слезы, - не сетуй ты.

Все переходчиво в мире,
Жребий и твой переменится;
Только не бойся судьбины
Злобной угрозы, - не сетуй ты.

* * *

Гиацинт своих кудрей
За колечком вил колечко,
Но шепнул ему зефир,
О твоих кудрях словечко.

1859

* * *

Твой вечно, неизменно,
Пока дышать я буду;
Усну ль я под землей –
Взлечу к твоей одежде
Я пылью гробовою.

1859

* * *

О помыслах Гафиза
Лишь он один да бог на небе знает.
Ему он только сердце
Греховное и пылкое вверяет.
И не одним прощеньем
Всемилосердый благ, - он благ молчаньем...
Ни ангелам, ни людям
Об этом он словечка не роняет.

1859

* * *

Сошло дыханье свыше
И я слова распознаю:
«Хафиз, зачем мечтаешь,

Что сам творишь ты песнь свою:

С предвечного начала

На лилиях и розах

Узор ее волшебный

Стоит начертанный в раю!»

1859

* * *

Уж если все от века решено, -

Так что ж мне делать?

Назначено мне полюбить вино, -

Так что ж мне делать?

Указан птице лес, пустыня - льву,

Трактир - Хафизу.

Так мудростью верховной суждено, -

Так что ж мне делать?

1860.

* * *

Не будь, о богослов, так строг!

Не дуйся, моралист, на всех!

Блаженства всюду ищем мы, -

А это уж никак не грех!

Нас, как израильских сынов,

Пустынный истомил побег,

И мы у неба просим яств,

А это уж никак не грех!

К чему нам райской шубы сень
И Гавриил на небесах?
Дверей трактира ищем мы,
А это уж никак не грех!

Да, нам старик – трактирщик – друг,
Мы сознаемся в том при всех, -
Притворства избегаем мы,
А это уж никак не грех!

Людскую кровь не станем лить
Мы для воинственных потех;
Льем виноградную мы кровь,
А это уж никак не грех!

Мы разверзаем клад души,
Чтобы для сладостных утех
Все перлы сердца раскидать,
А это уж никак не грех!

Мы славим милую в стихах,
И нас, быть может, ждет успех, -
Пленительным пленен поэт,
А это уж никак не грех!

Ты, как осел или верблюд,
Кряхтя, тащи тяжелый мех, -
Мы все, что давит, с плеч долой,
А это уж никак не грех!

1859

* * *

Хафиз убит. А что его убило, -
Свой черный глаз, дитя, бы ты спросило.

Жестокий негр! Как он разит стрелами!
Куда ни бросит их – везде могила.

Ах, если есть душа у райской птицы,
Не по тебе ль ее трепещут крыла?

Нет, не пугай меня рассудком строгим,
Тут ничего его не сможет сила.

Любовь свободна. В мире нет преграды,
Которая бы путь ей заступила.

О сострадании! Голос сердца нежный!
Хотя бы ты на помощь поспешила.

Знать, из особой вышла ты стихии, -
Хафиза песнь тебя не победила!
1860.

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ

Переводы

(Хафиз – немецкий переводчик – Тургенев – Фет – Леонард Золотарев)

На Международной Тургеневской конференции, проходившей в Орле осенью 2003 года, как я уже говорил, состоялось выступление научного сотрудника Пушкинского Дома в Санкт-Петербурге, доктора наук Генераловой Н.П., в котором, касаясь взаимоотношений русских писателей в XIX веке, Наталья Петровна остановилась на том, как в редакторском качестве Тургенев сотрудничал с Фетом. В частности, читая фетовские переводы персидского поэта 14 века н.э. Хафиза (Магомета Шемзедина). Предварительно, Тургенев передал Фету книгу стихов великого перса - работу немецкого переводчика. Фет решил перевести Хафиза, но, поскольку не знал языка оригинала, обратился к этому переводу. Такое, чтобы вовлечь в сферы своей национальной культуры значительные произведения мирового уровня, теорией перевода допускается.

Так, в частности, сам я перевел не так давно «Одиссею» Гомера с Жуковского. Подобным образом я решил перевести и Хафиза с Фета - сконцентрировать строку, осовременить, сам Фет переводил тоже ведь не с языка Хафиза.

Это решение было подкреплено таким фактом. Когда Генералова в зале, где проходила научная конференция, прочитала несколько стихотворений Хафиза в переводе Фета, у меня мелькнула мысль о типологической, духовной близости фетовских переводов с «персидскими мотивами» Есенина. Я задал вопрос по этому поводу. В моем интуитивно-художественном мире тут же выстроилась концептуальная «золотая цепочка» - от Хафиза до наших дней, до моего восприятия.

Вот она, эта «цепочка»:

«Хафиз – немецкий переводчик – Тургенев – Фет – Есенин и Гарсиа Лорка – Николай Рубцов и Леонард Золотарев».

Дело в том, что ранее мной была закончена многолетняя работа по выявлению музыкальной образности стиха, что для поэтики – по Аристотелю - име-

ет немаловажное значение. Создана «Страна Аэдия» (аэды у античных греков – собственно, авторы поэтических вещей, рапсоды – исполнители), по иному все это названо «Звуковая поэзия мира». В число пятнадцати вошел концерт, посвященный древним поэтам Персии «Халиф на час» (великому Ибн Аль-Мутазу – поэту Багдада). Тут же на конференции, всех мысленно я перебрал – Рудаки, Хакани, Хосров, Баки и т.д., а Хафиза что – проглядел? А ведь явная связь родного его Ширази, Хоросана с Есениным. «Значит, я вовек не из Ширази?»...

Нужно сказать, лично меня, при наличии на Орловщине таких поэтов, как Фет и Тютчев, «призвал» в поэзию Сергей Есенин. Когда-то, еще в тяжелое послевоенное детство, мне попался в руки томик его стихов, я прочитал его, и душа моя, онемев, захлестнулась от любви и восторга. Позже я узнал, что между мной и Есениным существуют какие-то неизъяснимые космические связи. Мой натуральный отец и мой, так сказать, отец «крестный» одного - 1895 года рождения. Так вот, долго меня мучила, притягивала к себе, как магнитом, мысль, каким это образом, как никто другой, Сергей Есенин смог пронзить русскую душу, само сердце народа? Интуитивно я пришел к испанскому поэту Гарсия Лорке (кстати, после узнал, не один я так думал – существует кандидатская диссертация Арсентьевой Н.Н.). Что сближает их, значит, немало. Есенин родом из Рязанщины, края Дикого поля, Лорка - из Андалузии, с края бывшего Кордовского халифата. Колориты, краски Востока, острое чувство слова.

«Персидские мотивы» Есенина провели меня по творчеству поэтов Востока. Наконец, сконцентрировали вокруг а'капельно-исполнительского, авторского концерта «Халиф на час», посвященного Ибн Аль-Мутазу. И тут это сообщение Генераловой о Хафизе, о его немецких переводах, о Тургеневе и Фете. И вот вытянулась эта «золотая цепочка», приведшая Хафиза ко мне.

Обладая переводческим опытом с французского, древнерусского, положив перед тем лучшие стихи персидских поэтов на музыку своей души, я перевел с Фета и Хафиза. Затем «озвучил» стихи Хафиза, составил концерт, который так и назвал «Золотая цепочка Хафиза». Включил его – в числе пятнадцати

– в «Звуковую поэзию мира». Теперь Есенин и Лорка занимают свое место на пленке не только с Омаром Хайямом, Хосровом, Рудаки, ибн аль-Мутазом, Махмудом Баки и другими, но и с Хафизом.

Когда я «переводил» Хафиза с Фета, я, конечно, обратил внимание на замечание Фета о точности немецкого переводчика. Однако считаю – главное в переводе, как и вообще-то в литературе, – это художественность, само искусство, поэзия. Состоялось ли произведение, пронзило ли, душу, как говорил Жорж Помпаду, с одного разу?

Переводя великого перса, оставившего, подобно Гомеру, свой след в литературе, я обратил внимание на существование и этого следа «хафизовского». Все связано в мире поэзии: Восток и Запад, античная Греция и персидское средневековье. Кстати, у Хафиза (14 в. н.э.) в одном из стихов звучит сравнение вина виноградного с «кровью» («кровь виноградную мы льем»), что встречалось уже где-то у Гомера, в его «Одиссее» (7 в. до н.э.).

И таких «отметин» в моих ощущениях немало: розы – цветы Хафиза и «Цветы Зла» Бодлера; сама тональность бодлеровских стихов о старом солдате и о вине, как и стихи Хафиза о старом поэте, летописце, лежащем на траве; мотивы дождя у Поля Верлена и у Хафиза; мадригальные ноты Хафиза и Гарсиа Лорки; с Есениным связь откровенна.

Тонкость, точность, раскованность, одухотворенность слова – прямое попадание в сердце. Это – первый среди интеллигентов, это умный, одаренный, совестливый слой в народе; сам не зная о том, пишет об этом Хафиз:

Однако для таких, как ты, змее

Понятья и названья недостало.

(«Змее» мудрости, – авт.)

И еще один извив мысли о неоднозначности Хафиза. Акцентируем тот факт, что Хафиз был мистическим поэтом, он дервиш, из секты софов. Таковы корни его поэзии. В тех местах Средней Азии некогда существовали такие государства, как Мидия и Гиркана, со своей мистикой, черной магией. Это туда еще в 5 в. до н.э. стремился Александр Македонский. И, завершив свой персид-

ский поход, умер в Багдаде, вероятнее всего, отравленный. И еще. Перед самой Отечественной в Самарканде, в Гур-эмире, был вскрыт саркофаг с останками великого Тамерлана. Сталин считал, что, возможно, именно благодаря этому полководцу, Русь одолела Золотую Орду, преодолела трехсотлетнее иго. «Железный хромой» первый победил сибирского хана Тохтамыша. По легенде – один из шейхов, будучи софом, кинул в уже дрогнувшего Тохтамыша горсть мелких камней со словами: «Они побежали». И, действительно, Тохтамыш был разбит. Затем с ним, уже ослабленным, на Иртыше встречался Ермак. Так гласит восточная легенда.

В Самарканде, к храму «Гур-Эмира», в государственную комиссию перед самой Великой Отечественной, накануне вскрытия саркофага, явились три дервиша, они показали священную книгу на арабском: вскроете – будет война. Это было 21 июня 1941 года. Оператор, будучи затем военным кинохроникером, под Ржевом встречался с Жуковым, просил доложить о Гур-эмире Сталину, захоронить останки Тамерлана. Великий атеист принял трудное для себя, но «судьбоносное» решение. Останки Тамерлана возили на самолете вокруг Москвы над войсками, состоявшими во многом из жителей Средней Азии. Вдохновляя, возили также православную икону Владимирской Божьей Матери – заступницы Москвы.

В августе 1943-го останки Тамерлана захоронили. Результат, как говорится, известен. Даже большевики в трагический момент истории использовали мистику в своих целях.

Хафиз был мистическим поэтом, из секты софов. И вот Персия, 14-й век, Европа накануне Возрождения.

Переводы (для концерта) с А.Фета - Леонарда Золотарева.

* * *

Мы, Шемзеддин, со чадами своими,
Мы, шейх Хафиз, и весь его народ,
Что странно так, особенно живет,
Удручены и жалоб мы полны; такими,

Без устали ярмо свое влача,
Роняем перлы часто сгоряча.
Однако веселы и таем, как свеча.
О тени, исчезая, воском метим!
О как улыбкой, словом счастья светим!
Пронизаны кинжалами ресниц,
Мы в сладких муках, упадая ниц,
Творим в греховном – Верой и Любовью.
С раскаяньем крепка не так уж связь,
А, между тем, свободные от зла,
Мы – дети света, а не тьмы; глумясь –
Три сорта за людей тут почитают.
Во-первых, варвара, тупого и ханжу,
Еретика, их мрак за свой считают.
А, во-вторых, развратнику, ножу
Кровавому, ничтожным присягают.
И, наконец, - в обычный колее
Бредущие, и их немало.
Однако для таких, как мы змее
Понятья и названья недостало.

Это змее - мудрости внимание и понятий недостало.

Какие же три главные крыла искусства? Эстетическое, нравственное, развлекательное. И все три – в узле нерасторжимом, все – у Хафиза.

По Тургеневу - ирреальное как в самом человеке, так и вне его; по Мережко – вне, поскольку очевидно, что человек – частица сущего, единого целого. О, Хафиз! Мы с тобой, мы единое там и тут в «золотой цепочке» на груди твоей, о Хафиз!

Ах, не слететь бы за пределы чисел! (Шарль Бодлер).

И я пою есенинское:

- Никогда я не был на Босфоре,

И ты мне не говори о нем!

Все равно глаза твои, как море,

Голубым колышутся огнем.

А затем следует все это из Хафиза.

* * *

Если осень наносит

Зло морозом, узоры, - не сетуй.

Смотрят в миры за осень

Вешние воды, - не сетуй.

Если умрут, золотые

Листья, чем и спасаются,

Знай, что оттуда живые

Розами возвращаются.

Если тернист пустыней

Путь до Каабы, - не сетуй.

Ни на колючки сильных,

Ни на занозы слабых.

Если Юсуф одинокий

Плачет, оторван от родины,

Знай, уж звездой высокой

Путь слезы пройден.

Все переходчиво в мире,
Чарам, Хафиз, способствуй – не сетуй,
Только играй на лире,
Не изменяй ей, не злобствуй.

* * *

Я был пустынной страной,
Огонь мистический спалил
Моей души кристалл и пыл;
Песок пустыни огневой –
Я так взвивался и пылил,
И, ветром уносимый,
На небеса летел, там был;
Хвала творцу, что он, родимый,
Унял убийственный огонь
И дождик мне послал – короткий
И кроткий, охлажденный; конь
Мой отыскал покой.
О боже! Дай мне быть такой
Цветущей, радостной страной.

* * *

Дано тебе и мне с тобой
Созвездием любовным
Украсить небеса; Любовь,
Ты в нас жива – Луной моей,
Красавицей надменной,
Плеядой во вселенной,
Глаза мои при ней.

* * *

Ветер нежный, окрыленный,
Вихрь летящий красоты!
Отнеси привет влюбленной,
Той одной, что знаешь ты.

Расскажи ей, что заманят
И сразят ее черты,
Если от нее не станет
Тех наград, что знаешь ты.

Невозможно ведь при этом
Видеть райские цветы.
Несвободна, под запретом
Та печаль, что знаешь ты.

И зачем сады Эдема,
Если в душу пролиты
Аромат долин, гарема,
Тех цветов, что знаешь ты?

Не орлом парить желаю -
Соловьями с высоты.
Я, Хафиз, и воспеваю
Розу ту, что знаешь ты!

* * *

Первый поклонник.

Десять языков лилеи
Жаждут песни соловья.

С уст Хафиза льет, немея,
Ароматная струя.

* * *

Второй поклонник.

О помыслах Хафиза
Лишь он один да бог на небе знает,
Хафиз ему лишь доверяет.
Греховное и пылкое свое.
И не одним прощеньем
Всемилосердый благ – молчанья рвеньем.
Но ангелам и людям Бог дает,
А ни словечка не роняет.

* * *

Третий поклонник.

Гиацинт своих кудрей
За колечком вьет колечко.
Но шепнет ему зефир,
И колечко нырь в словечко,
За словечком – мир.

* * *

Четвертый поклонник.

Твой вечно, неизменно,
Пока дышу, дышу ли,
Усну ли незабвенно,
Взлечу ли я, лечу ли –
К тебе моей вечно живой
Я пылью гробовой.

* * *

Пятый поклонник.

Сошло дыханье свыше,
И я слова распознаю:
- Хафиз, зачем, когда ты пишешь,
Смеясь – выводишь песнь свою?

Хафиз в ответ:

- На лилиях и розах, на лилиях и розах
Узор в волшебных позах
Начертан мной в раю.

* * *

Хафиз, говоря самим близким: «А это вам»:

Уж если все навеки решено,
Так что ж мне делать?
Назначено мне пить вино, -
Так что ж мне делать?

Указан птице лес, пустыня - льву,
Трактир - Хафизу.
Так, бедный, по указке и живу –
А что мне делать?

БОГОСЛОВСКАЯ ПЕСЕНКА

Не будь, о богослов, так строг!
Не злись на наш успех!
Блаженства людям дарит Бог, -
А это уж не грех!

Нам, утомленным, - истомясь,
Пустыня медлит бег.

У Неба просим пить – не яств, -
А это уж не грех!
Прости Хафизу.

В раю деревья вдоль кромы,
Но сушь на небесах,
Вот дверь в трактир и ищем мы, -
А это уж не грех!
Прости Хафизу.

Да, нам трактирщик старый друг,
Сознаемся при всех!
Едим, как все, а пьем за двух, -
А это уж не грех!

Чего поем, когда мы пьем
В честь воинских потех!
Кровь виноградную мы льем, -
А это уж не грех!

Мы славим милую в стихах,
Поверь, нас ждет успех.
Пленен поэтами поэт, -
А это уж не грех!

- Ты, как осел, верблюд худой,
Кряхтя, все тащишь мех.
А мы свой груз с плеча долой, -
А это уж не грех!

Прости, прости Хафизу!

ТРАКТИРНАЯ ПЕСНЯ

Падет ли взор чей гордый
На голову во прахе,
В трактире на пороге
Лежу я - пьян - на плахе.

- Не троньте вас, – прошу я, –
То голова Хафиза.
Богов не поношу я,
Собаками облизан.
Смотрите же: Хафиз лежит!
Не наноси ему обид,
Восторженный пиит!

Не зная меры
Пил он, пел,
Все существо его из пыли
Трактирных ужасов и былей.
Всемилосердый дал тот вид,
А он ведь знает, что творит.

- Прохожий, стань, остановись!
Подумай и про это,
Со снисхождением глядя вниз:
Ведь это тут твой брат лежит,
Бедняга – старец, тень поэта.
А мог, состарясь и ты,
Упав, лежать с Хафизом где-то.

* * *

Веселись, милашка-птгичка!
Пой, довольная собой.
Запленилась, невеличка,
Розой царственной одной.

Посиди тут, чтоб не биться
В сетях тонких паутины.
Не души, мизгирь, той птицы!
Не кусай. и зуб змеиный!

Чтоб занозы алой розы
Глубоко в тебя вонзились,
Я скажу перед кончиной:
- О Хафиз, Хафиз! Прекрасно
Вместе с песней соловьиной
Уходить светло и ясно.

* * *

Предав себя судьбе непрехотливой,
Душа моя жила, цвела, любила.
Но твой, о Солнце, пламень вдруг пришел –
Испепелил живое, горы, дол.

И вот смотри, что пепел произвел:
Гордясь собой, высокою породой,
Орел летит, он – гений, он – орел,
Взлетает ввысь – дышать Свободой!

* * *

Пусть, насколько хватит сил,
Чернь тебя клянет.
Пусть в поход, кто не ходил,
На тебя пойдет!

Ты не бойся их, Хафиз,
Бог тебя спасет.
Небеса в сияньи роз –
Твердый твой оплот.

Он святой водой твою
Жажду утолит.
Солнце жаркое в раю
С ним не утомит.

Сам все горести твои
Услади, уйми!
Пой, Хафиз, стихи свои,
Крылья распрями!

Это Ангелов-отец,
Бог небесный, шлет,
Поэтический венец
На тебя кладет.

И не Греция одна
Даже не Китай
Пьют, Хафиз, тебя до дна, -
Целый мир, считай.
А умрешь – пойдут толпой,
Станут навещать.

Всякий умник молодой
Всякое вещать.

Слушай, слушай их, Хафиз,
Просветленный – спишь,
Снизу вверх и сверху вниз –
К Ангелам летишь.

* * *

Хафиз убит! А что его убило?
Что черный глаз на метры положило?
О черный человек! Разящих стрел мерило.
Куда их ни метнешь – тлен и могила.

Дыша у рая, прошлого граница,
Не по тебе ли тень трепещет, мнится.
Пугает и бежит рассудок строгий.
Чего не может он, то могут Боги.

Любовь свободна. В мире нет светила,
Которое бы путь ей перекрыло.
Страданье! Нежность! Голос на стихи!

Хотя б ты петъ на помощь поспешил.
Моя любовь! Ты из таких стихий,
Что и Хафиз тебя не победил!

ХАФИЗУ

Вот чудо сотворил ты, Леонард!
Вот Чудо!
Пою, перевожу основы – бард,
А все оттуда.

Ты первый, о Хафиз!
Кладешь прекрасно.
Все признают: и верх, и низ,
А класть – опасно.

Ты первый – кто интеллигент,
О, боже!
Когда понятия даже нет,
Названья тоже.

А я бреду от тех веков
И так считаю:
Вон где я слышу мужиков,
А тут читаю.

Пью, что и ты, мой друг Хафиз!
Один исток.
Есенин – Лорка, розы - бриз,
Закат – Восток.

Ибо, в века соединяясь,
Вы и спесивы,
Халиф на час, - о черный князь,
Как вы красивы!
И ты, Хафиз! И твой Шираз!
Змеей обвилось слово –
Трясу созвездья с чуда глаз,
В сад яблоки летят.

10 февраля 2004 г.

Россия, г.Орел

Концерт тринадцатый
ПО ДИКИМ СТЕПЯМ
(Русская песня)

Поезд идет на Восток. Москва – Владивосток. Скорый, экспресс. Раньше – на дровах – по месяцу через всю страну ехали. Женились – разводились – детей рожали. Теперь трое суток проехали, а уже почти середина пути.

Вот в эту ночь и Байкал. А у меня с утра день рождения. Утром выпили – день свободен. Вечером опять занят. Четверо нас в купе: офицер с женой – с Чукотки, мужик один из Забайкалья – лесоповал и я, нагрузили меня деньгами, в ресторан вагонный послали. Мужика этого, Филиппа, дали в напарники. Возвращаемся на базу, через купейный перед нашим. По пять бутылок зажато между пальцами в каждой руке.

А в купейном – народищу! Не пробиться. Тарабарщина. Одна на русском мне и говорит:

- Вот, день рождения отмечаем.

- А я на БАМ еду... от журнала...

- Это все шведы, - говорит женщина – гид. – На Байкал едут. Посмотреть.... А вот ей, - показывает она на белокурую бестию – симпатягу такую, - сегодня стукнуло 18. Отмечаем.

- Вот вам, – суют мне бокал. – И вот вам, - суют бокал Филе.

- Куда ж это? – слушаюсь я. И ш-шарах – пять бутылок со всех пяти пальцев в массы:

- А это от меня! Кому?.. Христе, что ли? Ну, этой – вашей восемнадцатилетней.

Взрыв такой, веселье естественное! И пошло-поехало.

- Тост! – кричат. – Тост!

Про Петра I им сказал. Про его филантропию, мизантропию и пацифизм, про нас с вами.

- Питер, Питер! – кричат. – Молодец! Научил нас дружить.

- Спойте! – далее вопят. - Спойте! Русскую песню.

Романтическая гитара. «Аранхуэзский концерт».
Борис Рубашкин. Славное море, священный Байкал.
Георгий Свиридов. Романс.
Леонард Золотарев. Ноченька.
Оскар Строк. Черные глаза.
Попурри. Очи черные.
Ф.И.Шаляпин. Очи черные.
Поет Леонард Золотарев. «Ехали цыгане»,
«Шумел камыш»,
«Ямщик, не гони лошадей».
«Чаша Грааля» (стихи).
«Когда я на почте».
Кубанский казачий ансамбль. «Есаул».
Л.И.Русланова. «Окрасился месяц багрянцем».
«Вечерний звон», «Чубчик», «Мурка».
Оскар Строк. Мелодия.
«Черный ворон»,
«Ой, мороз, мороз!»
Л.И.Русланова. «Валенки».
«Темно-вишневая шаль» (Л.Золотарев).
Ф.И.Шаляпин. «Ноченька».
Поет Л.Золотарев. «Расступитесь, леса темные»,
«Соловушка».
Л.И.Русланова. «По диким степям».
Кубанский казачий ансамбль. «Маруся».

Славное море, священный Байкал

Славное море, священный Байкал,
Славный корабль – омулевая бочка.
Эй, баргузин, пошевеливай вал!
Молодцу плыть недалечко.

Долго я тяжкие цепи носил,
Долго бродил я в горах Акатуя.
Старый товарищ бежать пособил,
Ожил я, волю почуя.

Славное море, священный Байкал,
Славный мой парус – кафтан дыроватый.
Эй, баргузин, пошевеливай вал!
Слышатся грома раскаты.

Ноченька

Ой ты, ноченька,
Ночка темная,
Ночка темная,
Ночь осенняя.

Что ж ты, ноченька,
Принахмурилась?
Что ж, осенняя,
Затуманилась?

Что ж ты, девица,
Призадумалась?

Или нет у тебя
Друга милого?

Ах ты, ноченька,
Ночка темная,
Ночка темная,
Ночь осенняя.

Очи черные

Очи черные,
Очи жгучие,
Очи страстные
И прекрасные,

Как люблю я вас,
Как боюсь я вас!
Знать, в недобрый час
Повстречал я вас.

Скатерть белая
Залита вином.
Все цыгане спят
Непробудным сном.

Лишь один не спит,
Пьет шампанское
За очи черные
За цыганские.

Ах, цыганочка,
Ты мне нравишься
Поцелуй меня,
Не отравишься.

Поцелуй меня,
Потом я тебя.
Потом вместе мы
Поцелуемся.

Очи черные,
Очи страстные,
Очи жгучие
И прекрасные,

Как люблю я вас,
Как боюсь я вас
Знать, в недобрый час
Повстречал я вас.

Шумел камыш

Шумел камыш, деревья гнулись,
А ночка темная была.
Одна возлюбленная пара
Всю ночь гуляла до утра.

А по утру они вставали,
Кругом помятая трава.
Да не одна трава помята,
Помята молодость моя.

Придешь домой, а дома спросят,
Где ты гуляла, где была?
А ты скажи, в саду гуляла,
Домой тропинки не нашла.

А если дома ругать будут,
То приходи опять сюда.
Она пришла, его там нету,
Его не будет никогда.

Шумел камыш, деревья гнулись,
А ночка темная была.
Одна возлюбленная пара
Всю ночь гуляла до утра.

Ямщик, не гони лошадей
Как грустно, туманно кругом.
Тосклив, безотраден мой путь.
А прошлое кажется сном,
Томит наболевшую грудь.

Ямщик, не гони лошадей,
Мне некуда больше спешить,
Мне некого больше любить,
Ямщик, не гони лошадей.

Как жажду средь мрачных равнин
Измену забыть и любовь.
Но память – мой злой властелин –
Все будит минувшее вновь.

Ямщик, не гони лошадей,
Мне некуда больше спешить,
Мне некого больше любить,
Ямщик, не гони лошадей.

Все было лишь ложь и обман.
Прощай и мечты, и пской.
А боль незакрывшихся ран
Останется вечно со мной.

Ямщик, не гони лошадей,
Мне некого больше любить,
Мне некуда больше спешить,
Ямщик, не гони лошадей.

Окрасился месяц багрянцем
Окрасился месяц багрянцем,
Где волны шумели у скал.
Поедем, красotka, кататься,
Давно я тебя поджидал.

Я еду с тобою охотно,
Я волны морские люблю.
Дай парусу полную волю,
Сама же я сяду к рулю.

Ты правишь в открытое море,
Где с бурей не справишься нам.
В такую шальную погоду
Нельзя доверяться волнам.

Нельзя, почему ж, дорогой мой?
О прошлой минувшей судьбе
Ты вспомни, изменщик коварный,
Как я доверялась тебе.

Окрасился месяц багрянцем,
Где волны шумели у скал.
Поедем, красotka, кататься,
Давно я тебя поджидал.

Черный ворон

Черный ворон, ты не вейся
Над моею головой.
На добычу не надейся,
Черный ворон, я не твой.

Что ж ты когти распускаешь
Над моею головой.
Иль добычу себе чаешь?
Черный ворон, я не твой.

Взял невесту тиху, скромну
В чистом поле, под кустом.
Обвенчала мать нас – сваха,
Сабля вострая моя.

Черный ворон, ты не вейся
Над моею головой.
На добычу не надейся,
Черный ворон, я не твой.

Ой, мороз, мороз

Ой, мороз, мороз,
Не морозь меня!
Не морозь меня,
Моего коня.

Моего коня
Белогривого.
У меня жена,
Ой, ревнивая!

У меня жена,
Ох, красавица!
Ждет меня домой,
Ждет, печалится.

Я приду домой
На закате дня.
Обниму жену,
Напою коня.

А.Кольцов

«Расступитесь, леса темные»

Расступитесь, леса темные!
Разойдитесь, реки быстрые!
Запылись ты, путь – дороженька,
Дай мне весточку, моя пташечка.

Я рекой пойду да по бережку,
Полечу горой да за облачко.

На край света, на край белого,
Искать стану друга милого.

Я найду, где бы ни был он.
Я скажу ему, стыдно – совестно
Бросить дом свой, отца старого
Да бог весть где, эх да, завихриться.

Как завьет он кудри черные,
Как наденет кафтан бархатный,
Подпояшет кушак шелковый,
Поцелует меня ласково.

Расступитесь, леса темные!
Разойдитесь, реки быстрые!
Запылись ты, путь-дороженька,
Дай мне весточку, моя пташечка.

А.Кольцов. «Соловушка»

Ты не пой, соловей,
Над моим окном.
Улети в леса
Моей родины.

Расскажи, как без нее здесь
Увядая я,
Что трава по степи
Перед осенью.

Без нее ночью мне
Месяц сумрачен.
Среди дня без огня
Ходит солнышко.

Кто взглянет на него,
Примет ласково,
На чью грудь положу,
Склоню голову.

Что ж поешь, соловей,
Над моим окном?
Улетай, улетай
К душе – девице.

По диким степям Забайкалья

По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащится с сумой на плечах.

Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбацкую лодку берет.
Унылую песню заводит,
Про Родину что-то поет.

Бродяга Байкал переплывает.
Навстречу родимая мать.
Ах, здравствуй, ах, здравствуй, родная,
Здоров ли отец, старший брат?

Отец твой давно уж в могиле,
Давно он землю зарыт.
А брат твой давно уж в Сибири,
Давно кандалами звенит.

Пойдем же, пойдем, мой сыночек,
Пойдем же в курень наш смазной.
Вернулся домой, мать встречает,
И плачут детишки гурьбой.

Концерт четырнадцатый

НЕЖНОСТЬ

(Русский романс)

Лирический сюжет. Действие разворачивается в музее писателей-орловцев в г.Орле, во время юбилея поэта Саши Логвинова.

Сторона А.

А.Пахмутова. «Нежность».

Исполняет Татьяна Доронина (из к/ф «Три топселя на Плющихе»).

Анна Герман. «Надежда».

И.С.Тургенев. «Утро туманное».

Романтическая гитара.

А.Фет. «На заре ты ее не буди».

А.Фет – Л.Золотарев. «Когда я блестящий в той локон целую»,

«Соловиное эхо».

Ф.И.Тютчев. «Я встретил вас».

Поет Галина Карева. «Темно-зеленый изумруд».

Лайма Вайкуле. «Еще не вечер».

Гитара, Гойя. «Мария – Элен».

Алексей Апухтин. «Пара гнедых».

Гитара, Гойя.

Поэт Леонард Золотарев. «Мой костер», «Прощай, мой табор».

Георгий Свиридов. Романс.

Сторона В.

Александр Подболотов. «Что взгрустнулось?»

«Не брани меня, родная».

«Что так жадно»...

Сергей Есенин. «Не жалею, не зову, не плачу» (поет Алекс Шоу).

Сергей Есенин – Леонард Золотарев. «Я спросил сегодня у менялы».

«Никогда я не был на Босфоре».

«Вечер черные брови насопил».

Галина Великанова. «Ландыши».

Поэт Леонард Золотарев.

Николай Рубцов. «Ферапонтово».

«Деревенские ночи».

«Зеленые глаза» (моя авторская песня).

София Ротару. «Лаванда».

Поэт Леонард Золотарев. «Не уходи, побудь со мною».

«Всегда и везде за тобою».

«Ночь светла».

Александр Подболотов. «Утро туманное».

А.Фет «Когда я блестящий твой локон»...

Когда я блестящий твой локон целую

И жарко дышу так на милую грудь,

Зачем говоришь ты про деву иную.

И в очи мне прямо не смеешь взглянуть.

Хоть вечер и близок, не бойся, от стужи

Тебя я в широкий свой плащ заверну.

Луна не в тумане, а звезд, хоть и много,

Хоть сердце не веруй, хоть веруй мгновенье
И взор мой, и трепет, и лепет пойми.
И жарким лобзаньем, спаливши сомненье,
Ревнивая дева меня обойми.

Соловьиное эхо

Я жду – соловьиное эхо
Несется с блестящей реки.
Трава при луне в бриллиантах,
Горят и горят светляки.

Я жду – темно-синее небо
И в мелких, и в крупных звездах.
Я слышу биение сердца
И трепет в руках и ногах.

Я жду – вот повеяло с юга,
Тепло мне стоять и идти.
Звезда покатила на запад.
Прости, золотая, прости!

Темно-зеленый изумруд

Не пурпурный рубин,
Не аметист лиловый,
Не наглой белизной сверкающий алмаз
Не подошли бы так к лучистости суровой
Холодных ваших глаз,

Как этот тонко огранный,
Хранящий тайну темных рук,

Ничьим огнем не опаленный,
В ничто на свете не влюбленный
Темно-зеленый изумруд.

Мне не под силу дым
Мучительных страданий.
Пускаю разлукою
Ославят их года,
Чтоб в ярком золоте
Моих воспоминаний
Сверкали б вы всегда,

Как этот тонко ограненный,
Хранящий тайну темных рук,
Ничьим огнем не опаленный,
В ничто на свете не влюбленный
Темно-зеленый изумруд.

Алексей Апухтин. «Пара гнедых»

Пара гнедых, запряженных зарею,
Тощих, голодных и грустных на вид,
Вечно бредете вы мелкой рысцою,
Вечно куда-то ваш кучер спешит.

Были когда-то и вы рысаками,
И кучеров вы имели лихих.
Ваша хозяйка состарилась с вами,
Пара гнедых, пара гнедых.

Ваша хозяйка в старинные годы
Много хозяев имела сама.
Опытных в дом привлекала из моды,
Более нежных сводила с ума.

Таял в объятьях любовник счастливый,
Таял порой капитал у иных.
Часто стоять на конюшне могли вы,
Пара гнедых, пара гнедых.

Грек из Одессы и жид из Варшавы,
Юный корнет и седой генерал,
Каждый искал в ней любви и забавы
И на груди у нее засыпал.

Где же они, в какой новой богине
Ищут теперь идеалов своих?
Вы, только вы и верны ей поныне –
Пара гнедых, пара гнедых.

Вот отчего, запрягаясь с зарею
И голодая по несколько дней,
Вы подвигаетесь мелкой рысцою
И возбуждаете смех у людей.

Старость, как ночи, как и ей угрожает,
Говор толпы невовратно затих.
И только кнут вас порою ласкает,
Пара гнедых, пара гнедых.

Сергей Есенин – Леонард Золотарев
«Я спросил сегодня у менялы»

Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной лалы
По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы
Легче ветра, тише ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной лалы
Слово ласковое «поцелуй»?

И еще спросил сегодня у менялы,
В сердце радость глубже притая,
Как сказать мне для прекрасной лалы,
Как сказать мне, что она моя?

И ответил мне меняла кратко:
«О любви в словах не говорят.
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.

Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах.
Алой розой поцелуи веют,
Лепестками тая на губах.

От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.

«Ты моя», - сказать лишь могут руки,
Что срывали черную чадру».

Николай Рубцов – Леонард Золотарев

«Ферапонтово»

В потемневших лучах горизонта
Я смотрел на окрестности те,
Где узрела душа Ферапонта
Что-то божье в земной красоте.

И однажды возникла из грезы,
Из молящейся этой души,
Как вода, как трава, как березы,
Диво дивное в русской глуши.

И небесно-земной Дионисий,
Из соседних явившись земель,
Это дивное диво возвысил
До черты небывалой досель.

Неподвижно стояли деревья,
И ромашки белели во мгле.
И казалось мне эта деревня
Чем-то самым святым на земле.

**Леонард Золотарев «Зеленые глаза»
(моя авторская песня)**

Своими я зелеными глазами
Гляжу на мира всяческий окрас.

Себе погоду делаем мы сами,
И что погода делает из нас?

Стареем мы, сполна дается сдача.
Виски белеют, как примета лет.
Не покидай меня, моя удача.
Не выцветай ты, мой зеленый цвет.

Своими я зелеными глазами
Всю жизнь гляжу на наш двадцатый век.
Себе погоду делаем мы сами,
И что с того, она не человек.

Стареем мы, сполна дается сдача.
Сказал словечко молодой сосед.
Не покидай меня, моя удача.
Не выцветай ты, мой зеленый цвет.

Мы все уйдем, уходим понемногу.
Да не спешите ж нас толкать туда.
Проходит день за днем и слава богу.
Приходит ночь, и это не беда.

Своими я зелеными глазами
Всю жизнь гляжу на прожиганье дней.
Не покидай меня, мой лед и пламень,
Не выпадай, зеленый, из огней.

«Не уходи, побудь со мною»

Не уходи, побудь со мною.
Здесь так отрадно, так светло.
Я поцелуями покрою
Уста и очи, и чело.
Побудь со мной, побудь со мной.

Не уходи, побудь со мною,
Я так давно тебя люблю.
Тебя я лаской огневою
И обожгу, и утомлю.
Побудь со мной, побудь со мной.

Не уходи, побудь со мною,
Пылает страсть в моей груди.
Восторг любви нас ждет с тобою,
Не уходи, не уходи.
Побудь со мной, побудь со мной.

«Ночь светла»

Ночь светла. Над рекой
Тихо светит луна.
И блестит серебром
Голубая волна.

Темный лес. Там в тиши
Изумрудных ветвей
Громких песен своих
Не поет соловей.

Милый друг, нежный друг,
Я, как прежде, любя,
В эту ночь при Луне
Вспоминаю тебя.

В эту ночь при Луне
На чужой стороне,
Милый друг, нежный друг,
Помни ты обо мне.

В эти ночь расцвели
Голубые цветы.
Они в сердце моем
Пробудили мечты.

Ночь светла. Над рекой.
Тихо светит Луна.
И блестит серебром
Голубая волна.

7 марта 2003 г.

г.Орел, Россия

Концерт пятнадцатый
ПОЛОНИЯ
(Славянская тетрадь)
Лирическая новелла

Сторона А.

Действие происходит в Польше, в Желязовой Воле – родовом имении Шопена. Красивое, биоэнергетическое место Земли. Концерт. Звуки рояля из

распахнутых окон одноэтажного домика композитора.

Фредерик Шопен. Вальс №7.

Адам Мицкевич. Сонет «Извинение».

Юлиан Тувим. «Акация», «Трава», «Скерцо».

Фредерик Шопен. «Мазурка».

Юлиан Тувим. «Кабы стал я королем».

Станислав Гроховяк. «Из дерева выточена».

Шопен. Вальс си-бимоль.

Анна Герман. «Дубрава», «Письмо Шопену».

Леонард Золотарев. «Зеленое и голубое».

Шопен. «Революционный этюд».

Отон Жупанчич (серб.). «Детская молитва».

Халина Посвятовская. «Халина».

Ежи Харасымович. «Костер».

Стефан Ветвицкий. «Гулянка».

Шопен. Вальс №7.

Адам Мицкевич. Сонет «Извинение»

В толпе ровесников я пел любовь, бывало.
В одной встречал восторг,
Всегда любовь, тоска, ты вечно о своем.
Чтобы поэтом стать, подобных бредней мало.

Ты разумом созрела, и старше сердце стало.
Так что ж оно горит младенческим огнем?
Ужель ты вдохновлен высоким божеством,
Чтоб сердце лишь себя всечасно воспевало?

Был справедливо упрек и вслед Урсыну я
Алкея взял высоким древним строем.
Тотчас запел хвалу прославленным героям,

Но разбежались тут и лучшие друзья.
Тогда, рассвирепев, я лиру бросил в лету.
Как видно, слушать их всегда под стать поэту.

Юлиан Тувим. «Акация»

Волшебная ночь не жалеет для неба алмазов.
И встал надо мною богатством таким небосвод.
Как будто с рожденья еще не любил я ни разу,
А только предчувствовал твой неизбежный приход.

Трава

Трава, трава по колению,
Давай обхватим друг друга!
Чтоб в мыслях не было больше
Ни меня, ни луга.

Я с цветами, корнями
Срастился. Они же со мною.
Чтоб никогда между нами
Слова не вставали стеною.

Чтоб мы лишь единым являлись,
Именем неделимым.
Или оба травую,
Или оба Тувимом.

Из «Скерцо»

... Смешно ей, что голос все выше летит.
И звук, утончаясь мгновенно,
На ноты, на струны, как волос, навит
И тает серебряной пеной.

Смеется. И вдруг защемило в груди.
И смех над слезами не властен.
И брызнули слезы из глаз. Погляди,
Ты видишь, расплакалось счастье.

Станислав Гроховяк.

«Из дерева выточена»

Руки споро намазаны жиром,
Уши королевы заткнуты ватой.
У нее вставная челюсть из гипса,
Из дерева выточена грудь королевы.

Отгон Жупанчич (серб.)

«Детская молитва»

Отче наш! Если был бы ты вправду отче наш,
Ты теперь разорвал бы свои ладони.
И сошел бы ты с распятия,
Чтобы детей своих убогих взять в объятья.
Отче наш!

Отче наш! Он теперь на Висле
Иль в Надрине.
Ведь и сами мы не знаем где.
У него прострелено сердце,
У него проколоты руки.
Обнимает они нас,
Отче наш!

Халина Посвятовская.

«Халина»

Халина Посвятовская,
Судя по всему, человек.
И, судя по всему, должна умереть,
Как и люди, умершие ранее.
Халина Посвятовская
Как раз и трудится в данный момент
Над собственным умиранием.

Она уж догадывается
И по вечерам ежедневно,
В сон погружая левую руку,
Правой при этом крепко сжимает звезду –
Обрывок живого неба
И всю ночь, будто кровью, истекает
Собственным светом.

А у меня язык от вина жаркий,
И горячая слюна во рту пенится.
Но из дерева выточена грудь королевы.

В доме королевы вянут жаркие свечи.
В постели королевы стынет старая грелка.
Зеркала королевы затянута брезентом,
И шприц ржавеет в стакане королевы.

А у меня живот молодой, упругий.
Зубы настроены, как инструменты.

Но из дерева выточена грудь королевы,
И из листьев волосы королевы,

Паутиной из глаз королевы виснут.
С тихим вздохом лопается сердце королевы,
И дыханье на стекле оконном желтеет.

А у меня голод в этой корзине
И шаров золотых целая связка.
Но листья волос королевы
Опадают, опадают, опадают.

И гаснет слабый розовый след
И продолжает стлаться,
Теряясь в ночи, морозной и вьюжной.
Халина Посвтовская – это стареньких несколько платьев,
Это руки и губы, которым уже ничего не нужно.

Леонард Золотарев
«Зеленое и голубое»

Я хватаю с небес убегающий миг
И сажаю на дерево слету.
Я люблю мой зеленый березовый стих
И мою голубую работу.

Высоко-высоко надо мной небеса.
Голубое хмельно и бездонно.
Я зеленые слышу в себе голоса,
Из меня выпирают иконно.

Голубое до неба – моя вертикаль,
А зеленое – по горизонту.
Сквозь меня этот крест. Через сердце – эмаль.
Фаберже, что ли, по Геллеспонту.
Мое сердце возьмет голубой Океан
И вернет его мне, золотое.
Под березой сижу я, задумчивый пан,
И люблюсь и ей, и собою.

Ежи Харасымович.

«Костер»

Друзья мои, сошлись мы наконец.
Горит костер осенний, наша брашка.
Я седенький, ну вылитый песок,
И вы для славы потрудились тяжко.

Самала Карем, мол, сосунок совсем,
Мы - пошумевшие, издавшие немножко.
А вдруг окажется, что лавры наши все
Куда скромнее, чем печеная картошка.

Концерт шестнадцатый

ВИКИНГИ

(Северное сияние)

Героическая новелла

Сторона В

Северное сияние делало Сольвейг еще прекрасней. И поэты северных стран несли сюда свои слова. Так хотелось, чтобы эти песни сделали камень живым.

Оркестр ГАБТ'а. «Сольвейг». Берген.

Леонард Золотарев. «Змиев вал» (песня), «Зеленый кипарис» (стихи).

Гитара, Гойя. «Ностальгия».

Поль Лакур (дат). «Принц Гамлет».

Рейснер Мария Рильке (австр.). «Остров сирен».

Оркестр ГАБТа (сцена из Вальпургиевой ночи).

Гуно. «Фауст».

Норвегия.

Хенрик Вергеланн. «Мои желтофиоли».

Юхванн Себастьян Вельхавен. «Затонувший город».

Хенрик Ибсен. «Солнечные корабли».

Гитара, Гойя. «Ностальгия».

Германия.

Мартин Опель. «Песнь от отчизне».

Верди. Набукко (оркестр ГАБТ'а).

Орел 6-го легиона (песня).

Набукко (оркестр).

Леонард Золотарев. «Змиев вал» (из «Белой Скифии»)

Слышите? Это шаги, шаги.

Скрипы телег. Огненный полоз с Востока.

Если б не мы тут, и Рим бы спалили враги.

Викинги мы, застава тут, княжее око.

Змиев вал – от моря до края.

Не обойти нас, ни конем обежать.

Роем мы ров свой, будем же продолжать.

Ляжем первыми в него, кефара уж отпевает героев.

А это, слышите: детские голоса.

Змиевы игры. Что же вы дремлете, боги!?

Ворон вещает! Смертная полоса.

Не дождемся подмоги.

Воины, вой! Ляжем под белые стяги!

Кровью умоем! Умоемся сами, варяги!

Поль Лакур (дат.) «Принц Гамлет»

Как смолой застывшей

Пойманная мошка

И как жук, впечатанный в каплю янтаря,

Схвачена тобою дивная сережка, -

Голубая капля, ясная заря.

* * *

Принц Гамлет, твой отец убит,

Убийце мать принадлежит.

И тело то ее теперь

Терзает лаской лютый зверь.

Принц Гамлет, где твой друг и враг,

Все не воротисься никак.

Не в безмятежной ли юдоли

Ты спишь, презрев, все наши боли.

Ты душу спас свою иль нет,

Решив покинуть этот свет;

Спеша по Млечному пути,

Чтоб ее одну спасти.

О принц! Наш предок и двойник

Когда и где забьет родник

Безумья, равного отваге

Отравленной, но честной шпаги?

Хенрик Вергелани. «Моей желтофиоли»

Как ты лучишься, как молода

Но прощаемся навсегда.

В пору твоей красоты золотой

Стань же земной.

Настежь окно. Мой последний зов.
Взором коснуться золотых цветов,
Их поцелует моя душа,
Мимо спеша.

Дважды я к милым прильну устам.
Первый тебе поцелуй отдам.
Ну, а второй отошли моим
Розам родным.

Их не застаю уже в цвету.
Но не забудь, накажи кусту,
Чтобы, могилу мою храня,
Цвел для меня.
Чтобы на грудь мою бросил он
Меченный поцелуем бутон.
Свадебным факелом высвети боль,
Желтофиоль.

Хенрик Ибсен. «Сожженные корабли»

Бросив Север суровый,
Снялся он с якорей.
В край, где краше дубровы
И где боги добрей.
Образ тверди ледовой
Канул в море навек.
Но потребовал новой
Жертвы солнечный брег.

До последнего струга
Все спалил он. Но дым
Лентой тянется с юга
К снежным шхерам родным.

И на Север свой дальний
От дубравы и прочь
Скачет всадник печальный
Каждую ночь.

Мартин Опель. «Песнь об отчизне»

Вперед, сыны земли родимой!
Вперед, священный пробил час!
Отваги истинной, не мнимой
Свобода требует от вас.
Коль нет пути для примиренья,
Коль другом враг не может стать.
Нужны порой бесстрашие зренья,
Душа бойца, мужская стать.

При этом ведают герои,
Что вовсе не слепая месть
Умножит наши силы втрое,
А разум, искренность и честь.

И победит в бою кровавом
Не сабель большее число,
А убежденность в деле правом,
Чтоб дух к вершинам вознесло.

«Песня 6-го легиона»

(гимн археологов)

Пусть я погиб под Ахероном
И кровь моя досталась псам,
Орел 6-го легиона (2 раза),
Как прежде, рвется к небесам.

Как прежде, храбр он и беспечен
И, как всегда, неустрашим.
Пусть век солдата быстротечен (2 раза),
Но вечен Рим, но вечен Рим.

Под ассирийским знойным небом,
В сирийских гордых городах
Шагов солдатским грохот мерный (2 раза)
Заставит дрогнуть дух врага.

Мозоли, кровь и пот не в тягость,
На раны плюнь, не до того!
Нам дал приказ Тиберий Август (2 раза),
Мы должны выполнить его.

Сожжен в песках Ерусалима,
В водах Евфрата, закален,
Во славу кесаря и Рима (2 раза)
Шестой шагает легион,
Шестой шагает легион.

Октябрь 2002г.,
г.Орел, Россия.

ЭПИЛОГ

«Зазеркалье души» веков и народов – вот что такое эта страна Аэдия, звуковая поэзия мира. Что еще, кроме поэзии, песни, так заглянет в эти недра?

Вот уже две зимы и три лета пою. Пою и пою. Чем труднее людям, народу моему, тем больше пою. Голос – мой единственный музыкальный инструмент, на котором я играю и пою, сочиняю, купаясь в музыкальной стихии. Слова и музыка души слиты воедино, так и записаны десятки альбомов, сотни песен. Это - малая форма. И есть еще крупные вещи, такие, как «Слово о полку Игореве» в своем переводе – с голоса Бояна и Ходыны – любимых песнотворцев великого князя Святослава, древнерусская летопись «Велесова книга», переложенная сначала на язык

поэзии, христианские, на более светский манер, такие песнопения из «Ветхого Завета», как «Песни царя Соломона», «Экклезиаст», «Псалтырь», Заповеди Жития и Блаженства, а также мой веночек сонетов «Каменная рапсодия», циклы «Камея в июле», сонетов Шекспира, Мицкевича, лонгфелловско-бунинская «Песня о Гайавате», а также переводы с французского, в том числе таких крупных произведений, как «Пьяный корабль» Рембо, «Морское кладбище» Валери и другие.

И вот эта «Звуковая поэзия мира». Шестнадцать концертов – букет стихов восточных, европейских, американских поэтов, положенных на музыку моего сердца. Спел я все это, организовал и призадумался: а что же это получилось, что за жанр такой? Звуковая, что ли, антология поэзии народов Земли?

На автора слов глянулось вдруг с не совсем обычной, невыразимо тонкой стороны, – а как он поется?

Вот пою и удовлетворяю свой певческий, поэтический зуд. Как бы оживляю авторов, полузабытые творения поэтов – коллег своих, сотоварищей ближних и давних. Попадутся стихи – ну до чего же прекрасны! Ну почему хоть не я их написал-то? И вот я нашел способ «присвоить» «чужие», совершенно изумительные строки, я их пою. Найдена возможность не только выразить себя, но и в себе, в людях Земли, в памяти человеческой оживить, восстановить строки и имена, дать им новую жизнь.

Я подхожу к поэзии с той стороны, которая заложена в самой природе стиха. Я только обнажаю эти его музыкальные качества, тоже – по Аристотелю – главные.

Так и живу. После трудов праведных, жизненных и после долгого сидения над романом, над прозой погружаю себя в мир иной, пою с голоса живших до меня песнопевцев. Гомером нашим кто-то назвал меня после спетой мной моей «Белой Скифии» – продолжении «Одиссеи» Гомера. Так и живу, пою то со своего голоса, то с голоса тех поэтов, которые жили, творили по всему миру, дышали музыкой слов и живут теперь вместе со мной в моем сердце.

Л. Золотарев

22.03.2002 г.

День весеннего равноденствия.

г. Орел,

Россия

P.S. Аудиокассеты прилагаются.

САДЫ МОЕЙ ПАМЯТИ

(с Аполлинером)

1. У меня была смелость назад оглянуться,
2. Где усопшие к нам сюда, в дни мои, рвутся;
3. Отмечая свой «М», я оплакивал их,
4. Гнивших при православных церквях,
5. Или цветущих в садах и лесах,
6. Полных сладких плодов золотых.
7. В то же время, к осеннему ближе сезону,
8. Мы рыдали о серости – прожитых днях,
9. Серебрились ветрами букеты в глазах.
10. О мулатка! Он тобою рожден, этот стих.
11. Розы снежно искрятся, когда в электричество ставите.
12. Помню полузакрытыми сады моей памяти!

ВЕЧЕР

(без Аполлинера)

Орел свалился с неба, где архангелы
Одни великолепные живут,
Вы подержите, поддержите крылья,
Там помолитесь, подломитесь тут.

Гора металла – город. И звезда –
Единственна, в сверкании глазниц.
Свой миф она вливает в города –
В трамвайный клип, в сверкание жар-птиц.

Я под огни в глазах твоих бегу,
Снопамы искр не утоляя жажды,

Из газовой трубы я пью пургу,
О мухомор, тебя травили дважды!

Твоя рука – спираль вокруг огня.
А скоморох что высунул язык?
Висит фантом, смаковницу слюня,
Сноп искр слепых к смоковнице приник.

Моя любовь, играй, не суесловь!
Гудят, гремят колокола судьбе.
Вот видишь, руки вытянулись вновь
И все по направлению к тебе.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

КОНИ В ЯБЛОКАХ

Нищие

Сяду, присяду поближе, до кучи,
К пням деревенским, к своим,
И потечет, потечет мой могучий
Русский язык мой, отеческий дым!

По электричкам по Орловщине, тут в Орле,
От прохиндея до прохиндея,
Все удивляюсь: чем ближе к земле,
Тем все беднее, беднее.

Вся пирамида на той нищете,
Все наверху почему-то деньжищи.
Мир, да нам не тот как и мы в нем не те, -
Жалки, растерзаны, нищи.

Н.Заболоцкому

Предмет

Предмет стоит, имеет честь стоять.
Ну, а поэт, от грани отстраненный,
Внутри его обязан состоять, -
Лирический, духовно непреклонный.

Предметами заставлена земля.
Предметы в нас. Хоть для эксперимента, -
Что там Поэт! Вот как без короля,
Как без царя, как быть без Президента!

Вот кто предмет - такой, весомый, важный!
Со всей земной поверхности видать!

А ты плывешь, кораблик мой бумажный,
В корыте океана - благодать.

Все грузишь грузы в свой бумажный трюм.
Все грань за грань реалиев, былого.
И распирает твой корабль от дум,
Предметы обволакивает Слово.

Вот кто нам царь, король и президент.
А что пророк – с пороком имярек?
Предмет побыл всего один момент,
Ну, а порок останется навек.

Белый конь

Его распинали,
Его затерзали,
Сказали: таких вот к стене!
А он не сдавался,
А он улыбался,
Как рыцарь на белом коне.

Его продавали,
Его предавали,
Сказали: таких вот к стене!
А тот бесновался,
А тот изощрялся-
Мальтиец на черном коне.

Его убивали,
Его добивали,

Поставили просто к стене!
А он поднимался,
А он умывался-
Сукровью на белом коне.

А все замирали,
А все выбирали,
Смотрели, убьют или нет?
Тот знал лишь одно свое-
Черное слово
И белое слово-
Поэт!

* * *

Нам повезло: дано Богами слово!
Но в каждое ведь брошен камень, камни.
Нам стол достался без углов – дубовый,
Сработанный в трагедиях отцами.
Они тесали доски, как гробы,
Углы своею кровью окропляя.
Им гвозди заколачивали в лбы,
Ломала кости всяко волчья стая.
Но самого не видели в лицо –
На взмах руки, поболее, подале.
Вот ты назвал кого-то «подлецом»,
Хотя за что? За профиль на медали?
Все делим дым. В дыму от сигарет
Ученостью, гляди, не обморочи.
Блокада. Ложь, кордебалет!
Ребенка плач. И звезды среди ночи.

И дух вождей, двух форумов рисуя,
Суть истины на боль перенимая,
Опять от печки мы танцуем всуе,
Букварь грызет понятиями стая.
Наш стол сработан, без углов, свободно.
Другие плохи, хороши мы сами.
За пазухой утес, булыжник, камень,
Куда их будем складывать сегодня?

ПЕРВЫЕ РОМАНСЫ

Романс и романсах

«Я встретил вас», - вы вышли из ромansa,
Дал Бог вас видеть через столько лет.
Мне пел – его один «артист миманса» -
Тургенев, Тютчев, Афанасий Фет.
«Свеж и душист твой роскошный венок».
В сны золотые, любовные грезы
Вы уводили, и слезы душили, и слезы.
«Свеж и душистый твой роскошный венок».
«Утро туманное, утро седое», -
По одному, по какому романсу!
Тихо внималось, как прозрачность транса
«Утро туманное, утро седое».
Пока живем, пока мы с вами люди,
Всем сердцем откликаясь в вашу честь,
Не говорим, что были мы – мы будем!
Мы вас поем, вы и сегодня есть!

ШЕКСПИРИАНА

(сонеты)

1

Поэзия – это такие крыла,
Едва уловима, легка.
Течет и течет, сквозь меня протекла
Вся музыка, все облака.

Поэзия – это такая река,
Неостановима, пока
Текут и текут за веками века
Сквозь музыку, сквозь облака.

Поэзия где-то не тут, а жива.
Едва выразима, из грез.
Поэзия – это такие слова

У самого пламени звезд.
Поэзия – это их музыка, миг
В моих облаках и твоих.

2

Уж сколько раз твердили миру:
Ее не нужно, не важна.
Костями ложились с пылу с жиру,
Не наливали ей вина.

Ножи метали, как в подранка,
Жгли – еретичку – на кострах.
Но как война, паденье банка,
Болезни, мор, комета, страх,

Так к Ней, прозрачной, эфемерной,
Дух облакающей в слова,
Не обижающейся, верной,

С чего кружится голова,
А сердце учащенно бьется, -
К Ней, что Поэзией зовется.

3

Есть Поэзия или Поэзии нет,
Есть Поэт или нет – на ветку
Повесят бумажку так, без конфет, -
Боги, мол, съели конфетку.

Кому-то нравится, это пустое,
Пустенькое – за яркость.
А кто исполнен, как я, Красотою,
Как сто лет одиночеством Маркес,

Тому в обещаниях благодати
Скорбны анналы поэзии.
В небе лечу, черчу себя в августе, -

Снизу – в глаза твои, лезвия.
Падаю, выплюсь, как конфетти,
В след твой на Млечном пути.

4

Екатерине Медичи

Как бык на тряпку, солнце за тучкой
На красненькое бросается,

Так и она, умница, такая красавица:
Рифма моя, сделай-ка тете ручкой!

Или возьми быка за рога
Да и бухни оземь разочек.
А что же она, дикая кабарга!
Еще и улыбается дочери.

В какие шелка анемично
Коконом облачена...
Странно, с чем я? Ах, да, «столична»

Желтофиоль эта, развращена...
Вот где интриги завязь – шрамик над бровью.
Правит-то зависть, выправляют Любовью.

5

Я родился в провинции,
Средь оврагов и рос.
А в столицу – пробиться чтоб,
А нельзя, и всерьез.

До скончанья тут глохнуть,
Пропадать ни за грош,
Свои вольные лохмы,
Подставляя под нож.
Дай в столицу прорваться,
Где-нибудь под Кремлем
Хоть разок повалиться.

С «итальянкой» вдвоем!
На Васильевском спуске –
Бенды, трамтарарам!
А я Русь, а я русский!
Храм блаженный и сам!

6

Как душе моей важен
Сговор рошей и полей.
Все в гармонию вяжем
Промельк лип и аллей.

Эту беглость подарка –
Шестикрылую брошь
На груди патриарха
Панагией несешь.

Утром птах прозревая,
По эпохе брожу.
Вон откуда – с Кремле я

За эпохой слежу.
В казначейство схожу,
Дорогая, я рядом сижу!

8

Опять читал у Вильяма Шекспира:
Не потому ли грустью ты объят,
Что звуки согласованные мира
«Упреком одиночеству звучат?»

Упреками едва не захлебнулся,
Прекрасное в прекрасном навека!
Спал до того, а тут как бы проснулся, -
И одинок, и с Вильямом слегка.

Как, в самом деле, дружественно струны,
Соединясь в созвучные слова,
И старомодны, и беспечно юны,

Твои и чьи-то, слышимы едва.
Два сердца, две руки на две струны –
Аккорд одной – единственной страны.

9

И возникает в музыке Шекспир.
Строка к строке, сонеты за сонетом.
Всему наперекор у жизни пир,
Все пиршество замешано на этом.

«Богатство в мире остается,
А Красота бесследно промелькнет».
- Неужто так? А мне, мой друг, сдается,
Богатство рухнет – Красота живет.

Однако жив еще старик Петрарка,
Еще Лаура, кажется, жива.
И тот сонет, когда не очень жарко,

Соединяет с Африкой слова.
Такая уж теперь мы тут страна,
Где к Красоте пробрался Сатана.

Поэзия – такая уж страна.
 Гляжу в портреты – полотно, багеты.
 Из Красоты Любовь извлечена
 И вновь возвращена на холст, в сонеты.

То вынырнет из «Персика» Серов,
 А то Серов опять уходит в маски.
 Тускнеют краски, в бездны роют ров
 Отцы – гробокатели из сказки.

Неоднозначны Истина, Добро.
 Не те уж числа, музыка не та,
 А все пасут; как все это старо,

Что мир спасет опять же Красота!
 Любовь пройдет через квартет стихий,
 И совершатся новые грехи.

СТИХИЯ ЗЕМЛИ

И обновятся краски, Красота.
 Слова не те и речь уже не та.
 Симптоматично рассекают бровь
 Надежда с Верой, с Красотой Любовь.

Квартет стихий, комета – борода.
 Зубовный скрежет до самосожженья.
 Земля живая, мертвая вода,
 Огонь и небо, страх и поражение.

Земная ось – из флера моногамий.
Каноны глухи, так несовершенны.
К утру нить пропадает, страхи сами

Всю ночь манипулируют Вселенной.
Стенаньями пронзив себя насквозь,
Так и живем, играем в кровь и в кость

12

И верим во вращение Земли.
Обозревая жуткие пределы,
Мне думалось, какие же нули
Вселенной правят, плазменны и белы.

Ковчеги чисел, весла в Назарете!
Ушкуй мой мал, чтоб всяк спастись мог в нем.
У каждого своим мечты и дети,
Народ и люди – парами, вдвоем.

Земля в оргазме, живность в организме.
И мы, рожденья празднуя, поем,
Из глины все такое создаем,

Свое, так называемое Жизнью.
Предназначенье главное Поэта –
Менять не мифы – профили с монеты.

13

Казалось, День Победы тем великий,
Что дал понять: навоевались, все!

Парад на Красной площади. Все лики,
Все винтики; опять к войне несет.

На то и Солнце, чтобы утром встать
И, день пройдя орбитой, закатиться.
На то и жизнь, чтоб не знать,
Что через миг с тобою тут случится.

Перед Кремлем – пока гремело слово
И по брусчатке из-под каблука
Огонь высекался, дерзкая рука

Кавказ тряхнула – треснула основа,
И каждый ведь подумал о руле,
А кто о ней – о матушке Земле?

14

Да здравствует зеленая Земля!
Росток – твой символ, дням потерян счет.
Тот гномик пережил и короля,
Токусенький – и нас переживет.

Пою тебя, мой карлик, мой цветок!
Твой знак – твой знак! Немного погоды,
Вавилов, мысля накормить Восток,
Умрет, мой бог, в тюрьме, сам не едя.

На том и проверяются эпохи,
Науки, государства, самодержцы.
Коль урожая на ладошку, крохи,

Не жди добра, чернь выкинет коленце.
Да здравствуют такие короли,
Что обожают зеленыя Земли!

15

На что Земля добра, на что щедра,
А власть – кормилица велика,
Однако ведь не моет топора –
Хитра, коварна, многолика.

Власть любит трон, но трон не любит Власть.
Шатается, уходит из-под ног.
Ну, не дает нацарствоваться всласть.
Вон где король, а во-он где графства, Бог.

Но как в одно соединить –
Хлеб с урожаем, сны и перемены,
Народ и власть, моток, станок и жисть, -

Избитые сегодняшние темы.
Ну выставь, выставь руку, плюнь в ладонь!
Скажу: кого – под выстрел, с кем – в огонь.

16

На том и зиждется народ.
Как в Древнем Риме, дай им зрелищ, хлеба!
А в Питере блокада косит, жнет,
Но Банк Зерна как пика, око в небо.

О заговор!.. Империи на горе!..
Вавилон вскормит Вавилон идей,
За что в Самаре и уморят
Во имя тьмы и бедности людей.

Вершись, земля, зелеными холмами!
Похлебкой лжи, гляди, не захлебнись!
По зернышку, по зернышку – на знамя!

Вострепещите, имена и жизнь!
Земля, росток и Николай Иваныч,
Тремя перстами – утром, днем и на ночь.

17

Земля и люди. Слаб ведь человек,
А исполняет целые программы.
Спроси: чем поперхнулся прошлый век?
А скибкой хлеба в колосок и граммы.

Чем Красота, совокупясь с Любовью,
Нас выразила более всего?
Поля политы потом, нефтью, кровью –
Вот мы и безобразны оттого.

Однако главный цвет Земли – зеленый.
А красный – цвет сражений и обид.
Еще и васильковый есть, исконный;

Слагая Русь, в нас внутренне горит.
Шипы и краски – в Розе мира,
В маске - Любовь и ласки –в Красоте кумира.

Мы поняли, мы так прочли его –
 То слово «Виль» (от Вильяма Шекспира),
 Как «воло», как «желанье» одного
 Другого славить – брата своего.

Да «виль» от слова «город» или нет?
 То слово «Виль» (от Вильяма Шекспира),
 Как «воля», как «желанье» одного
 Другого славить – брата своего.

Да, «виль» от слова «город» или нет?
 Тот Стратфорд-он-Эйвон, где был рожден,
 Куда из Лондона он был препровожден,
 Чтобы еще прославить и сонет.

Уймись, Стиксы! Не темните чувства!
 Прорвемся к лодке, мастер Леонардо!
 По лабиринтам рая и искусства

Веду себя с естественностью барда.
 Кого ты зазываешь внутрь, любя, -
 «Козлобородых», стриженных, себя?

Всё это миф, схоластика, от зла,
 При чем тут, скажете, вампиры?
 Однако рисовали, как «козла»,
 Да Винчи самого-еретика, кумира.

А что взять с нас, когда мы просто люди?
Да только то и делают «козлы»,
Что вяжут даже Гордия в узлы.
И все бы нам свинец, конец, они же судьи!

Всех на костер! Держался и держусь.
Я ввинчен, недовинчен, перевинчен.
Все Соловки бы, саранча на Русь.

Я был Гомером, Брейгелем, да Винчи.
Мне это имя – «мастер Леонардо»,
Как кнут коню, - воспламеняет барда!

20

Земля – ближайшая из четырех стихий.
Опять не то, опять мне ночь не спать.
С любовью к Красоте кладу стихи –
С утра подняться, высотой стать.

Но Сатана строку мою терзает.
Однако, в снах перетекая в храм,
Из флирту, пульс пошупывая дам, -
То «дам», а то не дам... все пульс считает...

Прекрасное должно быть величаво.
Но доля и юдоль, судьба и слава
В руках у бестий и Прекрасных Дам,

У них твоя эстетика, квадрат.
Но и они наш Разум не смутят,
Пока не преклоню колено сам.

21.

А мы бежали в детстве по лужайке,
Боясь паденья в кратер, между трав.
И вдруг по телу, как газели в стайке,
Дрожь прокатилась, страхи оборвав.

Она стояла на холме за речкой –
Подчеркнутая, в золотце, своя.
Как будто сбегал я туда с уздечкой
И выронил над нею солнце я.

Вот девица, вот в сарафане чудо,
На пне гнилом проклюнувшийся гриб!
Такая вся, куда ты и откуда, -

Церквушечка – игрушка среди лип.
Какой пророк тень с луковицы смысл?
Каков народ, что век сюда ходил!

22

От ветра запредельного взгремела
Березово-ольховая страна.
А та церквушка тоненько все пела,
Как опера – затеряна, одна.

Моя ты деревенская – с Бояна,
С Онегина, с Татьяны, с Чигринева.
Большой театр – короны и корона,
А «Геликон» - слово, но не ново.

Какие «баржи» пенье подпускало.
Да господи! Сколь придавало сил!
О мама мия! Как Мария Каллас –

За хором голос, вопия, разил.
И падал, ускользал, сказал,
И Красота на дне плескалась.

23

Пока у науки здоровье,
На «сверах» они всегда,
Те храмы с юга, с понизовья,
Степь оттеснила их туда.

То храм с того, то храм с сего,
То в храм спеши, то храм круши.
От Губкино до Ферапонтово –
Клади аршин, бери, паши.

О Женщина! Земли оплот,
Набор естественных красот.
О вы, божественные храмы!

А все на вас бы клали драмы.
Мстим Красоте за дух свой, хамы,
Зло мира, господа и дамы?

24

Все «сердцем» центр мы называем,
Все восхваляем эту Русь.

А посмотрите, что за краем --
В краю Иванов и Марусь?

Колокола о Землю били,
Дух низвергали с высоты.
Чего хотели, что любили
Среди природной красоты?

Все уповаем на здоровье,
Мол, даже армия не та.
Так даже маслице коровье

На «сиверах» одна мечта.
Да на Нерли сильней коровы
И люди более здоровы!

25

Все перевернуто у нас,
Все кверху дном. Что в ночь – что днем.
Так и живем. А хлеб жуем
И запиваем каждый раз

Тобой, мой добрый русский квас!
Готов я пить его зимой;
Среда кислотная и в зной,
И даже в холод тешит нас.

Квасы России квасят жизнь,
Наш оберег со дна до шпिला.
Деньга – по городам, держись!

Не кисни, Филя!
Филюша – Филя, всякий раз
Не разбавляй морями квас!

26

Такой абсурд! Кто вмажет в глаз
Хотя бы раз: кто ж – кроме нас?
Зато, бывало, и туда... того...
А к Филе, к Филе.. под Ферапонтово...

Бывало, «Беломорканал»
Курили, воскурjali.
А тех, кто много понимал,
Всех вместе содержали.

Державы – для того державы,
Чтоб нас держать в зените славы,
Чтобы отава не потухла,

Чтобы эпоха не протухла,
Чтоб было передать что внуку, -
Пей, Филя, пой закона букву!

27

Земли и люди! Весь двадцатый век
Стоит на Вере – Антивере,
Крестьянин тоже человек...
Опять ужасные потери...

Мильоны пали в сны Земли,
До Воркуты лежат в тех сферах.
То белых, в общем, замели,
То по туманам всяких серых.

То Соловки, то мировые...
Где уж, попробуй вы-дс-жи!
Вот на тониусенечкой вые

Рожь и мотается по лжи.
Хлеб есть, дс: плата все не та.
Иметь такой народ? О нищета!

28

Потрепан и обобран, но с гитарой.
Еще сильны ханыги всей страны;
У тех солдат лишь облик старый,
Нутро видать со стороны.

Те, у кого высокие доходы,
Греметь в натуре, грохать взяли моды.
Все бы в литавры били луноходы,
Солдаты! Поэты мы, плакаты.

Кому еще земля так дорога,
Отстроена, устроена, воспета?
И кто еще так беден, как слуга.

Тут на прямую, а не где-то?
Стыжусь за нищету твою, народ!
Ценю одно в нас жадность до свобод!

Ломали церкви – Вера оставалась.
 Колокола валили с колоколен,
 Сама собой соборность создавалась,
 Шла от земли, от слез ее, от соли.

Колокола хрипели, натужались,
 Провозглашали, мерили свое... ммм...
 Хоть испокон, бывало, мы ссылались
 В определенный, заданный район.

От убиенства Вера укрывала –
 Всех принимала, в Суздале жила.
 И в Оптиной – к высокому взывала,

И в Коренной – Свободою была.
 Пока колокола во глубине,
 Они всегда на нашей стороне.

Какая Красота, такая Вера!
 Такая сила духа разлита!
 По первой из стихий, где ныне мера?
 Как видим, уж не эта и не та.

День возрожденья Серафим Саровский
 Пристеченным счел из той стези,
 Где в сорок третьем правил Рокоссовский;
 Бой, Малоархангельск, сапоги в грязи...

Мы – пацаны, кто в сапогах – Хозяин.
А под Похвальной десять тысяч в лоб...
Он мог бы всех, кто рот тогда раззявил –

Всех генштабистов, всех... в один окоп...
Земля тогда меня оберегла,
Под сапоги – под след ему легла.

31

Служи нам, Вера! Мы тебе послужим.
Как без нее, что ты за Человек?
О женщина! Тебе мы курим, кружим,
Тем-то и метим свой жестокий век.

Какие страсти рвут тебя на части!
И вот опять промежность пламенится.
В кровь Солнце утомленное садится,
И требуют ночные страхи власти.

Где тут скучать, кого там выручать?
Сок виноградный, с тягостью сличая,
Стакан хрущевский облегчать,

Соизмеримый разве с дозой чая.
Питийность вседержавная; коль пить –
Так быть или не быть?

32.

Живу, бывало, как в кино, -
Младой учитель в Губкино.
Бегу широким лугом в школу –
По пенышкам, по пням лиловым.

Светильник вроде, а сторонкой
Держусь от той церквушки звонкой,
Ибо на трех столбах стоит,
Вчера четвертый подрубили.

Давненько что-то в ней служили, -
И вот теперь уж инвалид
Та песня, опера моя.

Все важно, вот и плачу я.
Она сама упала близко -
Во тьме, в тени от обелиска.

33

И так меня все потрясло,
Церквушка где-то так сияла,
Что к ней туда перенесло
Все мои пики, изначала.

Тут женщина проходит мимо,
Качнув фестонем платья мило,
Фигурка невообразима,
С той схожа, что в мечтах была.

Она вошла в мою натуру,
Как роза в вазу, как в игру.
И я за ней туда – фигуру

Всю в мехе, в смехе, кенгуру!
Была. Ушла. Но кто – смотри –
У алтаря, где «три плюс три»?

Та – в черном, канула в миры,
А эта – в белом странновато
Вдруг зазвучала, как соната
Под цифрой этой «тридцать три».

Вот кто Лаура, где Петрарка.
И эта женщина, и тот,
Кто звук сонету придает,
Умру – лишь им и будет жалко.

Тут хоры грянули! Орлея
Так белым захватила дух,
Что смертных всех, весьма жалея.

Одна и славилась за двух.
Вот кто мой князь в земной юдоли,
Кто будет нас водить по воле.

Без перехода этот мир
И тот - вдруг оказались вместе.
Та «двойка» в дошиитов миф
Пред Иесусом клала вести, -

Из тьмы ночи, чернил провалов,
Из деспотических «магогов».
Война и мир – без перевалов,
От жизни к смерти – без порогов.

Жук скарабей клал в кал пучин;
Когда мир в мифах был един,
Не раздирали нас на части –

На тело, душу – боги, власти.
Единством слыло в той глуши
Бессмертье тела и души.

36

Но вот то «яблоко», тот миф,
Адам и Ева, червь и Ньютон.
Все подточили – время, мир,
Они распались по минутам.

Где человек рожден из «глины»,
Жизнь возникает из греха.
Живем, рисуются картины,
Конечность видится, труха.

Бессмыслен стал людской поток,
Коль небессмертен «я» любой.
Сквозь грани жук сюда протек,

Чтоб раззять нас и Любовь.
Вот и проходит Ева мимо,
Качнув фестоном оскорбимю.

37

О Женщина! Тебя пою,
Уж не надеясь на бессмертье.

Себя свой гений предаю
Твоей божественности. Меркнет

Мое все это пред тобой.
Одна любовь, одна Любовь
Имеет смысл, себя имеет
В той «тройке»; ключ к своей «психее» -

Надежда, Вера и Любовь.
На все идем – на смерть, на бой,
Чтоб только нравиться тебе,

О женщина! Мария Каллас!
Больная ты! Такая малость:
Все красоту тут мерят по себе.

38

Она прошла, психея, мимо,
Качнув фестон платья мило.
Однако рот был так велик,
Что ужас сквозь него проник.

А голос вовсе доконал,
Когда он сам себя подал.
Не зря, видать, американцы
В него вместили судьбы, транссы,

Чтобы от имени Земли
Провозгласить на все миры,
Какие мы, куда зашли,

Стремясь в чернильные «дыры».
А Красоте откуда браться?
Хотя б такой же оставаться.

39

А пусть такой, а пусть как было.
По-человечески б любила,
Не только Бога и себя –
Надеясь, веря и любя.

Но уж деторожденный фаллос
Не тот, каким был до и после.
Мир поделен Марией Каллас –
Она и он, он и она, откуда бралось?

В какие сферы вовлекалось?
Что будет – и подумать страшно.
Проходит неизвестность сквозь,

Спать на чужих гвоздях опасно.
Какая Женщина прошла – привычно!
Вот подбираю к ней слова – публично.

40.

Карузо чем судьбой отмечен?
На баше – тенор, как березы капа.
И падали капли в высший рейтинг,
На скрипочке его медвежья лапа.

А красота ведь, да еще какая!
А что ж согнали вы Марию,
Сначала бросив в зейфорию,
Затем в погибель, смерть алкая?

Земля! Дай дочке уголок –
Умь, утишь, не надо мести,
Чтоб каждый к ней пришел, прилег

И стал Землею с нею вместе.
Земля – зеленые печали
На самом первом изначале.

41

И я клоню себя к Лауре,
К сонетам тем, поэту веря.
При виде трансов, танцев гурий
В себе обуздывая зверя.

Шекспир Ей имени не дал,
Он просто к Женщине взывал,
Зато какой – любимой, главной
В процессе Жизни злой, неплавной.

Уж я дал имя Ей – Мария,
Иосифом античность меря.
А рядом «Каллас» - колос – «мрия».

Их, как романс, бы все носил, -
Слова свои, ничье похеря;
Своя мелодия, мотив, – он так красив!

Словам в нас, если честно, - тесно.

Тут власть - на музыке Земли,

Там все лежат, все повсеместно –

Слоями, в планах. Как пришли,

Так и легли неодинок:

Отцы, слепцы, любимые твои.

Кого куда-то в ад, кого-то в рай,

Не дремлют Сатана и божье око.

Но рай на Небе, в недрах ад – поглубже,

Где все в гетто огненной кипят.

Какой там возраст? И какой разврат?

Чуть занедужил, так туда же в ад.

О платье Женщины! К фестону прямо, в бой!

Разделим одиночество с тобой!

По юбкам женским ценим время.

Тут эти – несколько минут,

Там - двадцать семь веков, как бремя,

Несу я так же, как и тут.

Не будь Елены, Пенелопы,

Троянской не было б завязки.

Заметь, Орфей был без Подвязки,

У англичан бери и топай.

Куда? В любовь, на пир свиданья,
Но со Свободой распрощайся.
Что Красота без нас? А знанья?

Вот в музыке и отражайся.
В ней бессловесно все внутри,
За дух ее благодари.

44.

Люби, гори и ничего не говори.
Любовь земная – вся в стихах.
За всех, Поэт, молчи, гори!
Себе на радость и на страх.

Играй на нервах, на губах.
О женщина! Прошла ты мимо –
Меня, француза, херувима,
Артиллерийского полковника, во страх

Пунцовыми губами прижимаясь,
В себе предотвращаешь завязь,
Из одиночества да в землю

Во прах, слоями поколенья,
Так я поэта и приемлю,
Он рвется в Небо от забвенья.

45.

Когда-нибудь все станет тут Землей,
Сроднясь, скипясь, во прах превращено,
Но зелень снова проползает тлей
По липким веткам, уходя на дно.

О женщина! Ты главная в земном.
Взлетая в Небо, Солнцем пламенея
И от Воды не делаясь святее,
В стихии этой так вот и живем.

Приду в Версаль, к беседке, в «зелень зала»,
Как рыцарь, подниму свое забрало, -
Воспламенился, возлетел, упился,

Чтобы живым предстать перед тобой,
Фестончик мой! Опять, дурак, влюбился,
Опять сонет пою любимый свой.

46.

«Ночь светла, как была.
Тихо светит луна. Где она?
А скамейка тепла, обожгла,
Успокоит нас только Луна.
На плече белом локон отлит,
И в глазах голубых образа.
Ни единого слова назад,
Только знает вперед и летит.
Капля теплая, шелест дождя.
Пересмешники, шорохи звезд.
А чуть-чуть позади, погода –
Поцелуй, небо, полное слез.
Усмехнулся улыбкою, змей,
Бессловесный артист – соловей.

Когда вернулся в Стратфорд он Эйвон
Из «Глобуса» мир круглый обозрев,
Шекспир уж знал, что был и он не нов,
Возник как героический предел.

Простоволоса дикая крестьянка,
Какую приручать и приручать.
С ней можно посидеть и помолчать,
Не короли, не фунты из фельдбанка –

Венец творенья матери Земли.
Мадам из магазина! Бурчит, мешает,
И я ей в дверь экспромтом: мать, не зли!

Что тебя дьявол, что ли, искушает?
Потише, что ли бы, была,
Не то возьму раздену догола.

Ну, ладно. Пролетели эту сценку.
Итак, продолжим прерванный сонет:
«Венцом творения, матерью...» Оттенку
Мы предадим движение, сюжет.

Венец творенья, матери Земли, -
Она простая фермерша – девчонка
Из Девоншира, - молоко несли
Они с Поэтом в этой крынке звонкой.

И дали, видно, Вильяму хлебнуть
Из крынки той, от бешеной коровки.
Джон Китс забыл про это помянуть.

Так я хоть вставлю к месту, ловко.
С чего бы брал в свои сюжеты
Шекспир тогда-с небес планеты?

49

И он сонетом ближе стал к Земле,
К той самой, ближней из стихий.
А тут сиди на паперти в Орле
И времена преобразуй в стихи.

Нет, каково! Как женщина прошла,
Качнув фестоном траурного платья!
То англичанин, то бургунец, кстати,
Сказал, что девонширка пролила

Глоток всего вина
Бургундского, естественно, - какого ж?
Не в том, конечно, дело, не вина,

Что кто-то, может быть, и льет,
А кто-то пьет, - факт, ну и что ж.
Поэт намедни был хорош!

50

О женщина! Как ты раскрепостила!
Начав за упокой, пою во здра-ви-е.
Земля – стихия, коли полюбила,
Так будь за равно-пра-ви-е.

В одну тропу вместились вся Россия,
Большак уже не виляет по Земле.
Не Зло растет на пажитной золе,
А хлеб, зерно, нас делая счастливей.

И, в честь Земли устраивая пир,
Благодарит ее за все Шекспир,
Гомер, Петрарка, Пушкин, С.Есенин,

И я, в конце их, после каждой тени.
Земное тоже на моих устах.
Землею стану! Станет зелью прах!

СТИХИЯ НЕБА

51.

Земля и Небо, Люди и Земля,
Как мы живем? Как до сих пор мы живы?
Все камни сверху. В спину. Страх суля.
Все метят звезды черноту, режимы.

Однако там же где-то и Всевышний,
Над Сатаною божьи изначала.
Любовью нас оттуда увенчало,
Там человек пока еще не «лишний».

Жить по Любви – и вам, и всем, и мне бы!
По кодексу Наполеона, нет.
Вся эта млечность, жертвенная треба -
Коровий путь отцом Отцов пригрет.

Не потому ли нас и тянет в Небо,
Во тьму комет, как к кубану конфет,

52.

Который бабушка, бывало, под кроватью
Держала, золотая, для меня?
Вот вспомнилась – ей там икнулось, кстати,
А тут и я, как мышка из-под пня.

Так и живем. Под Богом нашим ходим
(Про то и пишутся стихи).
У Неба – высшей из стихий –
Безгрешны мы, иные вроде.

За что так высоко Любовь
На небеса и помещаем.
Смущает бес – берем, смещаем,

Сгущаем краски, ломом в бровь.
Эх, кабы в бабушкину сказку
Конфет поболе, по завязку.

53.

В туманной дымке, величая,
И поднялась на облака
Печаль моя из тех печалей,
Где в кольцах узкая рука.

Все это было. У обрыва –
Лиричность, созерцатель - люд.

Сейчас не то, а что грядет
В понятия «Красоты», «сибилла»?

Качнув фестоном платья мимо, -
Тень бессловесная, без слов, –
Она прошла – торпеда, мина,

Динамо мыслей, дух основ,
Прокладка инвалюций, снов,
Такое имя – Красномира!

54.

Ах, женщины! Вы с нами не просты,
На первый взгляд, как из другого теста.
Однако в честь себя – сожжем мосты,
Вид благородный, каждому известно.

Ах, женщины! Природой вам дано
Испытывать нас на восторг и нежность.
Мужчин вы роковая неизбежность,
Все вами на успех обречено.

Ну что вам ни скажи, ни расскажи,
Вы вечно принимаете за шутку.
С одной побудешь полчаса, минутку,

А там во всех влюбляешься всю жизнь,
На ушко шепот! Щекотливый звук.
И робко так прикосновенье рук.

55.

Таинственное все необычайно.
Ниспосланные, кажется, с небес –
Мы неизбежны, мы всегда случайны.
Замыслит Небо, разрушает стресс.

Вот снова март. И бешены ручьи,
Разбито Небо синевой по лицам.
И сны, похоже, обещают сбыться.
О женщины! Без вас мы все ничьи.

Возьмите ж нас! Свободные мадонны,
Коленопреклоненные мы, слабы.
Вы, женщины – Вандомские колонны

Блистательной капризницы – судьбы!
Ах, женщины! Чтоб не попутал бес,
Спускайтесь к нам в объятия с небес.

56.

Интрига Неба. Пики и высоты.
Сквозь бармы света – звездность, чернота.
Так снизу ввысь и ценим мы Красоты.
Тот эталон, да музыка не та.

На взгляд с планет от нас в ответе смелость.
Она сияет в бело-голубом.
Лоск на щеке, что фосфор на любом,
Как рыбы на всю жизнь наелась.

- Мадам! Мне нравится вас называть
Симона, вы слегка из-за границы.
И что я вижу? В чем ментальность, драма,

Когда мы смотрим в эти лица?
Она сказала: «Чё нам суетиться?
Зовите меня просто мама».

57.

А я-то думал: встретил и – привет.
В земной стихии, в паре с поднебесным.
Не эталон, все суета сует,
Вся Красота – в работе с неизвестным.

Так сверху вниз и перемеришь квоты.
И хоть в ответ не излучают взгляда,
Чему-то сердце все же радо,
Когда в него спускаются высоты.

Божественное в облике земном,
О Женщина! Стою и пламенею,
Шумны, ревнивы песни Гименя.

Сам, стоя на своем, куда шумнее.
И мне такую бы, и мне бы,
С земным мой клин соединяет Небо.

58.

Но сколько сразу жаждут одного.
- Сюда, сюда! – протягивают руки.

С тебя, со строчки, с духа самого
Сорвать готовы глоссу, рифму, звуки.

Но Бог не падок на тире и точки.
Не хочет, чтобы всякий «санкюлот»
Подсовывал «мове» любимой дочке,
Как бесы после бабушки конфет.

Баллада нам всего наворожила.
Какая синь с небес перелита!
В глазах у Афродиты Красота,

Надежда людям службу сослужила.
В судьбе, твоя икона, твоя боль,
Где ключевое, нежное – Любовь.

59.

Поскольку с Неба сходит Афродита,
А хмара - так из грязи в князи,
Позвольте же от них себя, пиита,
Держать на расстояньи в этой связи.

Уж очень падка эта хмара, чернь,
На свет души, сияние поэта.
Вон сколько пало и не там, не где-то,
А тут, где все твои, а ты ничей.

Где пенье, где терзанья и разлуки,
На тоненечкой ниточке вся жизнь,
Тут первый ты, с тебя страданья, муки.

А как монеты, ордена в корыте,
Так воздержись, - постой и побожись! –
А первые они, уж извините.

60.

Их легионы – тараканов в банке.
А ты один, как перст на небеси.
Встаешь, ложиться с Солнцем спозаранку
(Но и у Солнца тоже не проси).

«Не верь им, не проси, не бойся!» -
Так начертали небеса.
Еще Гомер в них камешки бросал,
Под башмаком свивая кольца.

Но властелины тоже одиноки.
Им еще хуже, может быть.
Нельзя кого-то обогнать, любить,

Наглеет чернь, глазливы «кара-оки».
Висит в окне чернеет слива,
И мажет штору горделиво.

61.

Но глянешь в Небо – звездность, брошь на брошь.
В ней каждая душа – «дыра».
Жила, живет, вращая Звездный Ковш
Вокруг Столба с утра и до утра.

И ты уже не одинок, -
Не одиноко все кругом.
Хоров небесных «билли-бомм»,
В Ничто направленный поток.

И где-то там душа Отца,
Глаза Отца, Отцов абрис, -
С одной звезды, как пух с яйца, -

Сюда подавленные вниз.
Земное дядя не отверг,
Он – сверху вниз, мы – снизу вверх.

62.

Постель из трав, и полог над тобой.
И ты лежишь глазами в небосвод.
Что это звезды шепчут меж собой?
Пороки чьи, кто их куда кладет?

Пока в себе. Все мысленно. Как будто.
Грехи, заклатья – можно все терпеть.
К пурпурному рассвету бы успеть
Пересчитать, все вспомнить по минутам.

То вокруг пальца друга ты обвел,
Но ранее обвел твой друг тебя.
То за да Винчи выставил себя,

Но сам фонтанчик, еретик, козел.
Душа твоя раздвоена, кипит,
На сковородке корчится пиит.

63

Но хуже не тебя, а кто на грани
божественного и земного вброд,
Так безответственно живет,
Что у меня потеют длани,

Когда он, Небо задевая,
Нам о кромешном сатанински гнет,
Что, даже страшно мне бывая,
Жалел, куда его ведет?

Мы – скифы, праславяне -
Любим сказки.
Нас очаровывает слово

Даже таких вот – Казанова!
Мы все помешаны на ласке.
Вот май. Вот съезд. Все лживо, маски.

64.

Потяжелее яблока Ньютона
Притягивают чресла, морок местный.
Поэтика дымов родного дома
Ложится, обволакивая чресла.

Ты разделен, рассажен и раздвоен –
Душа твоя, отторгнута, не спит.
И ты сидишь поэт отяжелело,
А в Небо, в звезды, не кося, влит.

Грудь отметалась. Мысль отклокотала.
И не заметил, как уже другой.
Прочь, Небо! Скрежет звезд, металла!

Пегасу больно – в шенкеля ногой!
Забыл, когда и был он настоящий –
Пегас твой белый, бледный, зрящий!

65.

Министром хочется побыть,
На царский трон сесть жаждет.
Андрея Первозванного влюбить
В себя, в Госдуму, в банки даже.

Уж лучше бы внизу корпеть,
Чем, дух победы предвкушая,
Туда, наверх, в блаженства рая,
Беспрекословному лететь.

«Тик-тик, так-так. Тик-так, тик-так», -
Его отслеживает Время.
Сижу на пне, давлю на бремя.

То Жак Боном, а то Иван – дурак.
- Какой дурак? – Да так. Не вей круги,
Вставай с печи с любой ноги.

66.

Уж сколько раз критиковали лиру,
Мол, бедновата в средней полосе.
Голь перекатная, столь задолжала миру,
Не разберут Фандорины «усе».

Не ерничай, но бди, госаппарат!
Фандорин «фузте» еще какой, -
Блин, сотворен акунинской рукой, -
Как говорится, не Хаджи – Мурат.

Вот сочинил роман в стихах, – сказал.
Теперь молчу, пожить еще хочу.

Вот так бы и Фандорину свечу
В плакат – под зад, чтоб знал кинопрокат,
Откуда я к Шекспиру. – в зону миру
Веду свою магическую лиру.

67.

Про то сказал, что написал.
Ответили мне:
- Боже! Ты что же – тоже?
А ведь знал, что выше быть никто не может,
В портретах он размножен,

А - сказал.
Да, правда, еще мудрый Аристотель
Развел не тождестве законов
Поэтов и историков – патронов.
Из бригадиров председатель Мотель.

А ты помалкивай, молчи,
На то и власть, чтоб крови литься,
Чтоб кровью бесам подавиться,

А ты ножонками сучи.
Забудь о Небе, высшей из стихий,
Где, собственно, и пишутся стихи.

68.

А нет, скорей под звезды, в небеси!
Пурпуром взялся бы рассвет,
А тут – стена, волхвы, иже еси,
И по углам монический портрет.

Портреты сходят, лица остаются.
Уже их нет – владельцев Земли.

Не заберут всего, куда ушли,
Да и навряд ли вознесутся.

Мигают звезды. Смотрят в нас отцы.
Как мы тут к ним отсюда, грешны, рвемся.
Какие молодцы! Ну, подлецы!

Звезде в колодце, чтоб не уколотся,
Зиять на самом дне – не по своей вине.
Как говорят, иголки по спине.

69.

Я встал с постели и в туман потек.
И там лежал, пересидев, тут малость.
Вставай и бей, кати вперед каток!
Бросай в волну голубизну и алость!

Еще не утро, но уж и не ночь.
Измучась, спит, свое ведь отлюбила.
Отголубила, уплыла сибилла,
Я ей пытался в трудностях помочь.

Чернеют губы. Впадины и щеки.
Уже не Красота, но и не Смерть.
По новым меркам все б ценить уметь.

Какое тело! Связи с «кара-оки»!
Так и летаем, отделив въяви,
Любовь от тела, тело от Любви.

70.

Она прошла, качнув фестонем платья,
Мимо черемуха, мимо, в общем, мило.

А я стою, и дух парижский кстати,
Чего-то вслед не пролетает мимо.

Она уходит дальше, в небеса,
Аки Христос по мареву, короне.
А вслед по небу розовостью, в звоне,
Уже витают птичьи голоса.

В пурпур мадам ложится, как роса.
В стихию поднебесья Солнце тянет.
На ухо села всадница – оса.

Пол-яблока надкусано в кармане.
Я встал, пошел лучами, миром -
К своим испытанным кумирам.

71.

Душа, неслась, а тело возносилося.
Лишь там, вверху, они могли сплотиться,
В единство слиться. А ночью все преобразилось,
Лебедушка – из «двойки», «единица».

Взлетела птица. Прах стремится в Небо.
За духом в рай себя с собой стремим.
Туда, на Красоту, в понятия летим,
В воздушность замков, к Солнцу, Фебу.

Она и там по зеркалу прошла,
Всех восхитив фестонной зыбью платья,
Асфодилонским лугом протекла

И прямо там к кому-нибудь в объятья,
Не знаем мы того значения,
Что представляют извлеченья.

Полетность Неба выразил Икар,
Текучим воском склеив крылья.
Но зависть Зевса, Солнца жар
Все растопили изобилья.

И пал Икар, не сказав
Небес грядущую возможность.
И бес, отбросив осторожность,
Влез в Леонардо, суть смутив.

Пока, летучи, аппараты
Не изорвали небеса,
Не исказили голоса,

Не обанкротили зарплаты.
Пока на Небе Красота,
Хоть и царит, а все не та.

Уж больно много сверху страха,
И тут проказничает бес.
Но не с небес топор и плаха,
Не кровь, а дождь течет на лес.

Как по отвесу, тянет к лесу,
Прямой – кривой, туманен путь.
Да, Господи, дай продыхнуть
Да и руби, что надо стрессу!

Или мети оттуда ночью!
А мы, видать, уже не те,
Чтоб оставаться в Красоте,

Веревки вей из тьмы и прочее.
Однако там Асфодилонским лугом
Она прошла к своим подругам.

74.

Так устремимся ей во след,
О Женщина с крылом Икара!
Путем Любви, путем побед,
Как это молодо и старо!

Как это древне, испокон –
Мчать на крылах к своей любимой!
Она прошла с улыбкой мимо,
Как Богоматерь из икон.

Как тайна, как сестра поэта –
Иных, есенинских времен.
Я очарован, восхищен

Теплом Любви, потоком света.
О Небо! Вроде как в Кино,
Стихий четыре, ты – одно.

75.

Глядел оттуда, от Луны,
На эллиптическую Землю.

Она – как голубые сны,
Ее я вижу, слышу, внемлю.

Тут рай, там ад внутри - тернист,
Огонь – могучая стихия,
И по поверхности скользит,
Испепеляя, литургия.

Все слитно – Время и Пространство.
Но разделенность отличая,
Сидим себе за чашкой чая.

Чай гоняем в жажде пьянства.
А мор грозит со всех концов,
Не поощряя мудрецов.

76.

Земля и Небо – это пара,
Вода, Огонь – еще одна.
Вода с Огнем – рождение пара,
Земля под Небом – вкус вина.

Совсем забыл, что там, в раю,
Где изумительное Небо,
Совсем не требуется хлеба,
Зато все влагу пьют свою.

Воды тут море, океан.
И как он мог переселиться
Туда с Земли? И вот резвится,

Лучами Солнца осиян.
Идут бесшумные дожди,
Надежды зреют впереди.

77.

Соединяя Землю с Небом,
Идут веселые дожди.
И, значит, будут люди с хлебом,
Детей поболее, свадьбы жди.

Ссоединенья остального,
Других возможностей стихий.
Огня и Нежности в стихии,
Воды и Солнца – в соль земного.

Какие редкие минуты
Нам Небо дарит свысока.
Друг! Вот тебе моя рука,

Не будем, люди, так уж круты,
Чтобы туда – оттуда в счастье
Страх насылать, все рвать на части.

78.

Придумал Некто динамит,
А после кайся, отмывайся.
И что-то «сахарок» горчит
Уран с плутонием - реакция,

Такая ядерная акция,
Какою весь двадцатый век
Низвел, возвел не человек,
А Сатана и власть дурацкая.

Ругнулся – стало чуть полегче
От этих разумов, умов,
Идущих на разъятье «мов»

Со сроком давнишним, истекшим.
Не развращайте, силы тьмы!
«Мы – не рабы, рабы – не мы».

79.

Бредя Асфодилонским лугом,
Ступая, как по облакам,
Она, заметим, не подругам,
А мне вдруг улыбнулась, нам –

Поэтам. Тем, кто с Небом дружен.
Что ради всех идут на все.
И это очень «ка-ра-сё!»
Кому такой японец нужен?

Какой? «Не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье?»
Один на гособеспеченьи;

Поменьше к сахару конфет, а – диабет.
А тем, другим, кто как на плахе, -
Вина и страхи, земля в рубaxe.

80.

И взял жену под локоток,
Беру на дачу, жив лопатой.
От слов – не пахнет нам зарплатой,
От размышлений - хоть в моток.

Да так, да так тому и быть!
Отбросив оторопь, мытарства,
Коли любить, так уж любить!
Коль покорять, так женщин, царства!

О женщина! Еще разок
Пройдись со мной известным лугом
И покажи меня подругам.

Переступи,пусти порок, рука.
Теснит всего, была бы совесть,
Так не летал бы в облака.

81.

При «единице», при монаде –
Я тело выси посвящу.
Богине Красоты – Палладе
Грешков поболее сыщу.

Единство с телом там, на Небе,
Единство с духом – на Земле.
Преломлен хлеб, и запах в хлебе,
Мука и мука, зло – во зле.

Согласно «двойке», что поделать,
Все это врозь и все одно:
Война и мир, звук и кино,

И черный смог, и морок белый.
И в синем-синем полоса –
Воздушность замков, небеса.

82.

Понятье Бога подарило Небо,
Духовность сконцентрировав в Огне
Земля и люди, полбуханки хлеба –
Когда война и голодно войне.

Вот почему опять чего-то ждем,
Будь милостлива, Высшая Стихия,
Мы не слепые, паче не глухие,
Дождемся мы – дождем, что за дождем,

К плечам ее прилипнет платье.
Как куколку, однако, облекло.
Прозрачна вся, как в роднике стекло.

Хочу – кричу: «Все люди – братья!»
Скользну по телу теплому ладонью:
«О мама миа! О дуэнья, донья!»

83.

Побыл вверху – на Землю захотелось,
На Небеса грехов не повернуть.

Не то придешь – получишь дверью в грудь,
А ведь вчера перед другим разделась.

На то и Небо, чтобы в нем летать.
Мечты для тех – вкушает неземное.
И что оно поделает со мною,
Так это одному ему и знать.

Иду за Ней Асфодилонским лугом,
Куда ты, поднебесье, заведешь?
Не Женщиной вedom и загнан в угол -

На Истине испытываю ложь,
Не Калласс – девонширская подружка
Навстречу мне. Где ты, пивная кружка!

84.

Не обижайся, дорогой Шекспир.
Из Джона Китса, из его квартир:
«Девушка с фермы, куда ты идешь
И что ты несешь в корзинке?»

Ты – сельская фея, ты сливок свежее.
Не дашь ли хлебнуть мне из крынки?
Люблю я, мой друг, зеленый твой луг
И склоны с блуждающим стадом.

Но быть бы вдвоем нам в местечке укромном,
Два бьющихся сердца рядом!»
Завесили шалью свое деревцо
И, лежа в лесу на опушке,

Смотрели вдвоем маргаритке в лицо,
Взлетая с зеленой подушки.

85.

Какая прелесть – это молоко!
И Китс, и лес, и та его девица!
Спустишь-ка с Неба, с вещей облаков,
Чтоб на земное тут не соблазниться.

Кипи, кипи, снятое молоко!
Великий грешник, кайся, кайся!
Да щечек этих с маслом касайся,
Как с девонширочкой свободно и легко.

А если б не сошел тогда с небес,
Из Лондона, где сам вращался «Глобус»,
Она не села бы в автобус,

Я не повел бы ее в лес.
Вообще бы не пошла со мной,
Когда б не грех мой за спиной.

86.

И вот сидим мы с ней, пока
Шумит над нами лес.
Опять смотрю на облака,
Откуда утром слез.

Опять та ножка и рука,
Опять попутал бес.

Опять лечу под облака,
Откуда утром слез.

Опять шумит зеленый лес,
В раю витаю с ней.
У ножек женщины моей

Опять играет бес.
Опять, опять играет бес,
Откуда утром слез.

87.

Как день к Воде, а ночь к Огню,
К Земле я радугу клоню.
В одно земное Небо-ню
Вот-вот соединю.

В четыре рифмы, в три руки
Играю, виртуоз.
Сам не похвалишься – таки
Не рассмешишь всерьез.

Я, виртуоз, как в землю врос,
Играю в три руки.
Кидают в душу, чудаки,

Конфетки, лошадь, воз.
Однако нас не обижай, знай, батец, знай,
Соображай, с чего тут урожай.

88.

Опять Асфодилонским лугом
Прошла она, ушла в строку.
И я тотчас к ее подругам –
По молоку, по молоку.

По неизвестным полюсам
Да к сельским изначалам.
Коровки тут жуют мочала,
А млечности пьет бальзам.

А млечность там, где Млечный путь,
Мы – кравенцы, нам от коров –
Молочность Неба, ковш и кров,

И звезд не продыхнуть.
Поэты, поим будь здоров
Быков священных и коров.

89.

Так до колодца и добрел,
С туманцу и продрог.
И что там вижу я - орел
В стихиях сразу трех.

Ах, это русая звезда –
День белый проколола.
Всего одна, одна корова
Глядит оттуда и сюда.

Водой – от звезд пою дубраву,
Само собой, и пью.
Само собой, и узнаю

Рога, свою корову.
Боднет такая из колодца –
Как бы насквозь не проколоться!

90.

Сижу на доньшке стихии,
Как на коленочках у Феба.
Прекрасна ночь в часы глухие,
Когда в руке краюшка хлеба.

В стихиях тех соединясь,
Красиво выгляжу. Из терций
Венец мой, бел с зари вечерней,
И я, конечно, белый князь,

А не ночной какой-то, черный,
Я – добрый Князь, целитель дня,
Но черным целятся в меня.

И я уже слуга покорный,
И кто кого? Уж на рассвете
Предъявит счет пурпур планете.

СТИХИЯ ВОДЫ

91.

Пурпуры шарят по живому,
Колеплют жиденский рассвет.
В такой момент, родившись дома,
Особо гениален дед.

На промежутке тьмы и света,
Чуть розоватого слегка,
Ребенок, что рожден, «Дай молока-а-а!»
Орет, глотая ор при этом.

И вот! Он вышел из стихии Вод
В слепые алюминии рассвета.
Как глянет Бог – «пурпурная конфета»,

Еще и заявленье издает!
И муху, отгоняя от груди,
Бьют по стеклу ужасные дожди.

92.

Стихией Вод проверенный на этом,
Что тут же подтвердил сосед,
Лучом пронесся по бужетам,
Отставил возлиянье дед.

Сказал: «И что же, что не девка!
Пускай растет не в лоне мод,
А где – народ! Осознает,
Что значит крупно, а что мелко».

Вот так родился Леонардо –
Стихийный человек, поэт.
И исполняю должность барда.

Вот только «воз» приставил дед -
Не к нам, конечно, а к да Винчи,
Я по сравненью с догом пинчер.

93.

Был Лосев – академик, Алексей,
Так что об именах изрек:
«Согласно – век проплавал Одиссей,
А я согласно – божий человек».

«А я? – подумалось мне про себя. –
«Согласно», с чем оно «согласно?»
А Леонардом быть небезопасно.
Все, что его, - ложится на тебя».

Так и живу – по гороскопу Рак.
Допялся вон куда – и до Улисса,
Себя же аплодируя от «биса»,

Себе попроще – без ладошей, так.
Коль взялся с именем за гуж,
Так уж вези свое, терпужь!

94.

Вот в трех стихиях и да Винчи
Всего и выразил себя.
Огнем четвертой так был взвинчен,
Что в трех остался, их любя.

В земном – анатом, человеком
Проникся, скальпелем разъял.
В небесном – аппарат создал,
На небо послан был, над веком.

И все же мало кто заметил,
Что в водах – в третьей из стихий –
Он сконцентрировал грехи.

В подлодку сел, где черта встретил,
В системах моря, бродят черти.
Вот их он и низал на вертел.

95.

Договорились славить Воды,
«Ню» - эту третью из стихий.
И тут свободный ритм свободы,
За рифмой бросились стихи.

Они одни такие – коды,
Стихии две в себе таят –
Земля и Небо, рай и ад, -
Скользят по зеркалу природы

В сомнамбулический романс.
Иль вместе с Жаком Ив Кусто
В глубинах метров этак сто

С артистом корчат свой «миманс»,
В Воде и Красота, и Ужас!
Как все оно перевернулось!

96.

И как тут обойтись без Женщин,
Без песен неаполитанских?
Любой романс любой обещан –
В Сан-Ремо, с фестивалей каннских.

Качнув бедром игриво, платьем,
Она, безвестная, ушла.
- Вернись в «Сорренто», где была!
А Красота ничья. Да, кстати,

На Красоте моря и волны
Давно помешаны. Любовь,
Сама собой, рифмует «кровь»,

Которой океаны полны.
Без Женщин, без Воды, без Песен
Мир попросту неинтересен.

97.

У англичан – морей поверхность,
А у французов – глубина.
И даже ходит с нею стерх врозь,
Не доставая лбом до дна.

Плыву на омулевой бочке
Через магический Байкал.
Онтологический бокал
Дай доведу домой, до точки.

Боюсь от берега проплыться,
Чтоб кролем, брассом ли блеснуть,
В штанишки чтоб не обмочиться,

В Байкале омуля спугнуть.
А мне кричит мой капитан:
- Не бойсь! Ведь это Океан!

98.

Начни похабить океаны
И до реченок доберешься.
Не ткай иглой в судьбу и раны,
А то ведь утром не проснешься.

Арабы вон откуда – с юга
Таскают айсберги свои.
А тут чуть в бок от колеи,
Так уже лопнула подпруга.

Аки Христос по волнам вод,
Идешь в народ – в глубины, вброд,
Не добираясь до свобод,

Переходя все Стинксы. Вот
Мильена и недостает...
Да что там... сброд.. алле, вперед!..

99.

Мы плот вчера перевернули,

Едва вдвоем не утонули,
Когда перевернули плот.

Мы сразу поняли, что влипли.
Ракушки понизу, по дну.
В карман дай положу одну,
Вот, окаянные, прилипли.

Дай рассмотрю на берегу,
Как говорится, на свободе.
Но так – при всем честном народе –

Их оторвать и не могу.
Какие там ракушки, броды.
Дожди, а тут мельчают воды.

100.

Кто на подлодке – Леонардо?
А может быть, Жак Ив Кусто?
Фуражка белая, кокарда.
Фотограф щелк! А все не то.

Зачем обманывать кого-то?
Без лепты, вхолостую, в клип –
Друзей, соратников чудных,
Своих подельников по фото?

Заголосили голоса,
Волной ударило по Ялте.
А все стихия, все «пожалте»,

А как отрезала коса.
Все Воды. Все моря, погоды.
Опять народы требуют свободы.

101.

- Как с именем, – сказал нам Алексей
(Что академик Лосев), -
Так и оно с Лаурой всей.
Поэт простых рифм не выносит.

Разрезать взялся цифру «восемь»
В середке – на две половинки,
И получилось - ни соринки
В глазу нули, мы их отбросим.

Товарищ Лосев! Милости не просим,
Но все-таки убыток нам сочтите.
И за нахальство это не сочтите,

Но сосчитайте, все же, сударь Лосев,
Слой Воды – впустую ночью носим
Во имя женщин, что Любовь порочат,

102.

Успех пророчат. Голову морочат.
А о «восьмерке» и подумать страшно.
Стихия, ноль, вода стихов. Короче,
Чернить бумагу – лезть что в ряд калашный.

На Воду, в крайнем случае, кивнут.
А дело – в чем? Еще раз, Аристотель
Как просветитель то же на работе,
Определил каноны и маршрут.

Расставил всех, погладил по макушке:
- То богово, то мирово, а то –
Историково, вмажем «три по сто».

В игольном ушке не пролезть и мушке.
Не то, что прокураторам и нам, –
Поэтам, идучи к словам.

103.

Стихия Вод имеет оборот.
Тут, на Земле, - космические Воды.
Моря и океаны, снег и лед,
Озера, реки, где живут народы.

Согласья, правда нет, спор навсегда.
Одним воды хватает, не нужна,
Другие в крик! Какого, мол, рожна
Дождь не идет! Беда!

И Солнце глянет – дождь прольется.
А снова глянет – испаренья в Небо.
Так под контролем Солнца и ведется

Поток, образование хлеба.
В колечке жизнь, нет края у кольца,
Все в меру в жизни без конца.

104.

Еще одно «колечко» знаю.
Увидеть «третий глаз» дала
И отвела к другому краю –
Быка под Питер привела.

Вот Петергоф! Так жаль, что этот мир –
Стихию Вод, петровские фонтаны,
Тебя, Самсон, красавец неустанный,
Всей Красоты – не видел сам Шекспир.

Через себя, в кольцо соединя
Свое воображение с кумиром,
Отправлю я к чудесным играм,

Все то, что так сразило тут меня.
Нет более прекрасного Огня,
Чем то кольцо с Самсоном среди дня.

105.

И своей сонет опять он шлет сюда,
Ответив на мое вниманье.
О Женщина! Прислал его – куда?
Прости, Поэт – на всех твоё создание:

«Одна из нимф приблизилась к огню,
Лицо закрыла от него немного

И в воду окунула головню,
Обезоружив дремлющего бога.

Вода потока стала горячей,
Она лечила многие недуг.
И я ходил купаться в тот ручей,

Чтоб излечиться от любви к подруге».
Самсон пускает воду, но вода
Не смывает Красоты той никогда.

106.

Идут, идут! Несет в себе любой,
Почти любой самодовольство, чванство,
С собой уносит Веру и Любовь,
Надежду, Красоту и Постоянство.

И по стране, на мир весь – музы, лиры,
Восславят ту стихию Вод,
Что уж прославила стихийный мой народ,
Петровы стансы Северной Пальмиры.

Так обжигал Любовью пир огня,
Но Красота Любви не охладилась.
Так с головы до пят и окатила,

Фонтан «Шумиха» вдруг узнал меня.
Я свой тут, я смеюсь! Вода со мной шутила,
Она мне просто голову вскружила!

107.

Стихия Вод, фонтаны, «кольца»,
Сброд, код, круги светил.
Подверг анализу японца,
Мысль Одиссею посвятил.

И почему у нас Одесса
Остра, ма шер, на язычок.
«Эпрон», писательский толчок.
Вольна – с того, что море, порт?

Да, почему у нас Одесса
В чека при море интереса?
Связь соразмерь через моря.

Там - откровенно говоря,
Тут - с тылу от стихий зайди,
И что японского в груди?

108.

Стихия мощная Воды –
Одесса – мама, Одиссея.
А что Орел? С какой звезды
Его снимает мачта, рея?

«Столица! Третья! Секты, сопы».
Вот раскричались: семь музеев!»
Не скажут: «Тень Москвы, Европы,
Орла задворки, Колизея».

Литературна Мангазея.
Земли Стихия – наш Орел,
На что случайно я набрел?

Чего помалкивает пресса?
В служеньи Небу и Земли,
В Орле у нас одни нули.

109.

Задворки сфер боготворя,
Про континенты, океаны,
Озера, реки и моря
Твердим, долдоним неустанно.

Мы посреди земной стихии.
Пехота чаще, степняки, -
И хлебной взять не дураки,
И моряки мы неплохие.

Там где-то, подтверждая класс,
Плывем, поем мы все чудесней,
А вот слова и сами песни

Тут сочиняются у нас.
Про «Курск» уж пел, а на «Орел»
Вот только тут вчера набрел.

110.

Любимая! Горошком платя,
Плечом играя и бедром,
И прочей своей женской статью,
Ты заманила, мы вдвоем.

Он тут, как «Эйвон» у Шекспира,
В истоке, в горлышке Оки,
Сюда приходят моряки,
Избороздив все Воды Мира.

Порог и маленький ручей,
Шажком перешагнуть,
А уж Свободы просит, путь

Свой начиная тут, - ничей.
Сидим в укромном уголке –
Ключ. Стол. Шекспир в руке.

111.

«Здесь начинается Ока».
Столб, на столбу – слова.
Пока река не велика
И слышима едва.

Пока тут только капитан
От имени «Орла».
Атомоходу берег дан,
А ведь «Ока» была.

- Все реки вдоль – смеется он, -
А эта - поперек, - отцы!
- Так пояс, - я смеюсь не в тон, -

У Бо-го-ро-ди-цы!
Какие славные слова, какие русские слова!
Ах, как кружится голова!

112.

Она прошла, как девонширка,
Водички кружкой подцепив.
Всего-то метр, наверно, в ширку,
А голосок на свой мотив.

Откуда знает эта речка,
Пока скорее ручеек,
Не превратившийся в поток,
Откуда знает та вон печка,

В селе султан, вильнуло в бок;
Откуда знает то окошко,
Подслеповатое немножко,

Ту девонширку, тот поток,
Шекспира вдоль и поперек,
Который сам сюда притек?

113.

Сидим за столиком. И ветер.
И пальцы в пальцах, том в руке.
Страничку рекостную встретил,
Глаза синеют в степняке.

Любовью ключ переполняет,
На пол-России потечет.
Какая важность, нам почет,
Куда тот ключ меня включает?

Она, как око с молока:
С туманцу, что ль, берутся Очки?
Стоит, как девочка в платочке,

И не уходит с глаз пока.
Смотри, глазастая, открой
Ключами Родину, покой!

114.

На пол-Шекспире засиделись,
На пол-Есенине зажглись.
Так вместе сселись, съелись, спелись,
Так зачастили – на всю жизнь.

Пройдись, любимая! Тряхни
Фестоном траурного платья.
Про «Курск» не надо... плакал, братья...
Любой другой сонет начни.

А эта песня, что писалась
Не словом даже, а слезьми,
Так там на сердце и осталась,

Как лом, тяжелая вельми.
Ломи себя! Стой, кэп, до точки!
За Очки синие в платочке.

115.

О капитан! О капитан!
Огню твой тяжкий жребий дан.
Когда-то тут и твой отец –
Тебя, меня, сквозь дым, свинец

Пронес и вынес из огня.
Стихия та вознесена,
Семнадцать в день дала война!
Все Прохоровка, все южный фас!

Мой «треугольник», флаг зари -
«Малоархангельск – Глазуновка – Поныри»
Все соловьи просвистывают нас.

Артиллеристы, командиры, взмахи.
Семнадцать звезд, отцовские рубахи.
Полузабыты страхи, прахи, плахи.

116.

Семнадцать звезд – героев вдруг,
Все с этих мест – в один присест.
Семнадцать звезд – пятнадцать букв,
Пятнадцать букв – как крепость Брест.

Но втрое букв, хоть сам и мал,
Он в треугольнике – кристалл.
Как Ельня, Мга, Бобруйск... Свистал
И дальше б соловей, устал.

Семнадцать звезд, пятнадцать букв.
Как крепость Брест – стоял, хлестал.
Полусюжет, в огне металл

Один архангел стоил двух.
Малоархангельск в крест попал.
Всех, поднимая, сам не пал.

Так возбуждился, что попал в овал.
 Едва я не свалился
 В тот сон – сомнабулический провал,
 Во что в себе я превратился.

И сам себя внутри не узнавал,
 Молил с небес высокие дожди,
 Что вызревали где-то впереди,
 Чтобы они вошли со мной в овал,

В котором я себя осознавал,
 В тот самый узкий, маленький цветок,
 Что путь в раю и мне среди дорог

Единственно отградный навевал.
 Но дождь не шел. Ромашки не смывал.
 Сухими были профиль и провал.

120.

Зачем живу? Зачем себе даю
 Те клятвы я, в каких себя клянущу?
 Все подловато – высоко пою,
 спасаю всех – а сам в ручье тону.

Себя не узнаю. Когда бы в юность,
 Всю представляя канитель свою,
 Такого бы, тем более в раю,
 Не пожелал бы Ей; путь в «низость»?

В зло и дикость? Пусть уходит.
Все так пустынно, одиноко –
Как без Шекспира, без Бояна, Строка?

Без тех, что тут едва с концами сводят.
А проще – Злость идет и от народа,
Из-за его великого отхода.

121.

Вот слезы лью, а слезы крокодильи.
Забудешься у те-ле-ви-зо-ра.
Наслушаешься шлюшек с Пикадилли
В соавторстве с женой провизора –

Народного аптекаря страны.
Зеленые кресты. Плюс тридцать шесть и шесть.
Груш стало больше, столько, что не съесть,
Когда взглянуть со стороны.

Таблетки. Наркота. С травы, с куста.
А не к кому душою прислониться.
Вот что такое «двойка», «единица».

Зри, Мона Лиза, с чистого листа.
Такая Красота! А тоже одинока.
Шекспир и к ней заглядывал глубоко.

122.

И вот по тем дождинкам, по дождям,
Как по струне - по звонким, тонким струнам

Стал подниматься я к своим вождам,
К Зевесу, к грекам в золотые руна.

И Женщину хотелось взять с тобой,
Но Боги в этом отказали.

- «Там чувственность другая, - мне сказали. –
Что тут у нас, что там – бежит всегда».

« - Вода-то, да, - сказали мне тогда. –
Все остальное зрит, но не туда».
Так научись сперва их различать,

А уж потом на небесах глаголить.
Мы все ведь не святые поневоле,
И на устах у нас печать.

123.

Я мысленно взлетел на небеси
И мысленно ходил по тем дорогам –
По облакам, по замкам, по Руси,
Чего там больше, тут уже немного.

А будет меньше. Через восемь лет
Нас будет вовсе «фифти-фифти».
А это значит, что в любом конфликте
Ты как на лифте, – понял или нет?

Иду по облакам – одни герои,
Участники и инвалиды, что ль.
- «Я тоже, - излагаюсь так порою, -

- «Я тоже, - излагаюсь так порою, -
Я тоже так же ощущаю боль».
«Нет, - не сочли детей войны. –
Акцент – процент... гони его, гоны...»

124.

С чиновным человеком дай поговорить,
У нас их даже больше, чем в Китае.
Как вьется, значит, паутинки нить,
Так все не перервется, все витает.

Вот только женщин меньше, чем у них.
А я так думаю, что тоже, может, больше.
А что ж невест для Франции да Польши,
Америке даем, - да тыщи их!

Ревела буря, дождь шумел,
С небес валились камни, слезы.
Вот все и сделали угрозы,

И вывод: с женщинами тоже все, предел!
Состав так поредел,
А ты б чего хотел?

125.

И я в итоге уклонился, -
В свободном излияньи чувств, -
От тех вершин, с каких свалился.
Дай тут с Шекспиром поверчусь,

С любовью похожу по лирам,
По демиургам, по стране.
Всем хороводом быть в Огне,
С тем, у кого нам и не снится,

И в этом можно убедиться,
Когда с казною повозиться,
Стрелой античною пронзиться,

С обломком власти надерзиться.
А все начальники-печальники,
А все курганы-изначальники.

126.

И вот иду по облакам,
А там они совсем другие.
Все по душе да по рукам,
Все откровенные, благие.

Да боже мой, как же так!
И тут хорош, там еще лучше.
И так крутые, будут круче –
На внешний вид наводят лак.

Держу там Женщину в руках –
Не пахнет что-то, что такое?
Тебе тут Небо, Ей - земное,

Но где же запахи и страх?
Как бы без запахов – Любовью
Добра добавить малой кровью.

127.

Своя – до платяца в фестонах,
До откровенья о «пистонах».
Под мышкой что-то пахнет слишком,
Как неотмытая сберкнижка,

Так и они – свои, милы,
А не любовницы кого-то.
Вот и умерена работа,
И обеспечены тылы.

Насколько знаю, все земное,
Земли стихия – на Воде.
А дело, скажут, в бороде,

Скажу вернее – с бородою.
Унял я Женщину, ласкал,
Орешки ей из снов таскал.

128.

Стихии Водной сумасбродство
Не охлаждал, не охлаждалось.
Не дождалась! Вот идиотство!
А может, и не дожидалась?

Не жизнью движет наше рвенье,
Начальник – сидя, бегом – лось.
И только я ничем не движу,
Но, добиваясь своего,

Вот только тут в гробу и вижу,
Да конкурента одного.
«Очаровательные глазки!

Очаровали вы меня».
Она несет мне много ласки,
А я ей капельку огня.

129.

«Эх, я опущусь на дно морское!
И поднимусь под облака».
В стихии Вод моей рукою
Сама тут крестится рука.

Ведут пустынями нас Боги,
Деянья мертвых и живых.
На Небе, в звездах, вижу многих –
Знакомых, вымерших, родных.

Обетованья мне их святы,
Зато я к ним и не спешу.
Прочтите что-нибудь, ребята,

Еще вам завтра напишу.
Стихи мои – походка, ритмы,
Грехи мои, мои молитвы.

130.

Как извержения вулкана
И все исчадья Красоты,
Мне снится сон, ты в нем желанна,

Идем стихиями по Небу,
Огнем по Водам и Земле.
«Такую Женщину и мне бы, -
Огонь сказал. – Вперед, алле!»

Схвачу, Пегаса и – дорогой,
Как ветер хлебный, от гумна!
Не надо мало, надо много,

А за спиной, в седле – Она.
Святой дух, голосом увенчан,
О Каллас, лучшая из Женщин!

СТИХИЯ ОГНЯ

131.

Когда нам плохо, пишется светло.
Все светоносно – и стихи, и проза.
Совсем заколебало. За седло
Цепляется колючка, вот стервоза.

«Опять скрепит скрипучее седло».
Любовь сжигает, защищает Вера.
Душа моя огромного размера,
Как Солнце, что заходит за село.

Стихия первородного огня
Стирает все, к чему ни прикоснется.
И только свет, как производный Солнца,

Имеет свойство колебать меня.
В стихиях дня – слепое, бесовское.
А у ночи всего такого – втрое.

132.

Зачем он близок к вертелу, к душе?
Горит, пылает огненная лава.
Огонь – мне Бог, смотреть в глаза – клише.
Красиво так, красивая забава.

Побей нас, Небо! Разрази, Господь!
Но мы за жизнь всего наблатовали.
Навешали на ордена медали,
Вложили в речи, в предисловья, в плоть.

Уйди, антихрист! Утирайте слезы!
На все катарсис, шанс имеем, смыслы.
Несем Луну в ведре на коромысле,

А черти уж по речке режут лозы.
Греши, греши! Волхвов не сокруши.
Паши, пиши! А на какие вши?

133.

Душа вскипит, расставит по местам,
Выстраивая огненно и четко.
Жизнь за века напредъявляла нам,
Литература – экая молодка!

Гомер (а Одиссей с ним слитно),
Шекспир (а Гамлет точно так),

Толстой Лев – отвергал того, чудак;
Не пил, не бил, любил – себя и «Биттнер».

Так сколько наших перемерло?
Поэзию берем. Опять же
Гомер, Шекспир и Пушкин (дважды),

Есенин (мне лично костью в горло).
Два документа (как Пеле – Гарринча):
А. Македонский и Леонард(о) да Винчи.

134.

Два величайших – мира во главе!
С кем меньше ощущается беда.
Родители, эпохи в голове,
Через огонь прошедшие сюда.

Очистились, но так сверкнул с Небес,
Как кто-то смотрит в дырку из порток.
Готов толкнуть тебе под локоток,
Да кто ж еще? Бесенок этот, бес.

Толкнул и – в лес. На дерево залез
И смотрит, кто во Зле великий?
Нерон и Гитлер. Да с рябцой на лике.

Но самый Сатана и самый Бес,
Кто подтолкнул другого в ад,
Кто ж? Прокуратор. Понтий (ибн) Пилат.

Заметили? «Ибн» ставится для ритма.
 Для близости, восточности, абсурда.
 Царь Ирод хоть распял Христа, а «Биттнер»
 Пил в это время Понтий, вурда –

Лак, лакировал империю.
 А был бы там –хотя бы временно,
 Так за распятие Христа,
 Дал Понтию бы по устам.

Опять не без иронии сказал,
 Все рифму бы я с Понтием вязал.
 Каков пассаж! Какой вокзал,

Где я встречал Ее, лобзал уста.
 Шахеда пояс отправим в поезд,
 В останках роясь.

Тем и закончим день великий,
 С какого Неба и Огонь.
 Чуть голос чей услышу в крике,
 Так замирает бедный конь.

О Женщины! В двадцатый век
 Предложена такая пара:
 Мария Каллас – Мата - Хара,
 Достойный поколенья бег.

Трагедия метафор, глоссы,
Бегут мальчишки на вокзале:
- А вы Христа продали! Вы – распяли!

- То наше дело! Те вопросы.
- Нет, всей касается главы.
- Католики простили, что же вы?

137.

- «Рабы не мы, мы не рабы».
У преступленья нет времен, а есть места.
Не Вера заколачивает лбы
В гробы. Не Бог и не Любовь – невеста.

Как пролетарий всех стран соединясь;
Как всякие спецы и роялисты, -
Они у нас бывали отродясь,
Но только по-другому назывались Истины.

Однако все сжигал один Огонь,
Брала в себя то Волга, то Сморгонь –
Всех тех, что тут у нас бывали,

На нас играли, как на рояле.
Вот так и в отношении Христа:
Взял - отдавай, тут логика проста.

138.

Но сколько же терпеть все это можно?
А тема щекотлива. Древний Рим,
Насколько миром правил осторожно,
И тот, как оказалось, уязвим.

Утомленное Солнце с Древним Римом прощалось.
Но не всеми прощалось,
Что свершил Древний Рим.
Вот он-то и простил евреям малость.

И мы потом когда-нибудь простим.
За порубанную рябину,
За повергнутых во прах,

Каждым утром вурдалак
Подставляет плетям спину.
Зашвыри ту плеть в Огонь –
На хрена попу гармонь!

139.

В пылу ругательств, «проклятых» вопросов
Не менее чем «проклятых» поэтов –
Все у вопросов нет матросов,
У депутатов нет буфетов.

Как у пехоты нет работы,
У кораблей нет пла-ва-нья.
Иду по речке – полынья,
Черно, мороз по коже что-то.

Все вспоминаешь «фифти-фифти»
От предгомеровских времен.
А тут в составе тех еще племен

Тумена два застряли в лифте.
О Господи! Пора и нам
Воздать жирафам и слонам.

140.

Тем самым пням, тем самым дням
И той французской гильотине,
Какая пни рубила там,
А тут искали мы причины.

Вот как устроилась Сморгонь!
Как прихитрились пиитеты
Себе – дешевые буфеты,
Тебе – Пегас за плату, конь.

- Что конь, когда он не читает?
Сто экземпляров на весь мир.
- Хе-хе, то конь твой так считает,

А не Британия, Шекспир.
- Твой Кинг из Польши – вынь да и положи.
- Бери их больше... гильотину, нож...

141.

- Не ерничай, – тебе сказали
Уже на Киевском вокзале,
Когда собаки облизали
Твое лицо. И с чем связали?

- Да что-нибудь при-ду-ма-ем.
Чтобы Огонь не слишком рьяно
Питал, зализывалась рана.
И женщины перед Госдумою,

Как Анна пред Матросской Тишиной,
Держались бы перед своим народом.
Стояли бы не врозь, не по одной –

По пятницам, по культам, по невзгодам.
- Ты, Женщина! Все можешь описать?
- Могу, - и мне сказала мать.

142.

Вот у Огня пишу про тишину,
Где нет естественного света.
Давай загладим их вину
Да и пойдем туда, где лето.

«Свет и душист твой роскошный»... Поэт!
О Поэт! О стояние слова!
О его состоянья основа!
Вот тропинки, а глубже их нет.

И опять соловьи, молоточки Огня,
А вчера-то всего, а вчера
Праздник жизни устроила мне детвора.

Соловей замолчал вдруг и слушал меня,
Как дослушал, «спасибо» сказал -
Вот мой сад чем меня увенчал.

143.

Мне ценнее всего – дар такой самого!
Вообще-то пою я бесплатно.
Песни из своего – для души одного
Я готов исполнять троекратно.

Потому что душа одного – хороша,
Одинокая тоже навроде.
Помню спел как-то дяде Володе,
Так по гроб и держалась душа.

Огоньки, огоньки – по судьбе.
Мера чувств, в чувстве меры и жанра.
Что поется цветам олеандра,

Что тебе, что себе остается?
Ты поешь одному, а уж тыщи
Сами музыку слов твоих ищут.

144.

Вот и влажность пошла, как продрог!
Вот натура к чему причастилась!
И потек мой потир и потек,
Приоткрылось во мне, приоткрылось.

Были спазмы, работа до пота,
Стервенение, немость, молчанье.
Наступило второе дыханье,
И служение уже, не работа.

Красота высоко, Красоте нелегко.
В Небе – лед, идут белые снега.
По земле – Солнце катят в телеге

И пируют под Солнцем на берегу.
Жертва, тризна! Не пей, будь здоров!
Кто же режет священных коров?

145.

«Я прилег на Землю, надо мной – березы,
Подо мной – зеленая трава.
И винтом до Неба завинтило слезы,
По винту на Небо поднялись слова.

Высока береза, только Слово выше.
Солнца горячее, огненной ланит.
Дай скажу как лучше, что из песни вышел,
Дай скажу, что песней все во мне звенит.

Дай скажу... И, сидя тут же на березе,
Пан в листе смеется или сделал вид.
Утираю слезы, что мне остается,

Если Солнце прямо на меня летит?»
И огнем рожденный, из родной стихии,
Паном возбужденный, и пишу стихи я.

146.

Чуть отдохнет и снова за перо
Моя непокоренная душа.

И, медля умирать, а жить спеша,
Пока есть голос, слышите, - поет!

Они – все про борьбу свою, про ту,
Что им на лапу кое-что кладет.
А я – про Красоту, про Красоту,
Которая сама себя поет.

Они – все правоверные, все те,
Что все кладут, а некуда уж класть.
А я – про Красоту на высоте,

Которая нам не дает упасть.
На лики – Солнце с палаша,
Моя всю жизнь поющая душа.

147.

Огоньки, проводки, проводочки.
Столбы. Вечерние огни.
Сажу в березках на пенечке.
И сочиняю пе-е-сни-и.

Высоковольтный надо мною,
Пень улещает костерок.
С травой перепутан стог,
Звук перепутан с тишиною.

И только гуд – на Небе что-то.
А тут Вертинский на пеньке,
Транзистор на моей руке,

Как хвост горящий самолета.
И замирает вдруг душа,
Исходом музыки дыша.

148.

Комар, кошмар. Пискун над ухом,
Но помогает костерок.
И, ощущаемый тут нюхом,
Эквилибрирует дымок.

Дымы Отечества. Грачи,
На чьих чернотах вы отъелись?
Взметались к осени, слетелись,
А ты, транзистор, помолчи.

Пусть посуется в душу пресса
И погудят колокола.
Все к Литургии сводит месса

Свои и боковы дела.
Любовь подсвечивает снизу
Девицу – Панову капризу.

149.

В глазах полулежали звезды,
Лимоном пах ее платок.
Хотя сидим в тени березовой,
Продрог я, чувствую, чуток.

Тепла в себе не ощущая,
Я слышу пенье, голоса.
Она уходит в небеса –
По лунным картам, тень босая.

И те разрозненные песни
Стихии складывали вместе.
И становились интересней

Леса, роса – живей, известней.
Такая длится полоса,
Когда лечу на небеса.

150.

Такие ведаю минуты,
Так их ловлю, люблю, веду.
Свои любимые маршруты,
Кладу на музыку, кладу.

И звуки к звуку, слово глубже
Гармонизирует весь мир.
Дай только встретится Шекспир,
Сонет на голос ляжет тут же.

Чужую строчку, как свою,
На миг какой-нибудь присвою,
Сонеты с музыкою сдвою,

Так за Шекспира и пою.
Тю номерам так и идем,
То был сонет, а то романс на нем.

151.

Качнув фестонем траурного платья,
Вновь Женщина Асфодилонским лугом
Прошла-ушла в восторги и объятия
К тому, кого любила, кто был другом.

Мифическое лезет, и воочью,
Из всех красот и ужасов, высот.
Двойник мой Брейгель ужас в ключья рвет,
А Леонардо собирает ключья.

Мозаика как муза, праздник цвета,
По палисадам – ярмарка цветов.
Тебе слагать венки всегда готов,

Все галереи мира – для поэта.
Цветы и звуки, запахи, левкой,
Свободная любовь со сломанной рукой.

152.

Хожу ль под ясень, шарю ль под подушкой –
Везде ишу заветные слова.
И миг – однажды встретился с «лягушкой»,
И два – Есенин срифмовал едва.

Что поэтично белому, то слизь
Для черного, ему давай другое.
Назвал жену сестрой, сестру женою,
А там хоть с ней и вовсе не ложись.

А вы – традиции, от тех еще традиций!
Что хорошо одним, то плохо нам.
Фантастика ступает по гробам

И символы везет на колеснице.
Какие люди – в Голливуде!
Всех к Кио – голову на блюде!

153.

Вечерние огни. А ты – учитель.
Мигают в ночь. А ты спишь у стола.
Ничтожная, забытая обитель.
Не все село – осколок от села.

Еще та Женщина не проходила мимо.
Еще она ложится в колыбель.
И все огни вечерние в тебе,
Все линии с ладошки херувима.

Зачем они, зачем все объяснять?
Шары в бильярде. Стойка за буфетом.
Уж лучше Фет стоял бы тут при этом,

По крайней мере, было б что сказать.
А все они – Вечерние Огни,
Не Фета - тень сонета в том вина.

154.

Вечерние Огни – сквозь горечь дыма,
За каждым дымом – окаянство лет.

Ты не поэт, она не ходит мимо,
Та Женщина, которой еще нет.

Но полон ею – запахом предчувствий
В игру чужую кто-то вовлечен,
Тебе уже так странно горячо
От чьих-то положений и присутствий.

Да просто так, все тут из ничего.
Ты дождь бесшумный, шевелятся травы.
И ты один среди своей державы,

Один такой, тебе ни до чего,
Кроме нее, – зови иль не зови, -
Томления в руках ее Любви.

155.

Огонь свечи – тот хвостик цедит свет.
Однако стоит всем хвостам соединиться
Да вспыхнуть - взрыву вслед
На всем пространстве в фото отразиться.

И что тебе бомонд, другой поэт?
Сам Одиссей с Гомером и Боян?
Когда тебе уже не выбор дан,
А чтобы - застрелиться или нет.

Да что там, дан гашиш!
Вот что, канальство, помрачительно!
Дан самолет (в один - «толстяк», в другой - «малыш»).

Все остальное – так ... невразумительно...
Зачем, когда он – мирный атом,
Огонь внутри тебя запрятан?

156.

Где в черном – Дьявол, в белом - Смерть,
Не можем тихо откреститься,
Чего еще желать и сметь,
И повторить, и повториться?

Так в двоцветьи и живем,
В очередной цивилизации.
Все ищем для себя, для нации
Свой запасной аэродром.

В Земле своей ослаб покой,
В судьбе своей мы не уверены.
Но с Черным морем жить намерены,

А без него эффект иной.
Все сны, кошмары выстроены стройно!
Упало – вспышка, спишь спокойно.

157.

Мне, откровенно, надоело
Бояться, Страх за целый мир.
Имел ли черное на белом
Тогда, прижизненно, Шекспир?

Конечно, тоже что-то было:
То всем война, Армагеддон,
А то чума со всех сторон,
То просто морем утопило.

И все-таки всегда Огонь
Был самым страшным из стихий.
А вывозили все стихи,

Как с поля битвы верный конь.
Ты удивителен, Пегас,
Пока огонь не целит в глаз!

158.

В какие редкие минуты
Всех в поэтическом огне
Счастливым делают? Куют и мне
Гермесы счастье в стороне.

На то и Счастье, чтобы редко
Случаться, быть и осенять.
Хотел с Нее я платье снять —
Отбрила очень даже метко.

Такой у Женщин язычок!
И прежде брал ведь на крючок,
Теперь в открытую молчок.

Сиди, дурак иль дурачок!
Чти свои единственный характер,
Чтобы скакать, отбросив лапти.

159.

Когда идем Асфодилонским лугом,
Она слегка покачивает платьем.
А ты, как конь, являясь другом,
Готов его слегка задрать ей,

Мыслишку дальнюю имея.
Не знаешь и не хочешь знать,
Что, может быть, от Гименея
Ей уж не хочется бежать.

В какую редкость света впутан!
Как оценить, что в сцену взять?
И кто ты будешь после – зять,

Весь паутиною окутан?
Коль жаждешь воли, тишины –
Гони ее... «гоны», «гоны»...

160.

Опять в акценты взят? Как слон,
Свой иронией и смыслом?
А, может быть, все ловит он
Плечом ведро и коромысло?

Играет женщина - на чем?
Затеет вдруг возню такую,
Что просто блеск, и я блефую:
- Ты че? – Ниче! – А что почем?

Идем вдвоем мы от колодца,
Где видел только что звезду.
И вот ее теперь веду,

Чтоб от иглы не уколоться.
Какие редкие минуты!
На коромысле гены, путы.

161.

И отдадимся мы стихии,
Огню. А что сказать еще?
Лети же, тройка! Мчись в стихи я!
Дикарь еще, не укрощен.

Летит мой Конь! Его и тронь!
Ноздрями огненными пышет,
Смотрите, как она тут дышит,
О Женщина! С реки Сморгонь.

Куда загнал ее Огонь,
Поднявшийся до самой крыши.
О как он пашет! Как он пишет!

И ничего уже не слышит,
Он просто напросто Огонь,
Наполеон с реки, Сморгонь.

162.

Скачи, скачи себе по кочкам!

По перелескам и полям!
Неси, неси сынам и дочкам
Немолодых, прекрасных мам.

Не вымирай, народ мой,
Он и не вымрет!
Пока летит мой белый конь, -

Всегда из полымя в огонь,
Проскачем луг, леса проскачем,
То вдоль седла, то поперек.
Мы пронесем, что я изрек –

Слова, жену, а как иначе?
Неси, неси меня, мой Белый Конь!
Семейный фрунт, живой Огонь!

163.

Инстинкты крутят, степняки;
И воровать еще воруюем.
Не сразу платим – с полруки,
Не забываем, но блатуем.

А взял, украл и – по кустам.
И сохрани нас, тьма и ночь!
Хотел банкир один помочь:
«Хорош поэт! На книжку дам».

Но с той горы Пегас мой скачет,
А тот Банкир в борьбе за мир

И что-то нет, а как иначе?
Копи-копи, коня купи,
Водицей лысину кропи!

164.

Но это так, в быту проблемы.
А хочешь высшее подать,
Реконструируя системы,
Как хоть чего-то не продать?

Омолодить – омолодиться,
Облагородить старый рынок.
Ишь, хлюст какой! Монах и инок.
К коням – по пням, с огнем – по лицам.

Так и живем. Все полем скачем.
Догоним где-нибудь, распнем,
Раз плюнуть в книжку, вставить в том,

Когда мы вскачь, а как иначе?
О Господи! Опять Шекспир,
Мир слова поэтического, пир:

165.

«Как мне уверить в доблестях твоих
Тех, до кого дойдет моя страница?
Но знает бог, что этот скромный стих
Сказать не может больше, чем гробница.

Попробуй я составить твой портрет,
Изобразить стихами взор чудесный, -
Потомок только скажет: «Лжет поэт,
Придав лицу земному свет небесный!»

Я тот потомок, пусть несет Мой Конь
Твой желтый лист в мою строфу, скрижали.
Кого еще подобного видали,

Чтоб Воду пил, как из реки Сморгонь?
Мой Конь, мой белый, поседевший,
И я на нем, изрядно посидевший.

166.

Быть может, и с моей руки Поэт
Вернется в дом, где слово почитают.
И нет мне выше радости той, нет,
Чем петь Шекспира, пусть его читают.

Пусть знают, как великие отцы,
При мастерстве до Бога доходя
И слава не какого-то вождя,
Каноны подводили под венцы.

По тем канонам –
Мысленно с законом
Поэзию вершили (не до поту).

И, погубив ручную - что? – ра-бо-ту,
В литавры бейте! В мой кимвал!
Срастайся, труд и капитал!

167.

Глядят на нас, на поле, лес,
На эти бедные скрижали
Не дух какой-нибудь с небес,
А те, что бабы не рожали.

Что «третий глаз» во мне, внутри,
Переворотница, болото.
В глазу уж засвербело что-то,
Опять бери его и три.

Какой же пыли от ботинок
Нам только черти не подбросят!
Смотрите, как себя возносят,

Каких наделали картинок.
Ну ты составил, парень, стих?
«Состав» закрылся и притих.

168.

А Женщина, а Женщина моя
Проходит все Асфодилонским лугом.
Идет, великой страсти не тая,
Как Мата-Хара, к Истине, к подругам.

За Красоту, которая всех выше,
Сражаемся мы, низменные, тут!
Где ангелы последние живут,
Как и подруги первые, на крыше.

Огонь сойдет, а Слово разойдется,
Хотя частично тут и остается.
Вот как оно в потомках отзовется?

Какой звездой уколется из колодца?
Немеркнущее, в вечности, над нами.
Считайте, посвятил сонеты Даме,

169.

Которая Асфодилонским лугом
Уходит еще далее – к Гомеру.
Все двадцать семь веков, стянув подпругу,
Так и везу свой воз, несущи химеру.

Один вопрос все мучает, все вьется.
Вот был Хемингуэй (заходим с тыла):
Чего ему там, в штатах, не хватило?
Зачем на Кубу едет, прется?

Наверно, так, как та звезда в колодце,
Что, оставаясь, все не остается.
Не может все в колодце расколоться,

Все на Луне ей спрятаться нейдет.
Сиди в своем колодезе, звезда,
Свети на наши села, города.

170.

О Женщины! Вы из Прекрасных Дам!
Являсь к нам, вы всегда прекрасны.

Кому же я свой жупел передам?
Кто разгадает Каллас миг ужасный?

Тот голос, бесы - чьи представляют интересы?
Сотрут программу, не читая.
Хоть Истины не пишутся в гробу,
А все ж работа, главное – ручная!

Терзают мифы. К ночи сводишь вежды.
За гранью не работа уж – служенье,
От самовозгоранья до самосожженья.

От Веры сквозь Любовь – в Надежды.
Что человек? Чело – стихия – век.
Разъят и сам – не искушай Прекрасный Дам,
О Человек!

ЭПИЛОГ

171.

Поэзия – это такие крыла,
Едва уловима, легка.
Течет и течет, сквозь меня протекла
Вся музыка, все облака.

Поэзия – это сиянье стихий,
Земной и небесный дуэт,
Вода и Огонь образуют квартет,
Какой образует стихи.

Слова по волнениям ведет Красота.
Любовь и Надежда, и Вера, -

Все трио, как Кио, не просто химера,
Нет жизни без них, и натура не та.
Поэзия – это сбилось – не сбилось
У самого пламени звезд.

172.

Убежит, чтоб остаться,
Упадет в окоем.
Дай хоть чуть повалиться
С «итальянкой» вдвоем.

На Васильевском спуске,
На виду у Кремля, -
На скопление скулят...
Две сидят андалузки.

Подрастай и двуглавься,
Превращайся в Орла,
Племя русское, славься!

Раскалясь добела.
Княжье око, а дни просто непостиженные.
Пол – России везучи, остальные - блаженные.

173.

Убежало – осталось,
Речью в точку легло,
Хоть кино и не малость,
Да «готово» зело.

Вид приятен для глаза,
Но с чужого плеча.
Слово ж наше! А фраза –
Как Боян, аж два раза.

Что сказал, как врубил,
То с собой и таскай, -
Как абсурд, хвост трубы,

Красны маки, фиолотовы зраки.
Они будут навек, пока жив человек,
Пока пишут стихи свои знаки.

174.

Я в стихиях живу,
На стихии обрек,
Что смеюсь и реву,
Что грешу, как абрек.

Многократно в Земле,
Многократно в Воде,
Многократно в беде,
Многократно в золе.

Слово в речь – горы с плеч. В изначале
Развращение вкуса, потех.
И минуи нас всех пуще печалей
Голод, холод, антихрист и грех.
И да поможет нам Шекспир
Не упустить, как мячик, мир.

Слова по волнениям ведет Красота,
 Любовь, и Надежда, и Вера.
 Все трио, как Кио, не просто химера, -
 Нет жизни без них, и натура не та.

Не те уж Европа, весь мир.
 Но вот за углом я встречаю: Шекспир!
 Такой же, как вся его Книга!
 Читая любя, пропущу сквозь себя,

Как все это я понимаю.
 Беру я стило, наверно, с кило
 И еле передвигаю.

Однако же быстренько встал этот мир,
 Однако же быстренько встал и тот мир,
 Выдать, помогает Шекспир.

Март – май 2004.

ПЕРЕД МЕТЕЛЬЮ

С этого слова «замолаживать»,
 услышанного в пути Владимиром
 Далем, и начался его Толковый Словарь.

Ехал Даль куда-то на Валдай.
 Ямщику брехнуть да только дай:
 - Барин, милай, экий ты молчун!
 Карачай какой-то, карачун!
 - Ты был лучше что-нибудь запел, -
 Даль сказал. - Себя знай, свой удел.

- Ишь ты, - оглядел его ямщик. –
Посиди, милоч поверещи.
- Ты зато у нас говорунок, -
Даль прилег слегка на локоток. –
Тройку, знай, налаживай
Да возжой оглаживай,
Засветло добаться бы, браток.
- Барин, милай, пододень платок. –
Оглядел тот розовый Восток. -
Знай, сиди, понукивай чуток,
Эко замолаживает вбок. –
И достал «мерзавчик» из кармана,
Даль извлек тетрабочный листок.
Отревожась, в роковой степи
Колокольчик бился под дугой.
Что из слова только ни лепи,
Богоносик, ты мой дорогой!

ПЕРСТЕНЬ

А.С.Пушкину

Ты снял темно-зеленый изумруд –
Свой талисман, тебя не сохранивший.
Вот палец Даля. Лик его застывший.
И жить тебе уж несколько минут.

Но вечность пред тобой. Твой перстень, твой Кижэ,
Еще на подвиг кой-кого подвигнет.
Смотрите, как поэт российский гибнет!
Словарь Толковый пишется уже...

Когда нет слов, но чувствую чутьем,
Оно должно быть... юется... где-то тут...
Я – к Далю. Есть то слово, живо в нем!
Все это тот зеленый изумруд!

Все это тот магический кристалл,
Который всем нам Пушкин передал.
Кристалл любви, уже светло-зеленый,
Над нашей поэтической короной.

ЧАША ГРААЛЯ

Pro aris et focis –

В защиту алтарей и очагов.

Из латыни.

Изгоняли из рая самого Люцифера,
И упал изумруд с головы на траву.
Кто-то выточил чашу – служи, полусфера,
Питию и веселью, роду и-ро-до-ву!

И стояла пре всеми высокая чаша,
И Граалем святым нарекли ее дно.
И на вечере тайной, молитвы шабаша,
Сам Христос из нее пил золотое вино.

И, пригубив едва из небесного камня,
В кубке кубков лоя отражения звезд,
О мессии, любви говорил очень странно,
Кой-кому не по сердцу такое пришлось.

А затем в изумруды Грааля сливали
Кровь густую распятого миром Христа.

И на Небо Грааль силы духа призвали,
К двери Веры с небес уж пришла Красота.

Люди пили из чаши и - передавали.
Из рук в руки ту чашу и - передают.
И на дне Красоту у Грааля искали.
И все ищут и ищут, да пьют все и пьют.

С той поры эта чаша – священников, магов,
Чей-то ангел-хранитель, зеленый вулкан.
Это в камне Космической Матери влага,
Мост такой нам на Небо божественный дан.

ДЕВЯТАЯ ЗАПОВЕДЬ БЛАЖЕНСТВ

Блаженны те, что, претерпев гоненья
И путь торя, свой беззаветный путь,
Не потеряли радости, горенья,
Кому Любовь еще вздымает грудь.

На смерть готов, но смерть одолевашь.
Готов страдать, давая жизнь другим.
Так сам себя, свой крест и понимаешь.
За Истину встать можешь и моги!

Останься благ в кипящих сонмах зла!
Останься светел во грядущей тьме!
Идешь босым по терниям, кроме,

Кровь по следам твоим еще тепла.
И подвиг твой – твой дом, который будет,
Признают, наконец-то, люди!

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНА АЭДИЯ (лирика)

Вместо предисловия. Диалоги с Аристотелем. Уроки античного.

От автора.

3

Николай Гумилев. Переводы стихотворные

30

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЛИРИКА

Серебряный век

35

Парижанка

35

Рыба бегаёт

37

Пророки

38

Серебряный век

40

Хант

40

Боги, простите!

42

Фифти-фифти

43

Прощание славян

44

«А мы живем...»

45

Золотое руно

46

Солнце Басилашвили

47

Серебро и чернь

48

Страсти по Леонарду

49

«Я знаю, в будущем Любовь...»

50

Степная лава

51

Мои песнопения

Бессмертные

51

Виктория

52

Агрономия

53

«Звонарь гремит в колокола»...

54

Былина Отставного Соловья

55

Песни из мешка

56

Плащаница

57

«Владыко, нас обереги»...

58

Тройка	59
Обратный	59
Мой алмаз	60
«За околицей Андрей»...	61
«Студент в электричке»...	61
«О светло светлая»...	62
Стакан	63
«Из горлышка Дона»...	64
«Господи! Какая же ты русская...»	65
«Неси свой посох»...	65
Кижы	66
Пенышки (для детей)	67
Кирилл и Мефодий	68
«Лебедушки присели на лугу»...	69
Гумилев	69
«Опять в тени»...	70
«Славяночки – родные»...	71
«Шелом богатырский»	71
Литургия	72
«Крамольники опять забастовали»...	73
«Паны дерутся, а чубы летят...»	74
Чарочка	74
Фигура умолчания (абсурдные стихи)	75
«Все премии от Бунина до Фета»...	76
Велимиру Хлебникову	77
«Когда в квартире жарко»...	78
Ночной Курск	78
Зеленя	79
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.	
<u>Страна Аэдия</u> Звуковая поэзия мира. Концерты. Театр одного поэта.	81
1. Пролог. Все Лавры Лауре (Владения сонета).	82

2. Остров Любви (Французский шансон).	89
3. Вернись в Сорренто (Неаполитанские песни)	98
4. Андалузские ночи (Испанская гитара)	106
5. Карнавал (Аргентинское танго). Бразилия и Перу.	115
6. Птица, лежащая на траве (Тихо поет Америка)	125
7. Смеющаяся Англия (Прометей, раскованный песней)	137
8. Грезы Кабирии	158
9. Белая Скифия (музыкальный ключ к продолжению «Одиссеи» Гомера, часть I)	
Белая Скифия (часть II)	162
10. Арсений Чигринев (музыкальный ключ к роману в стихах)	178
11. Халиф на час (персидские напевы)	188
12. Золотая цепочка Хафиза (Хафиз, о Хафиз!)	208
13. По диким степям (Русская песня)	243
14. Нежность (Русский романс)	253
15. Полония (Славянская тетрадь)	262
16. Викинги (Северное сияние)	263
Эпилог	274
Сады моей памяти (с Аполлинером)	276
Вечер (без Аполлинера)	276
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. КОНИ В ЯБЛОКАХ	278
Нящие	278
Предмет	279
«Нам повезло»	281
Романс о романсах	282
ШЕКСПИРИАНА (сонеты)	283
Перед метелью	389
Перстень	390
Чаша Грааля	391
Девятая заповедь (Из Заповедей Блаженств)	392

Автор: Золотарев Леонард Михайлович

Редакция и корректура автора

Технический редактор: Ветров Николай Владимирович

«Страна Аздия» (лирика)

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
Орловского областного комитета государственной статистики
Июнь 2004г. Объем 25 п.л. Тираж 500 экз. Заказ №72

